САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

IV ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 5 ДЕКАБРЯ 2025 ГОДА

М А Т Е Р И А Л Ы

Санкт-Петербург, 2026

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

IV Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 5 декабря 2025 года

М А Т Е Р И А Л Ы

Санкт-Петербург
2006

УДК 343.1
ББК 67.411
У26

Под общей редакцией **А. А. САПОЖКОВА,** заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственные редакторы **Е. Б. СЕРОВА,** заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; **Д. А. СЫЧЕВ,** доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук; **Н. В. КУЛИК,** доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

У26 **Уголовный процесс: от истоков к современности** : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 5 декабря 2025 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова ; отв. ред. Е. Б. Серова; Д. А. Сычев, Н. В. Кулик – Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2026. – 1 CD-R (1,91 Мб). – Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-6055961-8-9

Сборник содержит материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в декабре 2025 года. Предназначен для работников органов и организаций прокуратуры, педагогических работников, аспирантов.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным оргкомитетом конференции.

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Айтжанова А. Г. Тактика использования государственным обвинителем документов в судебном следствии по уголовным делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности……..... *6*

Андреева В. А. Особенности доказывания по уголовным делам в отношении лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве……..... *10*

Аржадеева К. И. Проблемы реализации принципов уголовного судопроизводства при использовании электронных процессуальных документов……. *14*

Баркалова Е. В. Приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи (ст. 115.2 УПК РФ)..... *18*

Данилова Н.А. Уголовный процесс и криминалистика: противоречия и взаимопроникновение..... *21*

Елагина Е. В. Заменит ли искусственный интеллект переводчика в уголовном процессе?..... *23*

Ибрагимова А. М. Функции цифровизации уголовного судопроизводства……..... *27*

Исаенко В. Н. Допустимость доказательств в предмете прокурорского надзора в досудебном уголовном судопроизводстве..... *32*

Кируша Г. Н. Гражданский иск прокурора по уголовному делу в защиту интересов несовершеннолетнего..... *38*

Комарова Е. А. Актуальные вопросы приостановления предварительного следствия..... *42*

Корсаков К. А. Уголовное судопроизводство как система (тезисы)..... *46*

Коршикова Е. О. Уголовно-процессуальные средства защиты прав несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия..... *52*

Кудрявцев В. Л. Уголовно-процессуальное доказывание в контексте междисциплинарного исследования: некоторые проблемы реализации..... *58*

Логвиненко В. Ю. Проблемы расследования и уголовно-процессуального доказывания преступлений, совершенных в сфере передачи и сбыта электроэнергии с целью майнинга цифровых валют в Российской Федерации..... *63*

Михайлов В. В. Проблемы подготовки прокурора и сбора дополнительных доказательств в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей..... *69*

Мозговая Д. А. Неотложные следственные действия: вопросы регламентации..... *74*

Поляков С. А. Цифровизация уголовного процесса как фактор, влияющий на обеспечение национальной и международной безопасности..... *77*

Пушторская Е. В. Налоговая амнистия при применении схем дробления бизнеса в уголовно-процессуальном аспекте..... *81*

Резцов А. В. Концепция судебной реформы: ретроспектива принятия..... *89*

Серова Е. Б. Прокурор в суде присяжных..... *97*

Сидоренко Е. В. Вопросы доказывания диверсионного и террористического сообщества и проблемы их разграничения..... *106*

Столбовских Д. И. Проблемы собирания и представления профессиональными участниками уголовного процесса дополнительных доказательств в суде..... *111*

Страхова С. В. К вопросу об основаниях возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного дознания, дополнительного следствия..... *113*

Суходолов А. С. Уголовное преследование по делам частного обвинения за рубежом (на примере Королевства Швеция)..... *119*

Федякова О. Е. Электронные доказательства в уголовном процессе: критерии допустимости и способы верификации. *124*

Холопов А. В. Правосудие в стиле «Судьи Дредд» как возможный перспективный результат цифровизации уголовного судопроизводства..... *132*

Шадрина Е. Г. Особенности доказывания обвинения в суде с участием присяжных заседателей: проблемные вопросы и пути их разрешения..... *138*

Цедрик С. В. Особенности первичных следственных действий при выявлении фактов оказания опасных услуг посредствам воздушного транспорта..... *147*

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ..... *152*

Абдуллаев В. А. Система защиты свидетелей в уголовном процессе России: проблемы эффективности и пути совершенствования..... —

Анискович П. С., Барышникова Т. А. Состязательность в российском уголовном процессе: между романтической целью и реалиями розыскной модели..... *155*

Артемьева Э. Н. К вопросу об уголовно-процессуальном значении понятия «серийное убийство»..... *163*

Григорьев И. А. Особенности тактики осмотра места происшествия авиакатастроф с участием группы следователей. *167*

Даков Н. С., Михайлов А. Д. К вопросу о законодательном регулировании участников уголовного процесса с неопределенным процессуальным статусом..... *172*

Жиляев Д. Д. Актуальные вопросы использования криминалистической анимации при поддержании обвинения в суде присяжных..... *179*

Кочевинов С. Ю. Некоторые теоретические вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве..... *182*

Никитина В. С. Доказательственное значение признания вины по уголовно-процессуальному законодательству России..... *186*

Осмонов К. Д., Максат Сезим Особенности производства следственных действии по законодательству Российской Федерации и Кыргызской Республики..... *190*

Раджабова Т. Р. К вопросу о существенных нарушениях уголовно-процессуального закона, выступающих основаниями для отмен приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей..... *195*

*Сенькина Д. А. С*ложности доказывания наличия прямого умысла лица по делам о преднамеренных банкротствах юридических лиц..... *201*

Степина М. А. Вопросы использования специальных знаний при доказывании способа убийства, совершенного с особой жестокостью..... *205*

Франчак К. В. К вопросу об оценке прокурором оснований, предусмотренных статьей 237 УПК РФ..... *209*

Шелковников Б. О. Проблемы прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства и пути их решения..... *212*

Шкрябин Н. М. Новеллы уголовно-процессуального закона как предпосылка введения электронного уголовного дела в Российской Федерации..... *219*

Сведения для РИНЦ…….. *227*

УДК 343.14

А. Г. АЙТЖАНОВА

научный руководитель
доктор юрид. наук, профессор **В. Н. ИСАЕНКО**

ТАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОКУМЕНТОВ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, СОПРЯЖЕННОМ С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При поддержании государственного обвинения по уголовным делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, следует учитывать, что основанием для квалификации содеянного по чч. 5–7 ст. 159 УК РФ является не только совершение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, но и его сопряженность с преднамеренным неисполнением договорных обязательств. Данное обстоятельство определяет предмет, направленность и содержание доказывания, осуществляемого прокурором – государственным обвинителем, участвующим в рассмотрении судами дел о названных преступлениях.

При осуществлении предпринимательской деятельности коммерческие организации и индивидуальные предприниматели заключают различные договоры с целью правового оформления взаимных обязательств[1].

Результаты изучения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, показал, что субъектами предпринимательской деятельности заключались следующие виды договоров: договор поставки, договор купли-продажи, договор подряда, договор аренды, договор факторингового обслуживания и пр. Как правило, они составляются в письменной форме. Однако в судебной практике имели место случаи, когда суд признавал установленным заключение договора в устной форме исходя из установленных фактических обстоятельств дела[2].

Осуществляя уголовное преследование по делам о мошенничествах, связанных с заключением договоров и невыполнением взятых на себя обязательств, государственный обвинитель должен уметь анализировать его содержание с правовой и фактической точек зрения, правильно использовать

[1] Понятие и условия договора, вытекающего из его условий обязательств регламентируются положениями гражданского законодательства.

[2] Для квалификации действий лица закон не предъявляет требований к оформлению договора между сторонами именно в письменной форме; имеет значение установление фактических договорных отношений в области предпринимательства между спецсубъектами // Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2024 № 77-73/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.10.2025).

имеющуюся в нем информацию в ходе доказывания как в судебном следствии, так и в судебных прениях. Так, при поддержании государственного обвинения по делу по обвинению С. в рассматриваемом преступлении позиция стороны обвинения было построена, в том числе, и на основе анализа договора купли-продажи. С. обвинялся в том, что заключил от имени возглавляемого им ООО договор купли-продажи зерна с индивидуальным предпринимателем (ИП), получил от него денежные средства в размере 200 000 рублей в качестве предоплаты. Однако взятые на себя обязательства С. не выполнил, денежные средства потратил на другие нужды. В судебном заседании С. выдвинул версию о том, что при заключении договора речь шла не о продаже здания, а о продаже строительных материалов, полученных в ходе разбора данного здания. Тактика его изобличения стороной обвинения в судебном следствии была выстроена следующим образом.

Поскольку С. согласился отвечать на вопросы государственного обвинителя относительно содержания заключенного им с ИП договора, положения данного документа оглашались поочередно, а после их оглашения С. задавались вопросы по поводу их содержания. Если С. в ответ на вопрос государственного обвинителя давал противоречащее смыслу озвученного фрагмента договора его толкование, государственный обвинитель оглашал и представлял суду другие документы, уличающие подсудимого во лжи, а также задавал дополнительные вопросы ранее допрошенным свидетелям, подтверждавшим фактическое содержание того или иного положения договора. Согласно его содержанию, предметом договора является продажа здания с указанием его местоположения и характеристик. В договоре была определена цена здания, условия расчета между контрагентами, в том числе предусматривающие внесение при подписании договора предоплаты в размере 200 000 рублей. Государственный обвинитель акцентировал также внимание суда на том, что буквальное (лингвистическое) значение зафиксированных в этом договоре характеристик объекта, о котором идет речь в договоре, свидетельствует, что между сторонами состоялся договор о продаже именно здания как объекта недвижимости, а не строительных материалов. В совокупности с показаниями ряда свидетелей, а также результатами исследования содержания других документов суд согласился с квалификацией инкриминируемого С. преступления по ч. 5 ст. 159 УПК РФ и постановил обвинительный приговор[3].

Практика поддержания обвинения по делам о рассматриваемых преступлениях свидетельствует о том, что документальным оформлением сделок, как правило, занимаются сами подсудимые, впоследствии преднамеренно нарушившие договорные обязательства. Это становится возможным благодаря тому, что они преднамеренно указывают в договорах условия, которые позволяют в дальнейшем облегчить хищение имущества потерпевшего либо избежать имущественных притязаний с его стороны. К примеру, подсудимые указывают неверно в договоре предмет сделки, не указывают

[3] Уголовное дело № 1-931/2009 // Архив Кировского районного суда г. Астрахани.

сроки исполнения обязательств, получение денег оформляют как задаток, а не аванс.

По уголовному делу в отношении П., Г. и Н. подсудимые выдвинули версию о том, что потерпевший не выполнил условия договора, и деньги были внесены им в качестве задатка. В соответствии со ст. 381 ГК РФ при прекращении обязательства до начала его исполнения по соглашению сторон либо вследствие невозможности исполнения задаток должен быть возвращен. Если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны. Однако анализ заключенного договора позволил прийти к выводу, что денежные средства получены подсудимыми в качестве предоплаты и подлежали возвращению[4].

В качестве доказательств вины подсудимого по делам рассматриваемой категории стороной обвинения представляются суду и учредительные документы организации.

В соответствии со ст.52 ГК РФ юридическое лицо действует на основании устава, либо учредительного договора и устава, либо только учредительного договора. В этих учредительных документах должны определяться наименование юридического лица, место его нахождения, порядок управления деятельностью юридического лица, а также содержаться другие сведения, предусмотренные законом для юридических лиц соответствующего вида. Кроме того, в учредительных документах коммерческих организаций могут быть предусмотрены предмет и определенные цели деятельности коммерческой организации.

К примеру, при поддержании государственного обвинения по делу в отношении К. и Г. государственным обвинителем в качестве одного из доказательств вины подсудимых был представлен суду устав организации, в котором содержалась информация, в том числе о том, для какого вида предпринимательской деятельности создана их коммерческая организация. К. и Г. инкриминировалось следующее. Согласно договору поставки, возглавляемая ими организация обязалась поставить другой организации лом черных металлов. Однако в уставе организации, от имени которой действовали подсудимые, реализация лома черных металлов не была предусмотрена. Кроме того, этот вид деятельности подлежит лицензированию, однако соответствующая лицензия у них отсутствовала. Обращение внимания суда государственным обвинителем на данное обстоятельство в совокупности с оглашением им договора поставки, а также других документов, в том числе оговаривающих условия поставки лома черных металлов в итоге способствовало признанию подсудимых виновными и вынесению обвинительного приговора[5]. Это означает, что еще при подготовке к участию в судебном процессе по делу о преступлении рассматриваемого вида назначенный государственным обвинителем прокурор обязан выяснить наличие в уголовном деле учредительных документов организации, руководители которых при-

[4] Уголовное дело № 1-377/2008 // Архив Ленинского районного суда г. Астрахани.
[5] Уголовное дело № 1-686 // Архив Кировского районного суда г. Астрахани.

влечены в качестве обвиняемых. Это обеспечит выяснение вопроса об особенностях ведения хозяйственной деятельности организации, ее правомочиях относительно заключения договоров отдельных видов.

Государственному обвинителю следует знать, что сверка расчетов между контрагентами осуществляется как по конкретному договору, так и в целом по всем коммерческим взаимоотношениям, оформляется акт сверки взаиморасчетов – документ, отражающий состояние взаимных расчетов между сторонами за определенный период. Указанные выше документы позволяют проанализировать договорные отношения между потерпевшим и подсудимым, а также сформировать личное убеждение относительно действительного наличия события или состава рассматриваемого в настоящей статье преступления.

Так, по уголовному делу в отношении Д. суд оправдал его в части хищения им у ООО денежных средств в размере 44 121 200 рублей. Согласно предъявленному обвинению Д. погасил образовавшуюся у него задолженность перед ООО ПКФ ТНК привлеченными денежными средствами третьих лиц. С этой целью Д. предложил ООО перечислять ООО ПКФ ТНК денежные средства для закупки нефтепродуктов и, минуя склады, направлять их в адрес возглавляемой им коммерческой организации для дальнейшей реализации на АЗС Астраханской области. Вырученные денежные средства должны были направляться по обратной схеме. Согласно заключенному договору поставки на условиях 100 % предоплаты ООО перечислило 44 121 200 рублей на счет ООО ПКФ ТНК. После чего Д., не имея намерения исполнять предложенный им ООО бизнес-план, заверил руководителя ООО ПКФ ТНК, что данные денежные средства поступили на расчетный счет в качестве погашения его долга. Тем самым он причинил ущерб ООО в особо крупном размере.

Между тем, суд на основе анализа договора поставки и финансовых документов предприятия пришел к выводу об отсутствии события преступления. Из содержания договора поставки и приложений к нему следовало, что условиями договора является обязательство ООО перечислить ООО ПКФ ТНК в качестве оплаты за товар денежные средства, а также обязательство ООО ПКФ ТНК поставить товар в размерах и в сроки, устанавливаемых в приложениях к договору. В качестве вещественных доказательств были исследованы платежные поручения и товарные накладные предприятий. В результате исследованными платежными поручениями подтверждались факты перечисления ООО в адрес ООО ПКФ ТНК денежных средств за товар, а товарными накладными ООО – факт получения товара на ранее перечисленные суммы денежных средств. Путем сопоставления данных документов суд пришел к выводу, что обязательства сторон по договору выполнены в полном объеме. В связи с этим суд не согласился с позицией стороны обвинения относительно доказанности вины Д. и счел, что предъявленное ему обвинение в этой части не нашло своего подтверждения[6].

[6] Уголовное дело № 1/227 // Архив Кировского районного суда г. Астрахани.

Данный пример свидетельствует о том, что государственному обвинителю следует более внимательно и тщательно исследовать имеющиеся в деле доказательства и сопоставлять их между собой. Безусловно, данная работа является достаточно сложной, имеет свою специфику, однако соответствующими навыками обязаны владеть как прокурор, осуществляющий надзор в досудебном производстве, так и прокурор, назначенный государственным обвинителем, во избежание нежелательных последствий.

В. А. АНДРЕЕВА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. Б. СЕРОВА**

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, С КОТОРЫМИ ЗАКЛЮЧЕНО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Процесс доказывания по уголовному делу является основной составляющей уголовного судопроизводства.

Согласно уголовно-процессуального закона под доказыванием определяется деятельность уполномоченных лиц по сбору, проверке и оценке доказательств, в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Необходимо отметить, что должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, при производстве предварительного следствия должен принимать необходимые меры к полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Результаты научной деятельности и правоприменительной практики свидетельствую о том, что вопросы уголовно-процессуального доказывания обретают особое значение в упрощенных формах уголовного судопроизводства, в частности, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

По справедливому мнению, К. Ф. Багаутдинова, по таким делам, в том числе связанным с досудебным соглашением о сотрудничестве, следователи нередко предпочитают обходиться минимальным набором доказательств, главное место среди которых занимает признание лица, его согласие с предъявленным обвинением[7].

В статье 73 УПК РФ приведен круг обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию по уголовному делу, к которым относятся: событие преступления; виновность лица в совершении преступления, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда,

[7]Багаутдинов К. Ф. Особенности доказывания по уголовным делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-po-ugolovnym-delam-po-kotorym-zaklyucheno-dosudebnoe-soglashenie-o-sotrudnichestve (дата обращения: 11.01.2026).

причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, необходимые для разрешения вопросов о конфискации имущества.

Обращая внимание на перечень закрепленных в законе обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, необходимо отметить, что данные перечень не содержит вопросов, которые необходимо установить при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве.

Доказывание по уголовным делам с участием лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве имеет особенности как в досудебном производстве, так и при рассмотрении уголовного дела судом.

Рассмотрим особенности доказывания по уголовным делам в отношении лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в досудебном производстве.

На необходимость полного и достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, указывает Генеральный прокурор Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 отмечая, что после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве брать на контроль расследование преступлений, добиваясь от органов предварительного следствия тщательного собирания доказательств, необходимых для полного и достоверного установления предусмотренных статьей 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу[8].

По справедливому мнению Е. И. Поповой, сокращенное судебное следствие, в рамках которого доказательства в общем порядке не исследуются и не оцениваются, вызывает необходимость всестороннего изучения работниками прокуратуры и судьями материалов уголовного дела до начала судебного разбирательства[9].

В первую очередь это обусловлено тем, что не всегда должностные лица правоохранительных органов добросовестно подходят к расследованию преступления, если с подозреваемым (обвиняемым) по делу планируется заключить или уже заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Они не проявляют необходимой активности, не проверяют все версии, в том числе возможные версии защиты, некритически относятся к результатам расследования, неправильно определяют предмет и тактику производства следственных действий и т.п. Причиной подобного поведения следователя при производстве по уголовным делам анализируемой категории является упрощенный порядок рассмотрения уголовного дела судом без исследования доказательств виновности лица в совершении преступления. Таким образом, следователь уповает на то, что при рассмотрении уголовного

[8] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

[9] Попова Е. И. Досудебное соглашение о сотрудничестве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: учебное пособие / Е. И. Попова // Москва: ИНФРА-М, 2022. 168 с.

дела судом недостатки предварительного расследования, пробелы доказательственной базы и иные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона будут не замечены. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что надзирающий прокурор, которому поступает уголовное дело с обвинительным заключением в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, для принятия решения в порядке ст. 221 УПК РФ следует по тому же пути наименьшего сопротивления, а именно не всегда проверяет полноту собранных по делу доказательств, свидетельствующих о виновности лица в совершении преступления, а также не принимает меры по соблюдению органом расследования требований уголовного закона при квалификации действий обвиняемого и уголовно - процессуального закона при проведении следственных и процессуальных действий. Таким образом, прокурором нередко выносятся необоснованные представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения в порядке ст. 317.5 УПК РФ.

При подобном подходе следователя и прокурора при выполнении возложенных полномочий при рассмотрении уголовных дел судом возникают осложненные судебные ситуации в виде прекращении рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40.1 УПК РФ и назначении судебного разбирательства в общем порядке. В условиях ненадлежащего расследования, неполноты собранных доказательств, указывающих на виновность лица, существует перспектива вынесения оправдательного приговора.

К примеру, в ходе расследования преступления по обвинению К. совместно с О. и иными неустановленными лицами мошенническим путем похитили принадлежащие ООО «С.», денежные средства в размере 4 250 000 рублей, чем причинили данной организации материальный ущерб в особо крупном размере.[10].

При расследовании преступления с К. заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, во исполнение условий которого последняя полностью признала вину в инкриминируемом ей деянии, дала подробные признательные показания по обстоятельствам совершенного преступления, в том числе указала на лицо, которое вовлекло ее в совершение преступления, которым, со слов обвиняемой, явился О. Кроме того, обвиняемая подтвердила причастность других лиц к совершению указанного преступления, активно способствовала раскрытию и расследованию преступления, то есть в связи с исполнением К. взятых на себя обязательств, удалось организовать объективное и всестороннее расследование. Вместе с тем, изучением материалов уголовного дела, выделенного в отношении К. установлено, что расследование проведено не качественно, органом расследования не принято мер к всестороннему и полному установлению обстоятельств преступного деяния, досудебное соглашение о сотрудничестве с обвиняемой заключено необоснованно, сообщенные ею сведения о причастности третьих лиц в совершении преступления не проверены, ее роль в совершении преступления

[10] Уголовное дело № 1-338/19. Архив Центрального районного суда г. Волгограда.

достоверно не установлена. В основу обвинения положены лишь признательные показания обвиняемой. Причиной ненадлежащего отношения органа расследования к установлению обстоятельств совершенного преступления и отсутствие мер к достоверному установлению соучастников преступной деятельности явилось удовлетворение ходатайства К. о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Несмотря на это, прокурором, изучавшим уголовное дело в отношении К., необоснованно вынесено представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения. Причиной принятия подобного решения стала необходимость спрятать недостатки органа расследования, при наличии которых и в отсутствии представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, рассмотрение уголовного дела судом по существу предъявленного обвинения становится невозможным. Данные выводы сделаны нами на основании исследования материалов уголовного дела, а также вынесенного в отношении О., на которого К. во исполнение условий и обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве указала как на соучастника преступной деятельности, оправдательного приговора на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, которым не установлена вина О. в совершении преступления.

Таким образом, приходим к выводу, что по уголовным делам в отношении лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, полное и тщательное установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, не менее важно, как и по уголовным делам, рассмотрение по существу которых проводится в общем порядке уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что процесс доказывания в досудебном и судебном производстве по уголовным делам в отношении лиц, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве различается объемом представляемых доказательств. Так, при поддержании государственного обвинения по уголовному делу, направленному в суд с представлением прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и принятия решения, прокурор не представляет доказательства, указывающие на обстоятельства совершенного преступления и виновность подсудимого, тогда как возникает обязанность доказать активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, привести сведения о изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Также, государственный обвинитель должен представить суду доказательства, подтверждающие степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица, или сообщить об отсутствии таких сведений.

Список источников

1. Багаутдинов К. Ф. Особенности доказывания по уголовным делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве / К. Ф. Багаутдинов// Судебная власть и уголовный процесс. 2018. №2. С. 21–26.

2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сент.2021 № 544 : с изм. и доп. от 22 февраля 2023 г.

3. Попова Е. И. Досудебное соглашение о сотрудничестве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: учебное пособие / Е. И. Попова. Москва: ИНФРА-М, 2022. 168 с.

УДК 340.1

К. И. АРЖАДЕЕВА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Активная цифровая трансформация правовых систем, включая сферу уголовной юстиции, является объективным вызовом современности и необратимым процессом, затронувшим в том числе и сферу уголовного судопроизводства. Российский законодатель, стремясь идти в ногу со временем, активно внедряет в УПК РФ нормы, регламентирующие использование электронных документов. Переход на электронные процессуальные документы, с одной стороны, открывает значительные перспективы для оптимизации судопроизводства, повышения его эффективности, скорости и прозрачности. Указанной позиции придерживаются группа авторов Пшава В. В., Соколов А. Б., Галдина Э. О. «Сам по себе этот процесс весьма специфичен, касается некоторых ограничений прав и свобод граждан, и поэтому каждая его стадия должна быть прозрачной» [1]. С другой стороны, этот процесс порождает комплекс серьезных проблем, связанных с обеспечением незыблемости фундаментальных принципов уголовного процесса, выработанных вековой правовой традицией и выступающих гарантией прав и свобод личности в ее взаимодействии с государственным принуждением.

Данная статья ставит целью анализ конкретных проблем обеспечения базовых принципов уголовного судопроизводства в условиях использования электронных процессуальных документов Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: определить, как цифровая форма документа влияет на реализацию принципа состязательности, проанализировать риски

для презумпции невиновности, связанные с использованием алгоритмических систем и электронных доказательств, исследовать ограничения для реализации права на защиту, порождаемые технологическими барьерами и спецификой электронного документооборота.

УПК РФ оперирует традиционным, сформированным в докомпьютерную эпоху, перечнем источников доказательств (ст. 74). Несмотря на то, что электронные документы могут фигурировать в деле в качестве иных документов (ст. 84 УПК РФ) или вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ), их специфическая природа не учитывается в полной мере. Новицкий В. А. и Новицкая Л. Ю. определяют электронное (цифровое) доказательство как сведения о фактах в виде цифрового файла, сохраненного на цифровом носителе сети или Интернет [2].

Принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ), предполагающий равноправие сторон обвинения и защиты перед судом, сталкивается в цифровой среде с новой угрозой – «цифровым разрывом». Проблема проявляется в неравенстве технических ресурсов. Сторона обвинения, представленная государственными органами, как правило, обладает значительным финансированием, доступом к современным информационным системам. Защита же, особенно в случаях оказания юридической помощи по назначению, часто лишена ресурсов для полноценного анализа сложных электронных доказательств или работы с специализированным программным обеспечением.

Еще одной проблемой является сложность оспаривания электронных доказательств. Защита лишена возможности применить многие традиционные методы проверки доказательств. Невозможно установить подлинность электронной подписи или идентифицировать отправителя сообщения без специальных знаний и доступа к криптографическим ключам.

Презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), требующая, чтобы все неустранимые сомнения толковались в пользу обвиняемого, вступает в противоречие с возникающей на практике «презумпцией достоверности» данных, полученных из электронных систем. Суд и участники процесса зачастую склонны безоговорочно доверять цифровым данным – логам серверов, электронной переписке, записям с камер наблюдения, – воспринимая их как объективные и неоспоримые свидетельства. Однако электронные доказательства по своей природе уязвимы для манипуляций, повреждений, искажений как в результате злого умысла, так и вследствие технических сбоев или ошибок в программном обеспечении.

Таким образом, для защиты принципа, предусмотренного ст. 14 УПК РФ, необходима выработка строгих стандартов доказывания достоверности электронных доказательств, включая верификацию используемых алгоритмов, проверку целостности данных.

Принцип свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) судьей, присяжными заседателями по своему внутреннему убеждению подвергается серьезному испытанию в связи со спецификой электронных документов. Нельзя не отметить существующую проблему их восприятия и понимания правоприменителем. Электронные доказательства (дампы жесткого

диска, журналы сетевой активности, метаданные файлов) часто представляются в виде сырых данных или сложных технических отчетов. Судья или присяжный, не обладающий специальными познаниями, оказывается в полной зависимости от заключения эксперта. Это создает риск «слепого доверия» эксперту и фактической подмены внутреннего убеждения суда выводом специалиста. Оценка достоверности электронного документа также требует ответа на ряд специфических вопросов: не был ли файл изменен после его создания? Корректно ли работало программное обеспечение, его создавшее? Достоверно ли установлен отправитель электронного сообщения? Решение этих вопросов требует применения специальных познаний и ставит перед законодателем и правоприменителем задачу по разработке четких критериев и процедур такой проверки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что внедрение электронных процессуальных документов в уголовное судопроизводство не является простым техническим новшеством. Это комплексный процесс, затрагивающий самые основы уголовно-процессуальной деятельности и требующий переосмысления традиционных принципов в новых реалиях.

К основным проблемам использования электронных процессуальных документов в доказывании при соблюдении принципов уголовного судопроизводства относятся: угроза принципу состязательности из-за «цифрового разрыва» в ресурсах и возможностях между стороной обвинения и защиты, подрыв презумпции невиновности вследствие некритичного доверия к электронным доказательствам и использования «закрытых» алгоритмов, ограничение права на защиту технологическими барьерами, рисками для конфиденциальности и сложностью оспаривания цифровых доказательств, трансформация принципа свободной оценки доказательств в сторону усиления зависимости суда от заключения экспертов и необходимости внедрения сложных систем обеспечения целостности данных.

Для устранения указанных проблем, по мнению автора, необходима не техническая модернизация существующих процедур, а глубокая процессуальная реформа, которая закрепит на законодательном уровне понятийный аппарат (электронное уголовное дело, электронный процессуальный документ, его аутентичность, юридическая сила) с учетом специфики уголовного процесса, разработает гарантии преодоления «цифрового неравенства», обеспечив участникам, не обладающим техническими средствами, реальный доступ к электронным сервисам через инфраструктуру судов и следственных органов, установит жесткие стандарты информационной безопасности для систем хранения и обработки электронных уголовных дел, превышающие общие требования, детально регламентирует порядок оценки допустимости и достоверности электронных доказательств, включая правила работы с ними в судебном заседании.

Для преодоления терминологической неопределенности и формирования единообразной правоприменительной практики в сфере цифровизации уголовного судопроизводства, автором обосновывается необходимость легального закрепления базового понятийного аппарата посредством системной интеграции в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Предлагаемый механизм предполагает внедрение в структуру УПК РФ самостоятельной главы, именуемой «Основные понятия, используемые в рамках электронного уголовного судопроизводства», содержащей исчерпывающие легальные дефиниции. Внедрение такого понятийного блока преследует следующие процессуальные цели: устранение коллизий толкования при применении норм об электронном документообороте, формирование четких критериев допустимости и оценки достоверности электронных носителей информации, представленных в дело.

Предлагается закрепить основные понятия, такие как «электронное уголовное дело», «электронный процессуальный документ», «электронное доказательство», «цифровой след», «аутентичность электронного документа», «неизменность информационного носителя».

Ввести в «обиход» принцип обеспечения цифровой процессуальной правоспособности, закрепляющий государственную обязанность обеспечить всем участникам процесса, не имеющим технической возможности, бесплатный доступ к электронным сервисам через защищенные терминалы в помещениях судов, следственных органов.

Необходимо закрепить порядок собирания, проверки и оценки электронных доказательств, устанавливающий допустимые формы изъятия и фиксации цифровых следов (с обязательным указанием аппаратно-программных средств, хеш-сумм, условий изъятия), ввести процедуру удостоверения тождества электронного документа, представленного в суд, документу, полученному в ходе следствия, путем проверки электронной подписи, регламентировать способы исследования электронных доказательств в судебном заседании: демонстрация на экране, использование специального программного обеспечения, назначение и проведение судебной компьютерно-технической экспертизы с участием специалиста.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что внедрение электронных процессуальных документов в российское уголовное судопроизводство представляет собой не столько техническую модернизацию, сколько качественную трансформацию процессуальной деятельности, требующую системного переосмысления традиционных гарантий в цифровом контексте. Цифровизация, объективно направленная на оптимизацию и ускорение процесса, порождает латентные, но фундаментальные риски для конституционных основ правосудия, выраженных в принципах уголовного процесса.

Разрешение вышеобозначенных противоречий невозможно в рамках частных поправок или ведомственных инструкций. Необходима комплексная процессуальная реформа, концептуальной основой которой должно стать не просто приспособление старых институтов к новым носителям, а создание целостной процессуальной модели электронного уголовного судопроизводства.

Только такой системный, принцип-центрированный подход, приоритетом которого является не операциональная эффективность, а неприкосно-

венность гарантий прав человека в условиях цифровой трансформации, способен обеспечить подлинную интеграцию технологического прогресса в судопроизводстве. В противном случае возникает риск формирования современной, но сущностно дефектной системы, в которой процессуальная форма, отчужденная от своих фундаментальных оснований, может эволюционировать из инструмента установления объективной истины и защиты прав в фактор легализации и усиления асимметрии баланса публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Пшава В. В. К вопросу цифровизации уголовного процесса / В. В. Пшава, А. Б. Сооклов, Э. О. Галдина // Право и практика. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsifrovizatsii-ugolovnogo-protsessa (дата обращения 21.11.2025).

2. Новицки В. А. Понятие и виды цифровых доказательств / В. А. Новицкий, Л. Ю. Новицкая // Ленинградский юридический журнал. 2019. №1 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-tsifrovyh-dokazatelstv (дата обращения: 21.11.2025).

3. Отченаш А. Ю. К вопросу самостоятельности «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве. / А. Ю. Отченаш // Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. Вып. 11. С. 92–95.

УДК 343.98

Е. В. БАРКАЛОВА

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ЭЛЕКТРОННЫМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ВНЕСЕННЫМИ В КАЧЕСТВЕ АВАНСА ЗА УСЛУГИ СВЯЗИ (СТ. 115.2 УПК РФ)

В связи с повсеместным использованием услуг сотовой связи и фактически заменой стационарных телефонов в гражданском и коммерческом обороте распространенным способом сокрытия денежных средств как предмета хищения стало временное размещение их в качестве аванса за услуги связи, а также в иных случаях – перечисление денежных средств в безналичной форме на расчетные счета дропперов и подставных лиц. Применение стандартной меры пресечения в виде наложения ареста на имущество с целью последующего возмещения ущерба, причиненного преступлением, не всегда оперативно позволяет блокировать движение денежных средств на счета третьих лиц, в том числе открытые в кредитных учреждениях в оффшорных зонах или недружественных странах. Это обусловило введение

законодателем новой меры пресечения – приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи (ст. 115.2 УПК РФ)[11], являющейся фактически промежуточной перед решением вопроса о наложении ареста на имущество и соответственно определением размера причиненного ущерба, предмета хищения.

В качестве обязательного условия применения рассматриваемой меры пресечения уголовно-процессуальный закон указывает использование денежных средств при совершении преступления путем проведения операций по зачислению денежных средств, увеличению остатка электронных денежных средств или денежных средств, внесенных в качестве аванса за услуги связи, при этом соответствующие сведения должны быть приведены в постановлении о приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи. Содержание соответствующего постановления регламентируется часть. 4 ст. 115.2 УПК РФ и включает в себя следующую информацию:

1) фактические обстоятельства, являющиеся основанием для приостановления операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи;

2) сумма денежных средств, сумма электронных денежных средств, сумма денежных средств, внесенных в качестве аванса за услуги связи;

3) дата, до которой приостанавливаются операции с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи;

4) данные об идентификаторе клиента (абонентский номер, номер платежной карты, номер договора либо иная информация, позволяющая идентифицировать клиента, использующего электронные средства платежа) в случае отсутствия сведений о банковском счете (вкладе, депозите), расходные операции по которому подлежат приостановлению.

При приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи, не затрагиваются конституционные права и свободы человека и гражданина, в связи с чем предусмотрен общий порядок принятия решения о применении данной меры пресечения – путем вынесения постановления следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора на срок не более 10 суток. Данный срок является пресекательным. Соответственно по его истечении уполномоченным лицом должно быть принято решение либо о наложении ареста на имущество, либо денежные средства, по которым приостанавливались операции, либо данная мера пресечения отменяется постановлением

[11] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ.

лиц, ее применивших, после чего денежные смогут быть свободно использованы в гражданском обороте.

При этом в случае необходимости наложения ареста на денежные средства, электронные денежные средства, денежные средства, внесенные в качестве аванса за услуги связи, операции с которыми приостановлены, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора не позднее чем за 48 часов до истечения срока приостановления операций возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на денежные средства, электронные денежные средства, денежные средства, внесенные в качестве аванса за услуги связи в общем порядке.

Непосредственно приостановление операций с денежными средствами подразумевает фактическое прекращение расходных операций по списанию денежных средств с банковского счета (вклада, депозита), снятию наличных денежных средств и закрытию банковского счета (вклада, депозита), в том числе с выдачей наличных денежных средств с банковского счета (вклада, депозита) с применением платежных терминалов или банкоматов, операций по уменьшению остатка электронных денежных средств, операций по возврату внесенных в качестве аванса за услуги связи денежных средств посредством выдачи наличных денежных средств или перечисления на банковский счет (вклад, депозит) в кредитной организации, операций по увеличению остатка электронных денежных средств. Рассматриваемая мера пресечения может быть применена в пределах суммы денежных средств, имеющихся в распоряжении лица, т.е. непосредственно находящихся на банковском счете (вкладе, депозите), на который указанные денежные средства были зачислены, суммы электронных денежных средств, денежных средств, внесенных в качестве аванса за услуги связи, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они получены (переданы) в результате совершения преступления.

Механизм применения рассматриваемой меры пресечения предполагает после вынесения постановления направление соответствующего процессуального решения оператору по переводу денежных средств, оператору электронных денежных средств или оператору подвижной радиотелефонной связи, а также уведомление следователем (дознавателем) прокурора в течение 24 часов с момента его вынесения. В свою очередь, лица, ответственные за фактическое исполнение приостановления операций, в течение 24 часов с момента поступления постановления уведомляют следователя или дознавателя о его исполнении.

Введение новой меры пресечения безусловно направлено на сохранение денежных средств, использованных при совершении преступления, и последующее решение вопроса о возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Н. А. ДАНИЛОВА

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ…

Общеизвестно, что криминалистика связана со многими науками – общественными, естественными, техническими, гуманитарными, интеграция теоретико-прикладных достижений которых позволяет совершенствовать существующие и разрабатывать новые методы, приемы, технологии и средства с целью обеспечения надлежащего уровня правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Не менее известно, что криминалистика зародилась в недрах науки уголовного процесса, и многие десятилетия считалась его прикладной составляющей, на что неоднократно указывалось в научных работах прошлого столетия. Так, по мнению И. Н. Якимова, криминалистика (обозначаемая уголовной техникой), во-первых, не относится к самостоятельным научным дисциплинам, во-вторых, является прикладной наукой, которая преследует исключительно практические цели[12]. Сходной позиции придерживались и другие исследователи, отмечая зависимость криминалистики, ее вспомогательный характер по отношению к науке уголовного процесса[13].

Однако с ростом числа и расширением спектра теоретико-прикладных криминалистических исследований в середине. XX в. научное сообщество признало криминалистику самостоятельной юридической наукой, что, тем не менее, не «сняло с повестки дня» вопрос о соотношении этих двух наук.

Вне всяких сомнений, связь криминалистики с уголовным процессом неразрывна в силу ряда обстоятельств. К числу последних, в частности, относятся следующие: именно в рамках науки уголовного процесса осуществляются исследования о сущности доказательств и доказывания, пределах и предмете доказывания, относимости и допустимости доказательств, правилах оценки их достоверности и др.; внедряемые в правоприменительную практику результаты многочисленных исследований отечественных криминалистов (касающиеся применения технико-криминалистических средств, организации и тактики производства следственных действий, методики расследования преступлений) разрабатываются исключительно в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона. Иными словами, продукты науки криминалистики в своем применении теснейшим образом связаны с процессуальными нормами, регламентирующими их применение в сфере уголовного судопроизводства, а нередко их совершенствуют. Примером тому могут послужить закрепленные в уголовно-процессуальном законе в качестве следственных действий предъявление для опознания, проверка показаний на месте и следственный эксперимент.

---

[12] Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924. С. 5.

[13] См., напр.: Митричев С. П. Предмет, метод и система советской криминалистики. М., 1972. С. 299.

Между тем, упомянутая взаимосвязь и взаимопроникновение этих наук не является идеальной, поскольку содержит определенные противоречия. Поясню свою позицию. С одной стороны, криминалистика стремится к неуклонному повышению эффективности противодействия современной преступности, отличающейся как постоянным совершенствованием и внедрением новых способов подготовки, совершения и сокрытия, противоправных деяний так и существенным ростом деяний, имеющих повышенную общественную опасность (таких как преступления экстремисткой и террористической направленности, преступления в сфере высоких технологий, преступления экономической направленности нового поколения и др.). В силу этого, практически любые изменения и дополнения, вносимые в нормы уголовно-процессуального закона, берутся «на вооружение» представителями науки криминалистики с позиций их максимального применения в правоприменительной практике.

С другой стороны, уголовный процесс нередко крайне пренебрежительно относится к собственным законодательным новеллам, а точнее, к их логическому продолжению – криминалистической составляющей этих новелл. Иными словами, зачастую уголовный процесс не учитывает нужды криминалистики (которые автоматически возникают в связи с изменениями и дополнениями, вносимыми в отдельные нормы уголовно-процессуального закона) и, как следствие, препятствует. разработке актуальных криминалистических рекомендаций и их последующему внедрению в правоприменительную практику.

Об этом, в частности, свидетельствует законодательная регламентация процессуального статуса специалиста, форм использования его специальных познаний, процессуального порядка оформления результатов его деятельности и др. В результате, специалист привлекается следователями (дознавателями) исключительно в процессе проверки сообщения о преступлении (исключительно с целью предоставления так называемой справки об исследовании) при полном игнорировании его участия в ходе предварительного расследования, а такое доказательство как заключение специалиста в досудебном судопроизводстве полностью нивелируется. При этом полагаю уместным отметить, что термин «специалист» используется законодателем в Уголовно-процессуальном кодексе РФ шестьдесят два раза. Сходный подход предпринят в отношении ревизора, единственный раз упомянутого в ст. 144 УПК РФ без каких-либо уточнений и разъяснений. Каков же итог? При необходимости ревизор допрашивается в качестве свидетеля, а акт ревизии не признается доказательством (даже в качестве иного документа) и подлежит перепроверке в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы.

Справедливости ради следует отметить многочисленные исследования представителей науки уголовного процесса и криминалистики, посвященные различным аспектам привлечения упомянутых сведущих лиц. Однако, несмотря на это «воз и поныне там».

Не ставя перед собой задачу рассмотреть и иные не менее серьезные проблемы, аналогичные вышеупомянутым, полагаю для того, чтобы как уголовный процесс, так и криминалистика способствовали оптимизации правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства и ее совершенствованию, наряду с бесспорным их дальнейшим взаимопроникновением не менее бесспорным должно быть нивелирование существующих между ними противоречий.

УДК 343.1

Е. В. ЕЛАГИНА

ЗАМЕНИТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Невозможно точно определить, когда возникла необходимость в переводе как средстве коммуникации, но очевидно, что с момента возникновения первых государств (IV тыс. до н. э.) предпринимались меры по упорядочиванию этой деятельности. На Руси в состав Посольского приказа входили переводчики и толмачи (первые осуществляли переводы письменных документов, вторые – устной речи). Упорядочение регулирования института перевода в отечественном уголовном процессе началось с закрепления в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, в котором не только закреплялась необходимость приглашения переводчика – «к допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, не понятном для судебного следователя, приглашается лицо, сведущее в этом языке», но и разрешались некоторые организационные вопросы.

В настоящее время переводчик является самостоятельным участником процесса, отнесен законодателем к категории «иные участники уголовного судопроизводства». Несмотря на то, что переводчик применяет специальные знания, он не является специалистом в процессуальном смысле, поскольку его основной функций является обеспечение коммуникации, в первую очередь, субъекта расследования, прокурора, суда и участника, не владеющего языком уголовного судопроизводства. Правовая регламентация привлечения переводчика (сурдопереводчика) и его участия в следственном действии в целях оказания помощи следователю, дознавателю, суду при общении с определенными категориями лиц, отражены в ст. 18, 59, 69, 169 УПК РФ.

Участие переводчика в уголовном процессе не только обеспечивает реализацию принципа «язык уголовного судопроизводства», соблюдение прав участников уголовного процесса, но и способствует объективизации доказывания и, в конечном счете, обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства.

«Язык уголовного судопроизводства» является одним из концептуальных принципов уголовного процесса, что обусловлено, в первую очередь,

закреплением в ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации того, что «каждый имеет право на пользование родным языком». Кроме того, посредством реализации данного принципа обеспечивается не только возможность коммуникации с участником уголовного судопроизводства, но и, фактически, доступ к правосудию лица, ограниченного в возможности восприятия вербальной информации. Если оперировать не процессуальной и не научной терминологией, то можно сказать, что привлечение переводчика обеспечивает указанным выше лицам «понимание», причем, как их (следователем, дознавателем, судом и т.п.), так и ими.

Значимость института перевода в уголовном процессе в очередной раз нашло подтверждение в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», в котором указывается, что «Основанием для возвращения уголовного дела прокурору в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 237 УПК РФ признается также нарушение права обвиняемого на защиту в досудебном производстве, если такое нарушение исключает возможность постановления приговора или вынесения иного итогового судебного решения (например, обвиняемому, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется судопроизводство < >» .

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года[14] отражено, что в соответствии с итогами Всероссийской переписи населения 2020 года Российская Федерация входит в первую десятку стран по численности населения и является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира, на ее территории проживают представители свыше 190 народов, используются более 300 языков, из которых около 150 относятся к языкам народов Российской Федерации. Данный факт убедительно свидетельствует о востребованности переводчиков не только с иностранных языков, но и с языков народов Российской Федерации. Определенную востребованность в уголовном процессе имеет и перевод с использованием жестового языка, который языковедами признается полноценной лингвистической системой со своей лексикой и грамматикой.

В условиях тотальной цифровизации всех сфер деятельности общества внедрение технологий, использующих искусственный интеллект, в уголовный процесс уже является неизбежным, в частности, в соответствии с п. 9 перечня поручений Президента Российской Федерации от 14 января 2024 г. № Пр-64 Верховному Суду Российской Федерации совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России и Минюстом России рекомендовано про-

[14] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

анализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и при необходимости представить предложения по ее совершенствованию[15]. Очевидно, что одной из сфер использования возможностей искусственного интеллекта является перевод, и в настоящее время все больше научных исследований имеют данную направленность. При этом следует подчеркнуть, что ученые обоснованно концентрируются на использовании автоматизированного перевода как альтернативы, в первую очередь, сурдопереводу, то есть переводу с жестового языка.

Дискуссия относительно применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства является весьма острой, что обусловлено, в частности тем, что как справедливо подчеркивает Е. А. Веревошников «в Российской Федерации действующее законодательство в целом и уголовно-процессуальное в частности в данный момент не содержит положений, прямо регламентирующих применение технологий искусственного интеллекта, однако отсутствует и запрет на их использование при условии соблюдения иных норм»[16]. Тем не менее, в целях обеспечения потребностей практики научное сообщество должно не только оценить перспективность рассматриваемой в статье потенциальной новации, но и спрогнозировать риски, и предложить средства их минимизации.

Интеграция технологий, функционирующих на основе искусственного интеллекта в уголовно-процессуальную деятельность, представляет безусловный интерес для обеспечения «автоматизированного» перевода (сурдоперевода), как альтернативы переводчику – человеку. Плюсы автоматизированного перевода очевидны: обеспечение лицам, в частности, имеющим нарушения сенсорных функций, возможности реализации одного из фундаментальных прав личности – доступ к правосудию; отсутствие необходимости поиска квалифицированного переводчика /сурдопереводчика, в частности; снижение риска неквалифицированного перевода; отсутствие необходимости удостоверяться в квалификации переводчика /сурдопереводчика; обеспечение конфиденциальности общения подозреваемого (обвиняемого) с защитником и т.п.

Очевидны потенциальные преимущества автоматизированного перевода в тех случаях, когда участник одновременно не владеет языком уголовного судопроизводства и имеет сенсорные ограничения, поскольку в данной ситуации требуется не просто сурдопереводчик, а специалист, владеющий конкретным жестовым языком, поскольку в настоящее время в мире насчитывается более 300 различных жестовых языков и они не взаимозаменяемы: русский отличается от белорусского, американский (ASL непонятен британцам, а японский имеет иную структуру, чем китайский. Жестовые языки,

[15] Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России: официальный сайт: URL: http://www.kremlin.ru/.

[16] Веревошников Е. А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 1 (71). С. 59–67.

как и устные, развивались естественным путем внутри сообществ и продолжают эволюционировать.

Отмеченные выше плюсы использования автоматизированного перевода станут реальными, а не потенциальными только при условии безукоризненного «обучения» искусственного интеллекта, то есть соответствующая программа (программы) должна учитывать не только буквальную эквивалентность лексем и жестов, но целый ряд нюансов, поскольку в жестовых языках мимика и движения тела не просто средство выражения эмоций, но и часть грамматики, например, поднятая бровь может обозначать вопрос, наклон головы – модальность, а направление движения руки – структуру предложения.

С лингвистической точки зрения основными препятствиями, ограничивающими возможность использования искусственного интеллекта для перевода, является следующее:

непонимание контекста;

необходимость перевода идиом или культурных отсылок, не имеющих прямого значения в целевом языке.;

неправильная интерпретация или неприменение различных грамматических форм лексем;

конструктивно усложненные (сложносочиненные, сложноподчиненные) предложения;

невозможность распознавания интонационной или эмоциональной окрашенности речи; Тон. ИИ может не уловить оригинальный тон или эмоции исходного текста;

затруднения при распознавании и переводе терминов, аббревиатур, сокращений и т.п.

невозможность задавать вопросы для уточнения в целях обеспечения аутентичности перевода (в отличии от переводчика, который наделен данным правом в соответствии с п.1 ч. 3 ст. 59 УПК РФ).

Таким образом, замена переводчика / сурдопереводчика автоматизированной системой перевода порождает проблемы, требующие выработку сбалансированного подхода, позволяющего использовать преимущества современных технологий для обеспечения соблюдения участников уголовного процесса, в частности, имеющих сенсорные ограничения. Не оспаривается целесообразность использованием специальных программ для перевода формальной информации (разъяснение прав, обязанностей, ответственности и т. п.), но в случае проведения вербальных следственных действий, в первую очередь, допроса и проверки показаний на месте можно говорить о прогнозировании возникновения затруднений, обусловленных особенностями не только русского, но и любого другого языка: наличие значительного количества полисемичных лексем; влияние интонации на смысловое содержание; произвольность определение порядка слов в предложении; наличие идиоматических выражений и т.п. Кроме того, сложно представить, как будут разрешаться вопросы правового характера: кто будет нести ответственность за неправильный перевод? Каков будет процессуальный статус

лица проверяющего в случае возникновения сомнений правильность перевода?

В качестве вывода позволю констатировать, что до появления оптимальных автоматизированных систем, обеспечивающих адекватный перевод, институт «реального» перевода не утратит своей востребованности, но поскольку потенциальное использование искусственного интеллекта в уголовном процессе, в частности, для осуществления перевода, может в обозримом будущем превратиться в реальное из потенциального научному сообществу желательно уже в настоящее время обсуждать не только возможности искусственного интеллекта, но и возникающие риски, не только прогнозировать потенциальные проблемы, но и формулировать предложения по их разрешению, в частности, адресованные законодателю.

А. М. ИБРАГИМОВА

ФУНКЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цифровизация является одним из актуальных направлений исследования в рамках уголовно-процессуального права.

Как справедливо отметил А. В. Победкин, «мода на цифровизацию ввергла исследователей в горячку, пока не позволяющую, даже невзирая на многочисленные проведенные конференции, разобраться в вопросе о том, что собственно вообще имеется ввиду под цифровизацией уголовного судопроизводства».

Так как в данном вопросе следует отметить неоднозначность подходов к определению содержания цифровизации.

Можно выделить два основных подхода к вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства:

- полноценная процессуальная регламентация порядка уголовного судопроизводства в информационной среде, среди сторонников которой следует отметить Зуева С. В., Моругину Н. Г., Чурикову А. Ю. и др.;
- использование возможностей электронного документооборота, среди сторонников которых следует выделить А. В. Победкина.

Безусловно, использование возможностей электронного документооборота в межведомственном взаимодействии в рамках значительно ускоряет взаимодействие.

Уже на данном этапе, большинство органов государственной власти используют возможности электронного документооборота как внутри ведомства между различными исполнителями, так и в межведомственном взаимодействии для обмена данными.

Так, например, в деятельности органов прокуратуры электронный документооборот осуществляется на базе АИК «Надзор-WEB». Благодаря воз-

можностям ИС МЭВ в органах прокуратуры происходит оперативный обмен информацией между органами прокуратуры и различными государственными структурами.

Аналогично в системе МВД России используется СЭД, в СК России – АИК «Надзор». При этом каждая информационная система предусматривает порядок работы в ней в соответствии с ведомственными положениями. И в этой связи мы можем вести речь о цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, о переходе на электронный документооборот.

В соответствии с частью 5 статьи 51 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»[17] с учетом положений части 3 статьи 9 Федерального закона от 27.12.2019 № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре»[18], внедрение государственной автоматизированной системы «Правовая статистика» позволит интегрировать уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов и прокуратуры в уголовном судопроизводстве, что так же обеспечит прозрачность уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов.

Тем самым, если под цифровизацией воспринимать исключительно переход на электронный документооборот, то безусловно, функция цифровизации в рассматриваемом аспекте заключается в сокращении сроков производства по материалам процессуальной проверки, по уголовным делам, что способствует реализации принципа разумности сроков уголовного судопроизводства, так как сокращает сроки обмена информацией; переходе на «безбумажность» в перспективе при отказе от дублирования электронного и бумажного документооборотов.

Однако даже при ограничении вопросов цифровизации исключительно электронным документооборотом следует уделить большое внимание вопросам информационной безопасности.

Так как угроза информационной безопасности имеет потенциал для реализации при условии наличия носителя защищаемой информации и образования канала реализации между источником угрозы и носителем (источником) информации, что возможно при наличии пути распространения информации, следовательно, наличие канала передачи информации от одного субъекта информационного взаимодействия к другому создает потенциальную угрозу безопасности информации[19].

---

[17] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 20.11.1995. № 47. ст. 4472.

[18] Федеральный закон от 27.12.2019 № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» // СЗ РФ. 30.12.2019. № 52 (часть I). ст. 7805.

[19] Ищейнов В. Я. Системы и сети передачи информации и угрозы ее конфиденциальности // Делопроизводство. 2022. № 4. С. 97–102.

Поэтому в качестве еще одной функции цифровизации необходимо отметить обеспечение безопасности информации от возможных угроз.

Если же рассматривать цифровизацию шире электронного документооборота в системе публичной власти, то и функции цифровизации в данном ключе существенно расширяются.

Так, например, начиная с самого начала уголовного судопроизводства – поступления сообщения о преступлении, цифровые возможности обеспечивают получение правоохранительными органами информации о фактах готовящегося или совершенного преступления.

В этой связи в юридической литературе обсуждается вопрос о возможности придания статуса электронному заявлению о преступлении процессуального статуса повода для возбуждения уголовного дела как традиционному заявлению о преступлении[20].

Так, ведомственные приказы МВД России предусматривают возможность подачи гражданами электронного заявления о преступлении посредством заполнения электронной формы обращения на официальных сайтах ОВД, начиная с 2010 г.

Также возможна подача заявления через портал Госуслуги.

Для того, чтобы подать электронное заявление о преступлении в Российской Федерации, необходимо выполнить следующие шаги:

1) зайти на сайт Госуслуги (www.gosuslugi.ru) и авторизоваться с помощью электронной подписи или логина и пароля;

2) на главной странице выбрать раздел «Подать заявление и получить услугу»;

3) в открывшемся разделе выбрать вкладку «МВД России» и далее раздел «Заявление о преступлении»;

4) заполнить все необходимые поля, указав свои Ф.И.О., данные документов, контактную информацию, а также подробное описание совершенного преступления;

5) при необходимости приложить к заявлению скан-копии документов, фотографии, видео- или аудиозаписи, которые могут помочь в расследовании;

6) проверить все данные и подтвердить отправку заявления;

7) получить уведомление о принятии заявления и отслеживать его статус в личном кабинете на сайте Госуслуги.

Тем самым отправление сообщения о преступлении посредством информационных технологий порождает соблазн использовать его в качестве повода для возбуждения уголовного дела, так как у данного сообщения имеется автор, прошедший аутентификацию в Едином портале государственных и муниципальных услуг, и оно подписано электронной квалифицированной подписью.

---

[20] Колосович М. С., Колосович О. С. Электронная форма заявления как повод для возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3 (18). С. 124–130; Самойлов П. А. Электронное заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела (сравнительный анализ правовой регламентации в нормативных актах МВД России и УПК РФ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2. С. 44–50.

Однако существенным препятствием для придания статуса заявления о преступлении электронному сообщению о преступлении является отсутствие цифрового механизма реализации уголовно-процессуальной нормы, предусматривающей необходимость предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Кроме того, несмотря на поступление в электронной форме, работа после поступления в правоохранительные органы осуществляется после распечатывания на бумажном носителе.

Так, в пп. 9–11 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 установлено, что круглосуточный прием заявлений и сообщений о преступлениях осуществляется оперативным дежурным дежурной части территориального органа МВД России. Для приема электронных заявлений о преступлении применяется программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение заявителем реквизитов, необходимых для работы с заявлениями о преступлениях. Электронные заявления распечатываются на бумажном носителе, дальнейшая работа ведется с ними как с письменными заявлениями о преступлениях[21].

В этой связи в юридической литературе встречается мнение, согласно которому такая бумажная версия не удовлетворяет требованию о необходимости наличия личной подписи на заявлении[22], в том числе в связи с тем, что содержит лишь цифровой образ электронной подписи, но не саму подпись. И также в связи с отсутствием необходимого элемента – отметки о предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Однако непридание значения повода для возбуждения уголовного дела отнюдь не умаляет информационного значения такого заявления и не исключает возможность использовать его в качестве одного из видов сообщения о преступлении и способов его направления в правоохранительные органы.

Тем самым, при расширении взглядов на цифровизацию и не ограничиваясь возможностями электронного документооборота, существенно расширяется перечень источников информации в уголовном судопроизводстве и, как следствие, расширяется сфера уголовно-процессуального воздействия на общественные отношения.

Таким образом, указанный нами выше перечень функций мы можем пополнить функцией использования дополнительного источника поступления информации в уголовном судопроизводстве.

---

[21] Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (ред. от 09.10.2019) // Российская газета. 2014. № 260.

[22] Воронина Н. А. Электронная форма заявления о преступлении как гарантия доступа к правосудию // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: Сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 8 июня 2023 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя. 2023. С. 483.

Кроме того, при придании процессуального значения сообщения о преступлении электронному заявлению, содержащему сведения о совершенном или готовящемся преступлении, обеспечивается баланс частных и публичных интересов.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, основные задачи внедрения современных технологий в производство по уголовным делам: создание комфортного доступа к правосудию, к которым относят, в частности подачу заявлений, ходатайств и жалоб в электронном виде, использование сервисов по составлению заявлений, жалоб, ходатайств в электронном виде[23].

Также к таковым задачам следует отнести обеспечение доступа к материалам уголовного дела при переходе на электронный формат. Несмотря на то, что электронное уголовное дело в уголовном судопроизводстве Российской Федерации не внедрено, в юридической литературе активно обсуждается вопрос о возможности его внедрения, а также предлагаются теоретические модели электронного уголовного дела[24].

Тем самым, цифровые технологии, облегчая возможность осуществления прав гражданами и создавая еще один способ связи с правоохранительными органами и участия в уголовном судопроизводстве на всех этапах, одинаково гарантируют возможность удовлетворения как частных, так и публичных интересов, создавая равные условия для участия в уголовном судопроизводстве.

Следовательно, еще одна функция, реализацию которой обеспечивает цифровизация не только документооборота, но и всего уголовного судопроизводства – это обеспечение реализации принципа равенства участников уголовного судопроизводства.

В продолжение вопроса об обеспечении баланса частных и публичных интересов необходимо остановиться на возможности использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

В частности, речь идет о возможности искусственным интеллектом принимать решения: предъявлять обвинение, выносить судебные решения, назначать наказание.

С одной стороны, такая возможность отвечает публичным интересам, так как существенно ускоряют, упрощают и оптимизируют деятельность должностных лиц. Однако применение результатов труда искусственного интеллекта возможно только через их объективизацию человеком.

Так как отсутствие у искусственного интеллекта этических настроек и эмоционального восприятия не позволяет генерировать справедливые решения, так как не обеспечивают учет необходимости реализации принципа индивидуализации.

---

[23] Качалов О. В. Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 71–72.

[24] См., например, Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 83–94

Об этом свидетельствуют неудачные попытки искусственного интеллекта сделать прогнозы в уголовно-правовой сфере.

Так, наиболее удачно некорректность работы искусственного интеллекта продемонстрировала Духвалова И. Г.[25] на следующем примере. Бриша Борден (негроидной расы) воспользовалась непристегнутым детским велосипедом для проезда по улице в пригороде в Форт-Лодердейла, а затем оставила его без присмотра. Белокожий мужчина Вернон Партер (европеоидной расы) был задержан за кражу инструментов на сумму $ 86,35. У Вернона Партера наблюдался рецидив преступлений, поскольку ранее он был осужден за аналогичное противоправное общественно опасное деяние. Рассматриваемый алгоритм, который определяет вероятность совершения каждым из них преступления, определил высокую степень риска рецидива преступлений у Бриши Борден, в то время как у Вернона Партера – низкую.

Тем самым, искусственный интеллект может поспособствовать ускорению уголовного процесса благодаря освобождению участников уголовного судопроизводства от выполнения рутинных задач.

Таким образом, основываясь на проведенном исследовании можно выделить следующие функции цифровизации уголовного судопроизводства:

1. Сокращение времени на обмен информацией, на получение доступа к необходимой информации;
2. Отказ от использования большого объема бумаги;
3. Создание дополнительного источника информации и канала связи;
4. Обеспечение баланса частных и публичных интересов;
5. Реализация принципа равенства всех участников уголовного судопроизводства.

УДК 343

В. Н. ИСАЕНКО

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРЕДМЕТЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В основных показателях о работе органов прокуратуры по надзору в досудебном уголовном судопроизводстве более не присутствуют сведения о количестве постановлений прокуроров о признании доказательств недопустимыми в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ, хотя такие факты продолжают быть распространенными. В ранее опубликованной нами статье приводились статические данные, свидетельствующие, в частности, о постепенном и существенном снижении количества постановлений прокуроров

[25] Духвалова И. Г. Цифровизация уголовного процесса как средство обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: Сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 8 июня 2023. Москва: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя. 2023. С. 501.

о признании недопустимыми доказательств, полученных следователями следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации (с 743 в 2017 г. до 380 в 2021 г.). Одновременно отмечалось определенная (хотя и недостаточная) тенденция снижения количества недопустимых доказательств, выявленных прокурорами в уголовных делах, досудебное производство по которым осуществляли следователи следственных подразделений МВД России (с 2 658 в 2017 г. до 2 208 в 2021 г.), а также дознаватели и органы дознания МВД России (с 2 253 в 2017 г. до 2 426 в 2021 г.)[26]. В настоящее время получение таких сведений в масштабе Российской Федерации стало затруднительным, тем не менее даже отрывочные данные позволяют судить о том, что проблема обеспечения допустимости доказательств в стадии предварительного расследования еще продолжает присутствовать.

По нашему мнению, данная проблема является существенной, поскольку основное содержание уголовного судопроизводства составляет доказывание, обеспечение проведения которого в строгом соответствии с законом как в узком, так и в широком смыслах – основная задача прокурорского надзора на досудебной его стадии.

Статья 29 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации определяет одним из элементов предмета надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания соблюдение установленного порядка расследования. Само понятие порядка расследования подразумевает не только соблюдение последовательности его осуществления, но в том числе установленного порядка собирания доказательств в соответствии с общими и частными условиями производства следственных действий, подготовки и назначения судебных экспертиз, установленных в главах 23–27 УПК Российской Федерации, правилами оценки полученных таким образом сведений. В статье 75 УПК Российской Федерации критерии оценки допустимости доказательств названы в общем виде как их получение с нарушением требований уголовно-процессуального закона с приведением отдельных видов недопустимых доказательств и оснований их признания таковыми. Однако в статье 88 УПК Российской Федерации «Правила оценки доказательств» такие критерии также не приведены, а в статье 5, раскрывающей содержание основных используемых в уголовно-процессуальном законе понятий, понятие допустимости доказательств отсутствует вообще[27].

---

[26] Исаенко В. Н., Власов Ю. Я. Судебная практика в информационно-аналитическом обеспечении прокурорского надзора за исполнением требований закона о допустимости доказательств // Уголовное право. 2023. № 2. С. 61–62.

[27] Поэтому при их оценке с данной точки зрения прокуроры и другие участники уголовного судопроизводства руководствуются разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (п. 16) и от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства» (п. 13). В соответствии с ними доказательства признаются недопустимыми, если при их получении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина, а также существенные

В соответствии с частью 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Во взаимосвязи с данным конституционным положением находятся нормы, содержащиеся в части 4 статьи 7, в статьях 75, 85. 88, 235 и других УПК Российской Федерации, содержание которых, в сущности, образует институт допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве. Поскольку в части 2 статьи 1 УПК указано, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации определяется данным Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации, имеются достаточные основания утверждать; 1) рассматриваемый уголовно-процессуальный институт имеет конституционное значение; 2) конституционный запрет на использование в судопроизводстве только допустимых доказательств должен предусматривать установление в уголовно-процессуальном законе критериев их допустимости; 3) допустимость доказательств является неотъемлемым компонентом предмета прокурорского надзора в досудебном уголовном производстве; 4) прокурорский надзор за соблюдением требований закона о допустимости доказательств имеет конституционно-правовое содержание и значение.

Последнее обстоятельство требует, на наш взгляд, расширения сферы властно-распорядительных полномочий прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве, предоставления ему права в том числе давать следователям обязательные для исполнения указания о производстве конкретных следственных и иных процессуальных действий для проверки ранее полученных доказательств с целью обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования, формирования достаточно и надежной доказательственной базы по каждому уголовному делу.

В современных условиях уголовного судопроизводства прокурор определенной степени ограничен в этих возможностях. Фактически (за редким исключением) он знакомится с уголовным делом, анализирует и оценивает имеющиеся в нем доказательства, обосновывающие обвинение доказательства при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» требует, чтобы при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, прокурор проверял соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, достаточность собранных доказательств, правильность квалификации содеянного, соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий. При выявлении доказательств, полученных с их нарушениями, прокурор

нарушения установленного уголовно-процессуальным законом порядка их собирания, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами.

обязан выносить мотивированное постановление о признании их недопустимыми и исключении их из обвинительного заключения.

Очевидно, что при выявлении дефицита обосновывающих обвинение доказательств прокурор в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 221 УПК Российской Федерации должен возвращать уголовное дело следователю для производства предварительного следствия со своими письменными указаниями[28]. При этом обращает на себя внимание унизительное для прокурора требование о мотивированности его постановления о возвращении уголовного дела следователю, как и положение о направлении им в следственный орган мотивированного постановления о направлении материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В этом случае следует достаточно абсурдный, но тем не менее логически вытекающий из приведенных положений вывод о том, что уровень мотивированности постановления прокурора определяет тот, кому оно направлено для исполнения. Если учесть, что требование о законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений (часть 4 стать 7 УПК Российской Федерации) распространяется на всех субъектов уголовного судопроизводства, то сложно уяснить, почему требование о мотивированности письменных возражений следователя с постановлением или требованием прокурора не распространяется на не согласного с ними следователя.

Тем нее менее даже в существующих правовых условиях досудебного уголовного судопроизводства прокурор обязан по максимуму использовать свои надзорные полномочия, в том числе по выявлению возможно недопустимых доказательств с последующим принятием соответствующего процессуального решения. Несоблюдение данного требования может повлечь направление в суд уголовного дела, обвинительный тезис в котором обоснован недопустимыми доказательствами или недостаточной их совокупностью. В свою очередь, это может повлечь вынесение судом в лучшем случае решения о возвращении уголовного дела прокурору с этапа предварительного слушания для устранения препятствий для рассмотрения его по существу либо вынесение оправдательного приговора.

Кировским районным судом г. Красноярска руководитель территориального отдела Агентства ЗАГС Г. была признана виновной в получении взяток, должностном подлоге и осуждена к лишению свободы. Ей инкриминировалась незаконная выдача фиктивных свидетельств о рождении детей ряду женщин-цыганок, которые таким образом получали незаконные выплаты. Суды апелляционной и кассационной инстанций вносили частичные

[28] Здесь мы наблюдаем расхождение содержания данного положения с частью 2 статьи 37 УПК Российской Федерации, не наделяющей прокурора полномочием по направлению указаний следователю. Следует также отметить, что в соответствии с частью 4 статьи 221 УПК Российской Федерации следователь вправе обжаловать постановление прокурора о возвращении ему уголовного дела (а значит, и указание) прокурора в течение 72 часов с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору. Данное положение нивелирует значение данного процессуального решения прокурора.

изменения в приговор суда первой инстанции, не подвергая в целом сомнению обоснованность осуждения Г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев данное уголовное дело в связи с жалобами адвоката Г., обратила внимание на следующее. При рассмотрении дела судом первой инстанции стороной защиты заявлялись ходатайства о признании недопустимым доказательством показаний свидетеля О., которая не подлежала допросу на предварительном следствии, поскольку не могла членораздельно говорить и давать адекватные показания в связи с болезненным состоянием. Вместе с тем на основе ее показаний во многом формировалась позиция стороны обвинения. При этом защитник ссылался на имеющиеся в деле медицинское заключение главного врача Красноярской городской поликлиники № 6, согласно которому О. страдала рядом заболеваний, в том числе острым нарушением мозгового кровообращения по ишемическому типу, самостоятельно обслуживать себя на могла, нуждалась в постоянном постороннем уходе и с учетом тяжести состояния ее здоровья проводить с ней следственные действия до восстановления утраченных функций организма не представлялось возможным. В свою очередь, заместитель главного врача и врач-психиатр краевого психоневрологического диспансера за запрос суда сообщили, что у О. установлен диагноз «деменция в связи со смешанными заболеваниями». Достоверность показаний О. не была исследована в связи с ее смертью в период расследования, тем не менее ее показания были в том числе положены в основу вывода о виновности Г. Данное, а также другие обстоятельства, указывающие на существенные нарушения закона на предварительном следствии, установленные в судах предыдущих инстанций, но не принятые последними во внимание, послужили основанием для отмены апелляционного и кассационного определений и направления дела на новое апелляционное рассмотрение с одновременным освобождением Г. из места отбывания наказания[29].

Все возрастающее значение в доказывании заключений экспертов требует от прокуроров владеть навыками оценки обоснованности их выводов, комплексного подхода к ней с точки зрения системно-структурного анализа не только резолютивной, но и исследовательской его частей. Это имеет непреложное значение для формирования внутреннего убеждения в обоснованности и достоверности заключения эксперта, отсутствии противоречий между ним и другими доказательствами, возможности его использования как в формулировании обвинительного тезиса на предварительном следствии, так и при поддержании государственного обвинения в суде. Игнорирование данной обязанности также влечет в итоге оправдание обвиняемого.

При рассмотрении Курганским областным судом уголовного дела по обвинению П. в убийстве М. при отягчающих обстоятельствах последний себя виновным не признал, заявив алиби. Государственный обвинитель

[29] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.07.2023 № 53-УД23-9-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2025). Данное определение не публиковалось.

представил суду ряд достаточных, по его мнению, доказательств виновности П., в том числе протокол его допроса на предварительном следствии в присутствии защитника, заключения первичной и повторной комиссионной судебно-медицинских экспертиз трупа М. о причине и времени наступления его смерти, другие косвенные доказательства. В ходе судебного следствия по ходатайству защитника была назначена повторная судебно-медицинская экспертиза, поскольку возникли сомнения в обоснованности выводов первичной и повторной комиссионной экспертиз, проведенных в досудебном производстве.

По результатам исследования выводов повторной экспертизы, назначенной судом, допросов в судебном заседании проводивших ее экспертов суд пришел к выводу о недостоверности выводов первичной и повторной экспертиз, заключения которых представил суду государственный обвинитель. Были подвергнуты критике содержащиеся в заключении первичной экспертизы недостаточно мотивированные и противоречащие друг другу сведения о нахождении трупа М. в условиях температуры, близкой к отрицательной, а в заключении повторной комиссионной экспертизы, проведенной в досудебном производстве, – о давности наступления смерти М. В связи с этим, а также отсутствием доказательств, которые подтверждали бы совершение П. убийства М. и опровергали бы заявление подсудимого о его нахождении во время убийства М. в другом месте (другие представленные стороной обвинения доказательства были сочтены недостаточными для вывода об этом), суд оправдал П., положив в основу приговора выводы судебно-медицинских экспертов, проводивших повторную экспертизу на основании определения суда. Они были признаны обоснованными как сделанные на основе анализа объективных данных, закрепленных в материалах уголовного дела, в том числе зафиксированных в протоколе осмотра места происшествия, являющиеся научно обоснованными, мотивированными.

Суды апелляционной, а затем кассационной инстанций оставили оправдательный приговор в отношении П. без изменения, а апелляционную и кассационную жалобу потерпевшей В. без удовлетворения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотревшая данное дело в кассационном порядке[30], отметила несостоятельность утверждения о признании П. себя виновным сразу после его задержания, поскольку признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств[31].

Подобные и другие примеры должны быть объектами анализа не только со стороны прокуроров, осуществляющих надзор в досудебном уго-

[30] Участвовавшая в заседании суда кассационной инстанции прокурор Генеральной прокуратуры Российской Федерации Ф. просила оправдательный приговор и определение суда апелляционной инстанции оставить без изменения.

[31] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от27.08.2024 № 82-УД24-7-А2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.11.2025). Данное определение не публиковалось.

ловном судопроизводстве, но и прокуроров, назначаемых государственными обвинителями, которые в такой же степени обязаны тщательно анализировать надежность и достаточность доказательств, обосновывающих вывод органа предварительного расследования о виновности лица, привлекаемого в качестве обвиняемого. Изучение соответствующих материалов прокурорской и судебной практики показывает, что направление в суд уголовного дела, обвинение по которому обосновано недопустимыми или недостаточными доказательствами, есть результат системных упущений в работе следователя, должностного лица подразделения процессуального контроля и руководителя следственного органа, надзирающего прокурора. Это создает сложности для государственного обвинения в суде, если поддерживающий его прокурор столь же некритично отнесся к исследованию объема, фактического содержания и процессуальной безупречности доказательственной базы при подготовке к участию в судебном процессе.

Предупреждению этих недостатков способствует осуществление необходимых организационно-управленческих, учебно-методических мероприятий соответствующей направленности. Материалы соответствующей практики следует также шире использовать в подготовке будущих прокурорских работников в образовательных учреждениях юридического профиля, чтобы еще в период обучения они приобретали первичные распознавания недопустимых доказательств, знали формы и содержание прокурорского реагирования на такие факты.

Список источников

1. Исаенко В. Н., Власов Ю. Я. Судебная практика в информационно-аналитическом обеспечении прокурорского надзора за исполнением требований закона о допустимости доказательств // Уголовное право. 2023. № 2. С. 59–65.

УДК 343

Г. Н. КИРУША

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК ПРОКУРОРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ЗАЩИТУ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Возможность подачи гражданского иска по уголовному делу имеет важное значение в качестве механизма возмещения вреда, причиненного непосредственно преступлением. Статистические данные указывают на популярность данного средства защиты прав потерпевших от преступлений. Так, на протяжении последних 5 лет количество рассмотренных судами общей юрисдикции гражданских исков по уголовным делам остается на ста-

бильно высоком уровне – свыше 90 000. В 2023 году имел место значительный рост числа рассмотренных исков, общее количество за год составляло 112966[32].

Для несовершеннолетнего в силу возраста может быть затруднительна самостоятельная реализация и защита своих прав, в том числе права на возмещение причиненного преступлением вреда. В связи с этим в ч. 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривается возможность предъявления гражданского иска в защиту интересов несовершеннолетних их законными представителями или прокурором.

Ранее действовавший Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года (далее – УПК РСФСР) также предполагал возможность подачи гражданского иска прокурором в интересах несовершеннолетнего. Так, первоначальная редакция ч. 3 ст. 29 УПК РСФСР предусматривала, что «прокурор вправе предъявить или поддержать предъявленный потерпевшим гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан». Аналогичная формулировка содержалась в ч. 5 ст. 248 УПК РСФСР. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» ч. 3 ст. 29 и ч. 5 ст. 248 УПК РСФСР были изменены. Формулировка их стала более императивной «Прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный потерпевшим гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан». Таким образом, в указанных случаях предъявление иска стало не правом, а обязанностью прокурора.

Действующий УПК РФ несколько ограничил возможности подачи прокурором гражданского иска в интересах граждан указанием на конкретные категории лиц, в защиту которых может он быть предъявлен. В первую очередь это несовершеннолетние, кроме того, лица, признанные недееспособными либо ограниченно дееспособными, а также лица, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы. В то же время диспозитивная формулировка ч. 3 ст. 44 УПК РФ «может быть предъявлен» вызывает вопрос: является ли предъявление иска в защиту интересов несовершеннолетнего правом или обязанностью прокурора, если иск не подан самим несовершеннолетним или его законным представителем. Неопределенность в решение данного вопроса вносит императивная формулировка ч. 6 ст. 246 УПК РФ, в которой указано что «Прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий».

[32] См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 20.11.2025).

Тот факт, что в судебной практике встречаются случаи, когда при очевидном наличии оснований для предъявления гражданского иска в интересах несовершеннолетнего он не предъявляется ни законным представителем, ни прокурором, свидетельствует об отношении к предъявлению гражданского иска, как к праву, а не как к обязанности прокурора. Так, из приговора Нижегородского областного суда от 06.03.2020 г. по уголовному делу №2-9/20 следует, что осужденный убил с особой жестокостью женщину и мужчину в присутствии их дочери и несовершеннолетней внучки, угрожал убийством дочери погибших, которая была его сожительницей, покушался на ее жизнь и жизнь попытавшегося её защитить соседа, а также умышленно причинил средней тяжести вред здоровью несовершеннолетней внучке погибших, которая являлась его биологической дочерью, нанеся ей клинком ножа 1 удар в область бедра. Гражданский иск был заявлен дочерью погибших, которая одновременно являлась законным представителем несовершеннолетней потерпевшей – внучки погибших. Она требовала взыскания с подсудимого компенсации морального вреда и возмещения материального ущерба, связанного с расходами на погребение и поминальные обеды. Ее требование о компенсации морального вреда удовлетворено частично, денежные средства взысканы в ее пользу. При очевидности причинения физических и нравственных страданий несовершеннолетней ни законным представителем, ни прокурором не предъявлен гражданский иск в ее интересах[33].

В научной литературе встречается, как упоминание о подаче гражданского иска в качестве права прокурора[34], так и точка зрения о том, что это его обязанность[35]. Полагаем, что по смыслу закона предъявление гражданского иска в защиту интересов несовершеннолетнего лица является обязанностью прокурора в ситуации, когда иск не предъявлен самим несовершеннолетним или его законным представителем. А диспозитивная формулировка ч. 3 ст. 44 УПК РФ обусловлена наличием альтернативы между подачей гражданского иска законным представителем или прокурором. Полагаем, что во избежание двоякого толкования ч. 3 ст. 44 УПК РФ следует дополнить указанием на обязанность прокурора предъявить гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетнего, когда имеются основания для его предъявления и он не подан законным представителем. При проведении анкетирования данную идею поддержали 76 % респондентов из числа опрошенных прокурорских работников[36].

---

[33] См.: Сайт Нижегородского областного суда // URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=1432873&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.11.2025).

[34] См.: Сушина Т. Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. № 3. 143 с.

[35] См.: Легостаев С. В. Гражданский иск прокурора в уголовном процессе // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 16 декабря 2021 г.). Рязань, 2022. 232 с.

[36] В анкетировании приняли участие 33 прокурорских работника из числа слушателей факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Ч. 3 ст. 44 УПК РФ прямо не предусматривает каких-либо ограничений для подачи прокурором иска в интересах несовершеннолетнего. В то же время в науке и судебной практике толкование данной нормы не столь однозначное. Так, В. А. Виноградова, признавая, что закон не разграничивает ситуации, когда иск подается прокурором, приходит к выводу, что, исходя из законодательно установленной возможности отстранения законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего следует, что «прокурор предъявляет гражданский иск в интересах несовершеннолетнего потерпевшего, если есть основания полагать, что его законные представители своими действиями наносят ему ущерб (например, совершили в отношении него преступление)»[37]. В правоприменительной практике также обнаружился пример ограничительного толкования ч. 3 ст. 44 УПК РФ в вопросе предъявления иска прокурором. Так, кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2021 г. № 77-1971/2021 в части гражданского иска судебные акты судов первой и апелляционной инстанции отменены, производство по гражданскому иску прокурора прекращено. В качестве одного из мотивов принятого решения указано, что «Материалы дела, в том числе исковое заявление прокурора, не содержат данных о том, что законные представители несовершеннолетнего потерпевшего не имели возможности предъявить исковые требования в защиту прав своего несовершеннолетнего сына»[38].

Представляется, что оба варианта толкования закона необоснованно сужают полномочия прокурора. Следует исходить из буквального толкования ч. 3 ст. 44 УПК РФ, в которой предъявление иска прокурором не ставится в зависимость от поведения законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего и его способностей самостоятельно подать иск в интересах представляемого лица.

Таким образом, предъявление гражданского иска в защиту интересов несовершеннолетнего лица не ставится в зависимость от каких-либо условий и должно рассматриваться в качестве обязанности прокурора, если иск по каким-либо причинам не предъявлен самим несовершеннолетним или его законным представителем. Во избежание двоякого толкования предлагаем дополнить ч. 3 ст. 44 УПК РФ следующим положением: «Если гражданский иск не предъявлен законным представителем или, при наличии такого права, представляемым лицом, прокурор обязан предъявить гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы».

---

[37] Виноградова В. А. Некоторые вопросы рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе: разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Законодательство и практика. 2021. № 1 (46). 17 с.

[38] Сайт Девятого кассационного суда общей юрисдикции // URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=11191992&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 23.11.2025).

УДК 343

Е. А. КОМАРОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Приостановление предварительного следствия, это временный перерыв в производстве по уголовному делу, вызванный определенными обстоятельствами, препятствующими такому производству. Необходимо учитывать, что «незаконное или необоснованное приостановление предварительного следствия может повлечь за собой такие негативные последствия, как утрата возможности своевременного собирания необходимых доказательств и оставление преступника безнаказанным, способным вследствие этого совершать более тяжкие преступления, а также нарушение права потерпевшего на своевременный доступ к правосудию»[39]. Деятельность следователя по приостановленному производством уголовному делу должна быть направлена на устранение причин, послуживших основанием принятия такого решения. «Принятие решения о приостановлении предварительного следствия бессмысленно в отрыве от перспективы его возобновления. Следователь всегда должен эту перспективу видеть, чтобы в любой момент вновь приступить к производству по уголовному делу»[40]

Актуальность вопросов приостановления предварительного следствия обусловлена необходимостью уточнения его правовых оснований и условий, установления четкого порядка приостановления, а также преодоление сложностей, возникающих в процессе правоприменения. Все это требует обращения к соответствующим нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) и изучению сложившейся правоприменительной практики.

В процессе применения данного института возникает ряд вопросов, требующих внимания, таких как: неоднозначное толкование процессуальных норм; нарушение прав участников уголовного судопроизводства, в частности – сбор доказательств после приостановления производства по делу; необоснованное приостановление предварительного расследования по надуманным основаниям, а также несвоевременное возобновление производства по уголовным делам после отмены решения о приостановлении.

В связи с этим особое место в обеспечении законности при производстве по уголовным делам, законности принимаемых решений о приостановлении предварительного расследования, соблюдения прав участников уголовного судопроизводства отводится органам прокуратуры.

---

[39] Организация и осуществление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия: Учебник / науч. ред.: А. Г. Халиулин, Л. А. Щербич. М.: ИД «Городец», 2024. С. 332.

[40] Лисицына А. В. О проблемах института приостановления предварительного следствия и его возобновления: срез мнений, практика, пути решения / А. В. Лисицына // Вестник экономической безопасности. 2021. № 6. С. 81–84.

В рамках осуществления надзорной деятельности выявляется недостаточная результативность следственной и оперативной работы, которая становится причиной необоснованного приостановления производства по уголовным делам.

Так, в 2024 году количество уголовных дел, расследование которых приостановлено ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, уменьшилось на 1,4 % (с 1 149,1 тыс. до 1 133 тыс.). При этом значительное количество принятых решений выносится с нарушением закона (в 2024 году – 375,7 тыс., – 1,2 %)[41].

Приостановление предварительного следствия можно признать законным при условии соблюдения ряда процессуальных гарантий.

Во-первых, уведомление следователем участников уголовного судопроизводства о принятом решении. Обязанность такого уведомления закреплена в уголовно-процессуальном законе, но в зависимости от основания приостановления круг этих лиц может меняться.

Так, если приостановление происходит на основании п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то следователь уведомляет об этом потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей и одновременно разъясняет им порядок обжалования данного решения. В случае приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным п. 3–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ уведомлению также подлежат подозреваемый, обвиняемый и его защитник, а в случае, предусмотренном п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ - командование воинской части (учреждения). То есть, обязательное уведомление подозреваемого, обвиняемого и его защитника о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу по основанию предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, законом не предусмотрено, что подтверждается материалами правоприменительной практики[42].

Во-вторых, уголовно-процессуальный закон достаточно четко формулирует основания приостановления предварительного следствия. Вместе с тем, закрепляет дополнительные условия, при соблюдении которых указанное приостановление будет считаться законным. Так, по основаниям, предусмотренным п.1 и 2 ч.1 ст.208 УПК РФ приостановление возможно только после истечения срока предварительного расследования, а по п. 3–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ закрепляет возможность его приостановления и до его окончания. Причем, как правило, речь идет о первоначальном сроке предварительного расследования – 2 месяца.

Продолжительное время перечень оснований оставался неизменным, вплоть до марта 2024 года[43] когда УПК РФ был дополнен новым основанием

---

[41] Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об эффективности актов прокурорского реагирования и их влиянии на состояние законности в процессуальной деятельности органов предварительного расследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства».

[42] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 21 апреля 2025 г. по делу № 22К-2519/2025 [электронный ресурс]. URL: http: // www.garant.ru.

[43] Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренным п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Данное основание подлежит применению только в отношении особого субъекта: лица, призванного на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы, а равно проходящего военную службу в указанные периоды, и только при отсутствии возражений с его стороны о прекращении уголовного преследования.

Уголовно-процессуальный закон закрепляет гарантии обязательного приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования, при условии, что поступит ходатайства командования воинской части (учреждения), если отсутствуют предусмотренные законом препятствия для его удовлетворения[44].

В-третьих, время, в течение которого следствие приостановлено, в срок предварительного следствия не включается. Основная причина закрепления подобного положения – это процессуальная экономия, и это не только процессуальные сроки, но и возможность следователю сосредоточить свои усилия на расследовании других уголовных дел. Несмотря на это «приоритет в рамках совершенствования и развития уголовно-процессуального права должен быть сделан на соблюдение прав и свобод человека, а не на формальных нормативных требованиях»[45]. Нельзя забывать, что основное назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в ст.6 УПК РФ, это защита прав участников уголовного судопроизводства, не только со стороны защиты, но и со стороны обвинения. Решение, регулирующее течение сроков предварительного расследования, «относится к числу важнейших гарантий прав обвиняемого и других участников процесса, и ни одно должностное лицо не вправе по своему усмотрению приостановить установленный законом срок»[46]. Приостановление предварительного расследования, как правило, происходит на неопределенное время, а это создает сложности как для обвиняемого, так и для потерпевшего.

В-четвертых, каждое решение о приостановлении предварительного следствия должно быть обоснованным и мотивированным, подтвержденным конкретными доказательствами, указывающими на необходимость или целесообразность его принятия. Поэтому «вывод, о наличии того или иного основания, должен быть не умозрительным, а подтверждаться конкретными

---

[44] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[45] Нечаев А. А. Процессуальное руководство, осуществляемое в рамках приостановления и возобновления предварительного следствия / А. А. Нечаев, А. В. Образцов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4(36). 19 с.

46 Амичба Л. Р. Приостановление и возобновление предварительного следствия / Л. Р. Амичба, В. В. Толстоброва // Моя профессиональная карьера. 2025. Т. 1, № 69. 524 с.

доказательствами, содержащимися в материалах уголовного дела»[47]. В постановлении должна быть указана не только причина принятого решения, но и приведены доводы, послужившие основанием его вынесения.

Таким образом, соблюдении указанных гарантий приостановления предварительного следствия обеспечивает принятия не только законного и обоснованного решения, но и способствует достижению одного из основных назначений уголовного процесса - защита прав участников уголовного судопроизводства. Соблюдение законности при принятии этих решений напрямую зависит от надлежащего прокурорского надзора и ведомственного контроля руководителя следственного органа на данном направлении.

Список источников

1. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Амичба Л. Р. Приостановление и возобновление предварительного следствия / Л. Р. Амичба, В. В. Толстоброва // Моя профессиональная карьера. 2025. Т. 1, № 69. С. 521–528.

3. Безрядин В. И. Приостановление предварительного следствия: некоторые проблемные вопросы / В. И. Безрядин, И. Н. Кондрат, Я. Д. Чернецкая // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 8. С. 110–116.

4. Лисицына А. В. О проблемах института приостановления предварительного следствия и его возобновления: срез мнений, практика, пути решения / А. В. Лисицына // Вестник экономической безопасности. 2021. № 6. С. 81–84.

5. Нечаев А. А. Процессуальное руководство, осуществляемое в рамках приостановления и возобновления предварительного следствия / А. А. Нечаев, А. В. Образцов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4 (36). С. 18–22.

6. Организация и осуществление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия: Учебник / Науч. ред.: А. Г. Халиулин, Л. А. Щербич. М.: ИД «Городец», 2024;

7. Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об эффективности актов прокурорского реагирования и их влиянии на состояние законности в процессуальной деятельности органов предварительного расследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства».

8. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 21 апреля 2025 г. по делу № 22К-2519/2025 [электронный ресурс]. URL: http: // www.garant.ru.

47 Безрядин В. И. Приостановление предварительного следствия: некоторые проблемные вопросы / В. И. Безрядин, И. Н. Кондрат, Я. Д. Чернецкая // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 8. 112 с.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору».

УДК 343

К. А. КОРСАКОВ

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СИСТЕМА (тезисы)

1. Система уголовного судопроизводства традиционно рассматривается как система стадий и видов производств, система функций[48], в которую включают различные институты[49].

2. Цели уголовного судопроизводства установлены уголовно-процессуальным законом (далее УПК РФ): уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ)[50].

Для достижения данных целей необходимо установить все имеющие значения обстоятельства произошедшего. Для того чтобы достигнуть этой цели - истины (объективной, материальной), используются положения иных наук: криминалистики, доказательственного права, психологии, экспертологии и других.

Однако, сама система уголовного судопроизводства предназначена для этого.

---

[48] См. например: Якимович Ю. К. Система стадий в уголовном судопроизводстве // Вестн. Том. гос. ун-та. 1999. № 267. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-stadiy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 21.11.2025). С. 106; Пиюк Алексей Валерьевич Системность и сбалансированность как важнейшие свойства российского уголовного процесса // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-i-sbalansirovannost-kak-vazhneyshie-svoystva-rossiyskogo-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 21.11.2025). 47 с.

[49] См. например: Клишина А. Г. Стадия возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса: продолжение дискуссии // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stadiya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-v-sisteme-ugolovnogo-protsessa-prodolzhenie-diskussii (дата обращения: 21.11.2025). С. 254–259; Теплякова Ольга Алексеевна. Отказ в возбуждении уголовного дела как институт уголовно-процессуального права // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2021. № 2 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otkaz-v-vozbuzhdenii-ugolovnogo-dela-kak-institut-ugolovno-protsessualnogo-prava (дата обращения: 21.11.2025); Трубникова Татьяна Владимировна Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2003. № 279. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-kontrol-na-dosudebnyh-stadiyah-sudoproizvodstva-pravovaya-priroda-i-mesto-v-sisteme-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 21.11.2025). С. 81–83.

[50] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025)

3. Достижения истины является основной целью, поскольку указанные цели являются результатом оценки установленных обстоятельств, то есть производными.

4. Реализация поставленных законом целей, как и любой иной фикции, возможно только через деятельность конкретных субъектов, в данном случае совокупной деятельности субъектов процессуальной деятельности.

В то же время, адекватного понятия деятельности в уголовном судопроизводстве не сформулировано.

Понятия даются в различных аспектах: криминалистическом, психологическом, процессуальном, в отношении какой-либо части (стадии, стадий) деятельности, либо различным ее этапам, но не охватывает всю систему судопроизводства.

5. В теории уголовного процесса употребляются понятия «доказательственная деятельность», «доказывание»[51], «процессуальная деятельность», «уголовно-процессуальное познание», «судебная деятельность»[52] и т. д. При этом так же нет единого понимания этих определений, они охватывают только часть деятельности, а значит неопределенными по отношению к целям осуществляемой деятельности. Например, «Уголовно-процессуальная деятельность – это система действий всех участников уголовного процесса …»[53].

Таким образом, не выработано обобщающее понимание деятельности, осуществляемой в уголовном судопроизводстве суммирующее деятельность всех участников и направленной на единую цель – получение достоверного знания о произошедшем для решения указанного назначения уголовного процесса.

---

[51] Валюлин Р. Р., Валюлина Е. В. Методологические аспекты познавательной деятельности следователя. // Культура. Наука. Образование: современные тренды : монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. Чебоксары, 2020. С. 14; Зубенко С. В., Колдин В. Я., Ниесов В. А. Формирование правового режима информации процессуального доказывания // Российское правосудие. 2009. № 10 (42). С. 77–83; Авилов А. В. Особое процессуальное положение и компетенция суда как субъекта обязанности доказывания // Теория и практика общественного развития. Электронное периодическое издание. 2010. № 3. С. 178–180; Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 240 с.; Карякин Е. А. К вопросу о равноправии сторон обвинения и защиты в судебном доказывании: взгляд сквозь призму «арбитральной» деятельности суда // «Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве»: материалы Всерос. науч.- практ. конф. Курск: Северо-западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; Международная ассоциация содействия правосудию, 2016. С. 132–142; Никитина Светлана Владимировна Доказательственная деятельность в уголовном судопроизводстве: проблема определения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6 и др.

[52] Пискун О. А. Истина в уголовном судопроизводстве : Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 8.; Малахова Л. И. З. Ф. Коврига о понятии и структуре уголовно- процессуальной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/z-f-kovriga-o-ponyatii-i-strukture-ugolovno-protsessualnoy-deyatelnosti-1 (дата обращения: 06.02.2025).

[53] Макарова Зинаида Валентиновна Понятие и структура уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-ugolovno-protsessualnoy-deyatelnosti (дата обращения: 06.02.2025).

6. В нашем представлении деятельность в уголовном судопроизводстве охарактеризуется как познавательно-доказательственная[54].

Данное понятие не противоречит вышеуказанным оно их синтезирует, дает возможность исследовать как отдельные ее элементы, подсистемы, деятельность субъектов во взаимосвязях с иными элементами, так в их совокупности, выявить и разрешить пробелы и противоречия, взглянуть на неё по-новому, как на целостную систему так и в разных аспектах.

7. Система познавательно-доказательственной деятельности возникла в процессе эволюции общества и государства и продолжает изменяться.

8. Целью функционирования данной системы является осуществление предназначений, целей уголовного судопроизводства, соответствие полученных в процессе деятельности знаний действительности и удостоверение в надлежащей процедуре произведенной деятельности и принятых решений.

9. Данная система является открытой, сложноэлементной, многоуровневой, многоаспектной, динамической, синергетической.

10. Данная система открыта и взаимосвязана с иными системами как более высокими, так и самостоятельными, подвержена их влиянию, и сама влияет на них.

11. По уровням выделяются:

- основная, общая система;
- индивидуальные системы;
- подсистемы.

12. Основная система деятельности уголовного судопроизводства, ее модель, закреплена в уголовно-процессуальном законе и регулируется иными нормативными актами.

13. Индивидуальная система деятельности осуществляется в каждом случае возникновения общественных отношений, требующих уголовно-процессуального регулирования, уголовного судопроизводства, начиная с возникновения повода и оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования и заканчивая представлением результатов ее деятельности (судопроизводства в целом) социуму, обществу.

14. Подсистемы обеспечивают надлежащее функционирование основной системы и индивидуальных систем.

Подсистемами являются: система принципов, система судебный контроль, система участия прокурора в судопроизводстве, система организаци-

---

[54] Корсаков К. А. Методы научного познания в уголовном судопроизводстве: Конспект лекций. СПб., 2004. 68 с.; Корсаков К. А. Концепция познавательно-доказательственной деятельности. // В сборнике: Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы конференций. Под редакцией Н. П. Кирилловой, С. П. Кушниренко Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. Москва, 2019. С. 152–157; Корсаков К. А. Доказывание как элемент познавательно-доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве // Доказывание в уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменения: материалы Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, ПФ ФГБОУВО «РГУП», 28 июня 2022 г.). Н. Новгород : ООО "Печатная Мастерская РАДОНЕЖ", 2023. 180 с. С. 71–79.

онно-вспомогательной деятельности, система разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения[55] и так далее, которые, в свою очередь могут иметь отдельные общие системы, соприкасаемые отдельными элементами с уголовным судопроизводством, такие как прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, судебная экспертиза и другие, и индивидуализируются в каждом случае возникновения уголовного судопроизводства.

15. Деятельность осуществляется и регулируется законом в ее развитии, динамике. От незнания к истинным знаниям.

16. Системы, основная, и, особенно, индивидуальная подвержены различным воздействиям (флуктуациям – отклонениям, возмущениям), в том числе непредсказуемым, поскольку на деятельность отдельных субъектов могут влиять случайные факторы, что в силу детерминизма, влияет на всю систему.

Рассмотрение данной системы как синергетической позволяет выявить ее структурные элементы, механизмы ее функционирования, ее генезиса и путей самоорганизации, дает понимание процесса формирования и изменения структур сложных открытых систем, процесса самоорганизации и спонтанного упорядочивания или хаотизации, как итог взаимодействия компонентов системы и случайных факторов, неопределенностей, в конечном счете совершенствованию как общей системы, так и иных систем деятельности.[56]

17. Как известно, критерием истины является практика. Однако, понятия практики неустоявшиеся, что относится и к области юриспруденции[57].

Практику в данном случае, в системе уголовного судопроизводства, как в общей системе так и в индивидуальной, следует понимать как последовательно повторяющиеся различными властными и иными субъектами, в разных условиях (сыскных и состязательных), в каждом случае возникновения уголовного судопроизводства, результаты познавательно-доказательственной деятельности по оценке, проверке и поиску доказательств и иных сведений в целях познания обстоятельств произошедшего и деятельности, осуществленной в процессе познания предшествующими субъектами и правильности принятых ими решений.

---

[55] П. 1), ч. 7 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) "О Верховном Суде Российской Федерации".

[56] См. например: История и методология юридической науки: коллективная монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 410–429. С. 95–106; Е. Н. Яркова. История и методология юридической науки: Учебное пособие. Тюмень. Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 410–429 и др.

[57] Белова А. П. Понятие «Юридическая практика»: основные подходы к пониманию и трактовки в исследованиях теоретиков права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yuridicheskaya-praktika-osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-i-traktovki-v-issledovaniyah-teoretikov-prava (дата обращения: 08.02.2025); Тутинас Е. В. Юридическая практика как объективный критерий истины в уголовном процессе // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-praktika-kak-obektivnyy-kriteriy-istiny-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 07.01.2025) и др.

18. В системе познавательно-доказательственной деятельности каждый предшествующий субъект каждому последующему доказывает правильность, достоверность (истинность) результатов познания и принятых решений, а также законность, правомерность, осуществленной им деятельности в процессе познания.

19. Каждый последующий субъект познает результаты познания каждого предшествующего субъекта, а также законность, правомерность (истинность) осуществленной ими познавательной деятельности и принятых решений.

20. Такая система деятельности, выработанная в процессе эволюции социума, в наибольшей степени обеспечивает достижение истинных, соответствующих действительности, знаний о произошедшем и принятия законного, обоснованного и справедливого решения на основе практической деятельности по познанию и доказыванию различными субъектами с использованием единой методологии, одинаковыми инструментами в различных условиях.

Аттракторами системы, ее развития и совершенствования, являются познание и доказывание.

Список источников

1. Авилов А. В. Особое процессуальное положение и компетенция суда как субъекта обязанности доказывания // Теория и практика общественного развития. Электронное периодическое издание. 2010. № 3. С. 178–180.

2. Клишина А. Г. Стадия возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса: продолжение дискуссии // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stadiya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-v-sisteme-ugolovnogo-protsessa-prodolzhenie-diskussii (дата обращения: 21.11.2025).

3. Белова А. П. Понятие «Юридическая практика»: основные подходы к пониманию и трактовки в исследованиях теоретиков права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yuridicheskaya-praktika-osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-i-traktovki-v-issledovaniyah-teoretikov-prava (дата обращения: 08.02.2025).

4. Валюлин Р. Р., Валюлина Е. В. Методологические аспекты познавательной деятельности следователя. // Культура. Наука. Образование: современные тренды : монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. Чебоксары, 2020. С. 139–149.

5. Яркова Е. Н. История и методология юридической науки: Учебное пособие. Тюмень. Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 464 с.

6. Зубенко С. В., Колдин В. Я., Ниесов В. А. Формирование правового режима информации процессуального доказывания // Российское правосудие. 2009. № 10 (42). С. 77–83.

7. История и методология юридической науки: коллективная монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. 461 с. С. 410–429.

8. Карякин Е.А. К вопросу о равноправии сторон обвинения и защиты в судебном доказывании: взгляд сквозь призму «арбитральной» деятельности суда // «Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве»: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск: Северо-западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; Международная ассоциация содействия правосудию, 2016. С. 132–142.

9. Корсаков К. А. Доказывание как элемент познавательно-доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве // Доказывание в уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменения: материалы Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, ПФ ФГБОУВО «РГУП», 28 июня 2022 г.). Н. Новгород : ООО "Печатная Мастерская РАДОНЕЖ", 2023. 180 с. С. 71–79.

10. Корсаков К. А. Концепция познавательно-доказательственной деятельности. // В сборнике: Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы конференций. Под редакцией Н. П. Кирилловой, С. П. Кушниренко Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. Москва, 2019. С. 152–157.

11. Корсаков К. А. Методы научного познания в уголовном судопроизводстве: Конспект лекций. СПб., 2004. 68 с.

12. Макарова З. В. Понятие и структура уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-ugolovno-protsessualnoy-deyatelnosti (дата обращения: 06.02.2025).

13. Малахова Л. И. З. Ф. Коврига о понятии и структуре уголовно- процессуальной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/z-f-kovriga-o-ponyatii-i-strukture-ugolovno-protsessualnoy-deyatelnosti-1 (дата обращения: 06.02.2025).

14. Никитина С. В. Доказательственная деятельность в уголовном судопроизводстве: проблема определения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dokazatelstvennaya-deyatelnost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-problema-opredeleniya (дата обращения: 24.11.2025).

15. Пискун О. А. Истина в уголовном судопроизводстве : Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 24 с.

16. Пиюк А. В. Системность и сбалансированность как важнейшие свойства российского уголовного процесса // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-i-sbalansirovannost-kak-vazhneyshie-svoystva-rossiyskogo-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 21.11.2025).

17. Теплякова О. А. Отказ в возбуждении уголовного дела как институт уголовно-процессуального права // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2021. № 2 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otkaz-v-vozbuzhdenii-ugolovnogo-dela-kak-institut-ugolovno-protsessualnogo-prava (дата обращения: 21.11.2025).

18. Трубникова Т. В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2003. № 279. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-kontrol-na-dosudebnyh-stadiyah-sudoproizvodstva-pravovaya-priroda-i-mesto-v-sisteme-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 21.11.2025).

19. Тутинас Е. В. Юридическая практика как объективный критерий истины в уголовном процессе // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-praktika-kak-obektivnyy-kriteriy-istiny-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 07.01.2025).

20. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 240 с.

21. Якимович Ю. К. Система стадий в уголовном судопроизводстве // Вестн. Том. гос. ун-та. 1999. № 267. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-stadiy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 21.11.2025). С. 106–108.

УДК 343

Е. О. КОРШИКОВА

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Защита детей от посягательств сексуального характера занимает значимое место в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, о чем свидетельствует принятый в последние годы законодателем комплекс мер, направленных на предупреждение такого рода преступлений. Являясь одной из целей уголовной политики, частная превенция таких преступлений включает обязательное назначение экспертизы для установления наличия у лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет, расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии (п. 3.1 ст. 196 УПК РФ[58]) с последующими уголовно-правовыми

[58] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред от 27.10.2025 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (1). Ст. 4921.

последствиями в случае положительного ответа на этот вопрос: применением принудительных мер медицинского характера к такому лицу в случае признания его виновным (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ[59]), возложением на суд обязанности учета применения таких мер, отношения осужденных, признанных педофилами, к лечению, результатов судебно-психиатрической экспертизы при решении вопроса об освобождении от отбывания наказания условно-досрочно или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 4.1 ст. 79, ч. 4 ст. 80 УК РФ). Для обеспечения общей превенции законодателем последовательно усиливалась уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних путем ужесточения санкций соответствующих норм Особенной части УК РФ, путем отнесения деяний, подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных ст. 134, 135 УК РФ, совершенных в отношении лица, не достигшего 12 лет, к изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера (примечание к ст. 131 УК РФ), увеличения сроков отбывания наказания, по истечении которых возможно принятие решения об условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (п. «д» ч. 3 ст. 79, ч. 2 ст. 80 УК РФ), недопущения применения отсрочки отбывания наказания к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности детей в возрасте до 14 лет (ч. 1 ст. 82 УК РФ), и т. д.

Безусловно, такое внимание со стороны законодателя к вопросу предупреждения преступлений против половой неприкосновенности детей является оправданным (хоть и не лишенным некоторых проблем, которые в данной статье не рассматриваются, являясь предметом отдельного исследования), учитывая повышенную общественную опасность таких посягательств, оказывающих деструктивное воздействие на психическое, духовно-нравственное и физическое развитие несовершеннолетних и приводящих во многих случаях к крайне негативным последствиям, вплоть до попыток суицидов такими потерпевшими[60].

Вместе с тем защита прав детей, ставших жертвами сексуальных преступлений, уголовно-процессуальными средствами представляется не менее важной, чем их предупреждение. Здесь отечественный законодатель также не бездействовал, предусмотрев ряд процессуальных гарантий для несовершеннолетних потерпевших от таких преступлений, однако, на наш взгляд, на этом направлении предстоит еще немало работы. Отметим некоторые векторы развития уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по делам рассматриваемой категории.

Пунктом 2.1 ст. 45 УПК РФ с 2013 г. предусмотрено право потерпевшего от преступлений против половой неприкосновенности, не достигшего возраста 16 лет, на представление его интересов адвокатом бесплатно по хо-

[59] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 17.11.2025 // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[60] Колбасин В. В. Предупреждение насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних: монография. М., 2025. 3 с.

датайству законного представителя. Данная норма высоко оценивается в литературе как обеспечивающая равные с подозреваемыми (обвиняемыми) гарантии соблюдения прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем отмечается несовершенство правового регулирования такого представительства, связанное, во-первых, с неоправданным ограничением возраста несовершеннолетних потерпевших от сексуальных преступлений 16 годами, во-вторых, с назначением адвоката несовершеннолетнему потерпевшему только по ходатайству законного представителя[61].

Действительно, логично предоставить право на бесплатную юридическую помощь несовершеннолетнему потерпевшему от посягательств сексуального характера в возрасте до 18 лет. Отказ государства от обеспечения такой помощью лиц в возрасте от 16 до 18 лет представляется основанным лишь на экономической целесообразности, а не на реальных потребностях несовершеннолетних потерпевших.

Обоснованной представляется также критика процедуры назначения адвоката несовершеннолетнему потерпевшему по ходатайству законного представителя. Далеко не всегда законный представитель действует в интересах представляемого потерпевшего. Об этом свидетельствует практика отстранения законных представителей (как правило, матерей потерпевших от сексуального насилия со стороны близких родственников), которая тоже не лишена недостатков (но об этом чуть ниже). В подобных случаях в качестве законного представителя привлекается орган опеки и попечительства, но насколько представители данного органа заинтересованы в заявлении ходатайств о назначении адвоката несовершеннолетнему потерпевшему? Вопрос риторический.

Представляется, что интересам несовершеннолетних потерпевших в большей мере соответствовало бы обязательное назначение адвоката с возможностью освобождения последнего от участия в деле в тех случаях, когда потерпевший в возрасте от 14 до 18 лет или его законный представитель, если потерпевшему менее 14 лет, против этого возражают.

Кроме того, обращает на себя внимание рассогласованность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств защиты несовершеннолетних потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности. Уголовный закон, предусмотрев ряд ограничений применения поощрительных мер к осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, отнес к последним не только преступления, указанные в главе 18 УК РФ, но и ряд преступлений против общественной нравственности, для которых половая неприкосновенность является дополнительным объектом (примечание к ст. 73 УК РФ). В Уголовно-процессуальном кодексе содержится указание на преступления против половой неприкосновенности, при этом не раскрывается, какие преступления подразумеваются под данной категорией. Если следовать буквальному толкованию,

[61] См., напр., Гордеева Н. М. Способы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в российском уголовном процессе // Судья. 2015. № 7(55). С. 29–32.

то напрашивается вывод о том, что законодатель предоставляет гарантии по защите интересов несовершеннолетних потерпевших профессиональным юристом только в тех случаях, когда речь идет о посягательствах, предусмотренных главой 18 УК РФ.

Другой проблемой является практика применения уголовно-процессуальной нормы об остранении законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, если он действует вопреки интересам последнего (п. 2.2 ст. 45 УПК РФ). Данная норма, безусловно, направлена на обеспечение реализации законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего, но на практике способна приводить к совершенно противоположным результатам. Не случайно в литературе поднимается вопрос о том, могут ли советы законного представителя несовершеннолетнему отказаться от дачи показаний расцениваться как действия, наносящие ущерб его интересам. Соглашаясь с А. В. Смирновым, А. П. Рыжаков приходит к отрицательному ответу на этот вопрос, поскольку действия законного представителя должны не наносить ущерб интересам потерпевшего, а не органа предварительного следствия[62]. Признавая обоснованность такого вывода, отметим, что советы отказаться от дачи показаний в тех случаях, когда потерпевший имеет право их не давать, то есть не свидетельствовать против своих близких родственников, направлены на реализацию конституционного права, а потому не могут причинять вред интересам потерпевшего. Кроме того, такие действия со стороны законного представителя могут быть проявлением заботы о психическом и нравственном здоровье ребенка.

Неоднозначен также вопрос о том, причиняют ли ущерб интересам потерпевшего действия законного представителя, занимающего позицию об отсутствии события преступления против половой неприкосновенности представляемого лица. На практике, как правило, такая позиция расценивается как наносящая вред интересам последнего. Из изученных нами 30 судебных постановлений, вынесенных по результатам рассмотрения жалоб на действия следователей, отстранивших законных представителей от участия в деле в связи с изменением первоначальной позиции о совершении близкими родственниками или сожителями преступлений сексуальной направленности в отношении их детей, в 29 случаях действия следователя признаны законными. Только в одном случае суд первой инстанции удовлетворил жалобу, указав на то, что позиция матери несовершеннолетней потерпевшей, занявшей сторону защиты от обвинения ее супруга в совершении преступления против половой неприкосновенности дочери, не указывает на возможность нанести ущерб интересам несовершеннолетней потерпевшей.

[62] Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего) на стадии предварительного расследования. Комментарий к ст. 191 УПК РФ : Электронный ресурс // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». М., 2005. URL: EDN VHWEFZ.

Но это постановление в законную силу не вступило, поскольку отменено судом апелляционной инстанции[63].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что, как правило, один лишь факт изменения позиции законным представителем о совершении в отношении ребенка преступления сексуального характера расценивается правоприменителем как достаточное основание полагать, что такие действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего.

К примеру, в жалобе, поданной в суд на действия следователя, отстранившего законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего от сексуального преступления, заявитель (мать несовершеннолетней потерпевшей), ссылалась на то, что в качестве законного представителя потерпевшей по ее просьбе заявила ходатайство о проведении дополнительного допроса потерпевшей с целью дачи правдивых показаний по делу. Такое ходатайство расценено следователем как действия, наносящие ущерб интересам несовершеннолетней потерпевшей, с чем согласился суд[64]. Не вдаваясь в оценку законности и обоснованности решений следователя и суда, признавшего действия следователя законными (учитывая, что судебное постановление вступило в законную силу), по данному делу, зададимся вопросом о том, всегда ли изменение первоначальной позиции по делу о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего со стороны его законного представителя означает причинение вреда интересам представляемого лица.

Учитывая цели правосудия, которым, как указано в ч. 2 ст. 6 УПК РФ, отвечает не только уголовное преследование виновного, но и отказ от него в отношении невиновного, отказ следователя в удовлетворении ходатайства законного представителя о производстве дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего в связи с изменением показаний и отстранение в связи с изменением позиции по делу законного представителя от участия в деле нарушают право потерпевшего и его законного представителя на дачу показаний и способны повлечь необоснованное привлечение к уголовной ответственности невиновного лица.

Практике известны случаи, когда лицо подвергалось необоснованному уголовному преследованию на основании первоначальных показаний несовершеннолетней потерпевшей, данных под влиянием матери, за преступление, которое не совершало, и было впоследствии оправдано по приговору суда.

К примеру, Ш. обвинялся в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении своей дочери, не достигшей возраста 14 лет. При первоначальном допросе в качестве потерпевшей девочка

---

[63] Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 20 июня 2018 г. по делу № 22-862/2018 // Архив Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

[64] Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 30 мая 2022 г. по делу № 22-3462/2022 // Архив Приморского краевого суда.

утверждала, что отец в присутствии матери прикасался к ее половым органам. В ходе проверки показаний на месте она пояснила, что подобных действий отец не совершал, а предыдущие показания об обратном даны ею по просьбе матери. На следующий день при вновь проведенной проверке показаний на месте девочка вернулась к первоначальным показаниям, которые затем подтвердила при повторном допросе. В ходе следственного эксперимента, проведенного спустя месяц и несколько дней после последнего допроса, ребенок опять сообщил о том, что каких-либо насильственных действий сексуального характера в отношении нее отец не совершал. Затем девочка вновь была допрошена в качестве потерпевшей и снова изменила показания, указав на то, что отец прикасался к ее половым органам, она говорит правду, при этом так говорить ей велела бабушка. При вновь проведенном следственном эксперименте девочка опять изменила показания, сообщив о том, что отец ее не трогал, а свою предыдущую позицию объяснила тем, что растерялась. Суд пришел к выводу об отсутствии события преступления, указав на недопустимость протоколов допросов несовершеннолетней потерпевшей с связи отсутствием разъяснения ее прав и прав законного представителя, каковым выступала бабушка, отсутствием разъяснения права потерпевшей не свидетельствовать против своего отца. Противоречия в своих показаниях потерпевшая объясняла тем, что сначала показания о совершении отцом преступления в отношении нее просила дать мать, а затем бабушка. Суд, усмотрев существенные противоречия в показаниях потерпевшей, счел невозможным вывод о достоверности ее показаний и, трактовав все сомнения в пользу подсудимого, оправдал его в связи с отсутствием события преступления[65].

Отметим, что в приведенном деле в качестве законного представителя потерпевшей выступала ее бабушка, по чьей просьбе, согласно пояснениям ребенка, ею были даны показания о совершении ее отцом преступления в отношении нее.

Данный пример является наглядной иллюстрацией сути позиции родителя потерпевшего, отличной от позиции органов предварительного следствия, как не свидетельствующей о причинении ущерба законным интересам несовершеннолетнего потерпевшего, а напротив, направленной на их реализацию. Вряд ли кто-то станет всерьез спорить с утверждением о том, что действия законного представителя, направленные на недопущение необоснованного уголовного преследования близкого родственника несовершеннолетнего, не только не нарушают, но и способствуют реализации его законных интересов.

Таким образом, полагаем, что правовое регулирование и практика применения процессуальных гарантий защиты прав несовершеннолетних потерпевших от посягательств сексуального характера нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

---

[65] Приговор Эхирит-Булагатского районного суда Иркутской области от 6 апреля 2022 г. по делу № 1-92/2024 // Архив Эхирит-Булагатского районного суда Иркутской области.

УДК 343

В. Л. КУДРЯВЦЕВ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Доказывание в силу своей сложной, многообразной и неординарной природы являясь «центром уголовного судопроизводства, его движущим началом»[66] рассматривается и раскрывается в науке в различных аспектах[67].

Однако, при всём при этом «…практически ни один вопрос, связанный с ним … не получил своего окончательного разрешения»[68].

И это несмотря на то, что только на диссертационном уровне данная проблематика подвергалась изучению по данным А. Ю. Афанасьева на 08.01.2025 года «за последнее десятилетие в рамках научных специальностей 12.00.09, 12.00.12, 5.1.4 как минимум 1 160»[69] раз, не говоря уже гораздо о более существенном количестве иных научных и учебных работ.

В определённой степени проблемность «доказывания» должна была снять междисциплинарность исследования, но, как показали её результаты, этого не произошло, наоборот, вопросов стало больше.

В междисциплинарности, как известно, выделяется два подхода:

при первом – проблема изучается более широко и досконально за счёт того, что есть связь между несколькими дисциплинами, основанная на смежности объектов исследования, терминологии и т.п.;

при втором – расширяется область знаний, выходящая за рамки существующих дисциплин, то есть иначе возникает новая научная дисциплина[70].

Возьмём для примера изучение «доказывания» в контексте наук уголовно-процессуального права и криминалистики с позиции первого подхода.

В зависимости от соотношения указанных наук в исследовании доказывания выделим и рассмотрим такие его концепций как:

1) теоретико-доказательственную концепцию предмета криминалистики, сформулированную Р. С. Белкиным.

---

[66] Спасович В. Д. Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 235.

[67] См., об этом, напр.: Кудрявцев В. Л., Лантух Н. В. Глава 10. Уголовно-процессуальное доказывание // Актуальные проблемы уголовного процесса: учеб. для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы МВД РФ. Санкт-Петербург: ЦНИТ «Астерион», 2022. С. 328–333.

[68] Россинский С. Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex russica. 2020. Т. 73. № 9. 65 с.

[69] Афанасьев А. Ю. Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. Н. Новгород, 2025. С. 608.

[70] См., напр.: Крепс Т. В. Междисциплинарный подход в исследованиях и преподавании: преимущества и проблемы применения // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 1(25). 117 с. ; Андреева И. А. Междисциплинарность в современной юридической науке: основания, формы, функции // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 4. С. 159–160.

По его мнению, одним из двух объектов криминалистики является «деятельность по доказыванию»[71], которая находит своё выражение в её предмете через «закономерности доказывания»[72], т. е. «закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств»[73].

Как правило, критики такой позиции полагают, что подобная деятельность относится «к предмету науки уголовного процесса, именно в силу этого не может быть отнесена к предмету криминалистики»[74].

Однако, они не учитывали то, что:

Во-первых, совпадение объекта/предмета исследования возможно в ходе междисциплинарного исследования. Как писал сам Р.С. Белкин «таким совпадающим объектом является часть уголовно-процессуальных норм, а именно: те, в которых идёт речь о собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств»[75].

Во-вторых, подобное совпадение в данном случае не означает и не может означать, что каждая из двух наук изучает одни и те же закономерности. Как раз наоборот, по мнению Р.С. Белкина, при разграничении наук уголовного процесса и криминалистики следует «исходить из различия тех объективных закономерностей, которые составляют ядро предметов этих наук»[76], у каждой из наук есть свои специфические закономерности.

«Собирание доказательств» с точки зрения его позиции в контексте разграничения закономерностей предмета двух наук: если предмет криминалистики – это «закономерности, которые проявляются в самом содержании процесса собирания доказательств, в его механизме, которые обуславливают «обнаруживаемость» доказательств», то предмет науки уголовного процесса – это уже «закономерности, под воздействием которых формируется процессуальный порядок этапа доказывания, его формы и средства, то есть процессуальные действия»[77].

При этом следует отметить, что авторы иных концепций предмета криминалистики (напр., информационно-познавательной, праксиологической и др.[78]), дистанцировались от категории «доказывания» в нём с тем, чтобы, по их мнению, избежать совпадений предмета двух наук. Однако такой подход не привёл к изъятию «доказывания» из содержания дисциплины криминалистики вследствие того, что данная категория имеет отношение к объекту науки, который существует независимо от познающего субъекта.

---

[71] Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. 113 с.

[72] Белкин Р. С. Указ. соч. 129 с.

[73] Белкин Р. С. Указ. соч. 147 с.

[74] Криминалистика: информационные технологии доказывания: учеб. для вузов / [Баянов, А. И. и др.]; под ред. В. Я. Колдина; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Зерцало-М, 2007. 18 с.

[75] Белкин Р. С. Указ. соч. 184 с.

[76] Белкин Р. С. Указ соч. С.178–179.

[77] Белкин Р. С. Указ соч. 180 с.

[78] См., напр.: Князьков А. С. Криминалистика: Курс лекций / под ред. проф. Н. Т. Ведерникова. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008. С. 24–25.

Как следствие этого, реальность такова, что в большинстве учебниках, независимо от точки зрения на определение предмета и/или объекта криминалистики, в соответствующих их разделах рассматриваются как тактика производства отдельных видов следственных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств, так и в качестве структурных элементов частной методики расследования: обстоятельства, подлежащие доказыванию, тактика производства первоначальных и последующих следственных действий.[79]

И здесь в заключение приведу слова А.Г. Филиппова, который правильно указывал на то, что криминалистика в нашей стране изначально была связана с доказыванием[80], и на мой взгляд не изменилась ситуация в этом вопросе и сегодня;

2) концепцию криминалистического обеспечения доказывания.

За основу возьмём работу: Новик В. В. Криминалистическое обеспечение доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2009.

Доказывание рассматривалось им, в частности, с точки зрения «деятельности, разрешающей, наряду с нормативно - процессуальными, также криминалистические задачи доказывания: собирание (выявление, прочтение, расшифровка, фиксация, изъятие и удостоверение следов совершенного деяния), проверку, оценку»[81].

То, что в доказывании автор видел совпадение задач уголовно-процессуального и криминалистического характера для криминалистического обеспечения доказывания такой подход означал междисциплинарность его исследования – это, с одно стороны. А с другой – в работе наблюдается расширение криминалистического обеспечения доказывания за счёт того, что не носит криминалистический характер (напр., авторская программа криминалистического обеспечения анализа материалов уголовного дела[82]);

3) концептуальную модель методологии криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности, предложенную в своей диссертации А. Ю. Афанасьевым[83].

В научный оборот он вводит методологическую категорию «механизм доказывания преступной деятельности», понимая под ней «констатирующую по́нятость организации доказывания преступной деятельности как

---

[79] См., напр.: Комаров И. М. Криминалистика: учеб. / И. М. Комаров [и др.]; под ред. И. М. Комарова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. М.: Юрлитинформ, 2023. 708 с.; Криминалистика: учеб. / коллектив авторов; под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристанскова. М.: Юстиция, 2024. 720с.; Криминалистика: учеб. для вузов / под общей ред. А. И. Бастрыкина. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 643 с.

[80] Филиппов А. Г. К вопросу о понятии криминалистики и о соотношении познания и доказывания // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 4 (32). 18 с.

[81] Новик В. В. Криминалистическое обеспечение доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2009. 11 с.

[82] Новик В. В. Указ. соч. 13 с.

[83] Афанасьев А. Ю. Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. Н. Новгород, 2025. 14 с.

сложной функциональной системы путем установления совокупности ее закономерностей»[84] – это с одной стороны, а с другой – использует в ряде случаев в качестве полного синонима как взаимозаменяемую указанной категории, категорию «деятельность по доказыванию» [85].

Однако, зачем такая взаимозаменяемость, если предлагаемая категория вводится в науку как новая.

Несмотря на то, что автор провозглашает, что исследование методологической категории «механизма доказывания преступной деятельности» идёт с позиции криминалистики и уголовного процесса, его научно-методологическим основанием с его слов «выступает установка, согласно которой преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию... сосуществуют и взаимодействуют между собой по схеме дуализма»[86]. Полагаю, что подобная установка диагностируется как два объекта криминалистики.

В связи с этим возникает вопрос: как возможно, что методологическое исследование происходит по междисциплинарному подходу, а его научно-методологическим основанием выступает только криминалистика со своими двумя объектами исследования?

Выделяется также в диссертации две модели механизма доказывания с соответствующими системообразующими структурными элементами: для функциональной модели – «это средства преступной деятельности и средства ее доказывания», для «информационно-познавательной модели – это средства доказывания и доказательства, доказательства и обстоятельства, подлежащие доказыванию, обстоятельства, подлежащие доказыванию, и предмет доказывания, предмет доказывания и итоговые уголовно-процессуальные решения»[87].

Нетрудно заметить, что структурные элементы информационно-познавательной модели состоят из терминов характерных для уголовно-процессуального оборота, а устанавливаемые между этими элементами общие закономерности, предлагаемые автором на страницах 406–409 диссертации, в частности, «если устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию, то среди всего разнообразия имеющихся доказательств потенциал таких доказательств, как показания подозреваемого, обвиняемого, протоколы следственных и судебных действий является наивысшим»[88], не раскрывают соотношение в них уголовно-процессуального и криминалистического.

В связи с изложенным возникает вопрос: о соотношении номинального (провозглашённого) и реального криминалистического и уголовно- процессуального исследования в предложенных выше видах моделей механизма доказывания с соответствующими системообразующими структурными элементами?

---

[84] Афанасьев А. Ю. Указ. соч. 21 с.
[85] Афанасьев А. Ю. Указ. соч. С.10,14, 19, 21 и др.
[86] Афанасьев А. Ю. Указ. соч. 20 с.
[87] Афанасьев А. Ю. Указ. соч. 22 с.
[88] Афанасьев А. Ю. Указ. соч. 407 с.

Тем не менее введение категории «механизм доказывания» в криминалистический оборот уточнило бы и сделало окончательно оформленной теоретико-доказательственную концепцию Р. С. Белкина в плане одного из объектов криминалистики, т. е. произошла бы замена обозначения объекта с «деятельности по доказыванию» на «механизм доказывания». И стало бы два объекта криминалистики, точно сформулированных с функциональной стороны: механизм преступления и механизм доказывания.

Что же касается введения в качестве методологической категории «механизм доказывания» в устойчивый научный уголовно-процессуальный оборот, то представляется, что пока это маловероятно на сегодняшний день и не только в том формате как предлагается автором выше.

И тому подтверждением служат, в частности, результаты иных диссертационных исследований, связанных с рассматриваемой категорией.

Так, в одной из кандидатских диссертаций по уголовному процессу за 2024 год, категория «механизм доказывания» используется, но её автор не даёт определение данного понятия, полагая, что оно очевидно и есть уже на законодательном уровне – в УПК РФ[89]. В связи с изложенным возникает закономерный вопрос: зачем тогда нужна научная разработка данной категории?

В докторской диссертации за 2011 год М. А. Фокиной по специальности 12.00.15 была предложена концепция современного понимания механизма доказывания по гражданским делам, с авторским определением и раскрытием его элементов [90]. Однако данная категория не только как предлагал автор, но и в иной интерпретации не вошла прочно как в научный, так и учебный материал, не получила соответствующей поддержки среди специалистов в области арбитражного и гражданского процесса.

Таким образом, на примере первого вида подхода междисциплинарности исследования доказывания в рамках рассмотренных выше концепций можно сформулировать ряд таких выводов:

1) не во всех случаях можно точно идентифицировать вклад той или иной науки в доказывание;

2) существует высокий уровень полисемантичности категорий в доказывании (правда, следует признать, что это проблема обусловлена объективной составляющей – в виду сложности и многоаспектности доказывания);

3) присутствует искусственное расширения границ той или иной науки в междисциплинарном исследовании;

4) выявляется разница между номинальным (провозглашённым) и реальным соотношением наук уголовного процесса и криминалистики при исследовании доказывания;

---

[89] Жук М. Я. Особенности доказывания признаков преступления в стадии возбуждения уголовного дела: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Казань, 2024. С. 18, 53.

[90] Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. М., 2011. 7 с.

5) налицо запоздалость или вообще отсутствие внедрения разработанных в ходе междисциплинарного исследования доктринальных положений в научный оборот и/или образовательный процесс отдельной дисциплины (уголовного процесса или криминалистики).

УДК 343.98

В. Ю. ЛОГВИНЕНКО

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ПЕРЕДАЧИ И СБЫТА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ С ЦЕЛЬЮ МАЙНИНГА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стремительная цифровизация экономики породила новые формы экономической деятельности, среди которых особое место занимает майнинг (криптодобыча) – процесс создания цифровых валют путем решения сложных вычислительных задач. Фундаментальной особенностью данного процесса является его высочайшая энергоемкость. В условиях отсутствия четкого законодательного регулирования и высокой стоимости криптовалют, нелегальный майнинг, сопряженный с хищением электроэнергии, стал массовым и высокодоходным видом преступной деятельности в Российской Федерации.

Преступления в сфере незаконного потребления электроэнергии для майнинга образуют комплексный делинквентный феномен, находящийся на стыке «традиционной» экономической и новой киберпреступности. Это обуславливает возникновение значительных проблем при их расследовании и уголовно-процессуальном доказывании, которые не в полной мере решены современной следственной и судебной практикой. Недостаточная разработанность методики расследования данных преступлений и необходимость применения узкоспециальных знаний создают серьезные препятствия для правоохранительных органов в расследовании данного вида преступных деяний.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблем расследования и доказывания преступлений, связанных с незаконным использованием электроэнергии с целью майнинга цифровых валют, и создание научно-практических рекомендаций по их решению.

Криминалистическая характеристика и квалификация преступлений

Согласно п.3.1. ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «майнингом цифровой валюты признается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том

числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе» [1].

Поскольку для процесса майнинга цифровых валют требуется затратить большое количество электрической энергии, расходы на которую в разы превышают вероятный доход, полученный от данного вида деятельности, майнинг цифровых валют в большинстве случаев производится при помощи хищения электрической энергии.

Основным предметом преступления в рассматриваемых преступных действиях является электрическая энергия, которая с правовой точки зрения не признается товаром, а ее безучетное и бездоговорное потребление, фактически, является хищением. Однако при квалификации данного вида преступлений существуют значительные сложности из-за несовершенства нормативно-правовой базы [2].

Хищение электрической энергии в больших объемах, как правило, осуществляется высококвалифицированными специалистами в области энергетики, способами, определяемыми в Российском законодательстве как безучетное или бездоговорное потребление электрической энергии, а также иными способами не попадающих под такие определения.

Так, Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 27.12.2024) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» [3] и Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 07.03.2025) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» [4] дают определения безучетного и бездоговорного потребления.

Под безучетным потреблением электроэнергии понимается потребление электрической энергии с нарушением целостности средств измерений (счетчиков) или порядка их учета, установленного договором, в результате вмешательства в работу прибора учета. Под бездоговорным потреблением понимается потребление электрической энергии в отсутствие заключенного в установленном порядке договора, обеспечивающего продажу электрической энергии (мощности) на розничном рынке [5].

Объектом преступления выступает электроэнергия.

Наиболее частыми квалификационными составами преступлений в данной сфере являются:

- ст. 165 УК РФ («причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном (ч. 1) или особо крупном размере (ч. 2)). При этом крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 1 млн руб., а особо крупным размером - 4 млн руб. (примечание к ст. 165 УК РФ). В диспозиции ст. 165 УК РФ законодатель не применяет термин "хищение" (так как электроэнергия, по сути, не является имуществом, вещью с точки зрения уголовного кодекса), а объективная сторона преступления заключается в причинении ущерба» [6].

• ст. 158 УК РФ – «при тайном хищении электроэнергии, например, вмешательством потребителя электрической энергии в работу расчетного прибора учета (далее – ПУ) путем нарушения (повреждения) его корпуса для установки внутрь специальных компонентов (плат) управляемых дистанционно и влияющих на объективность работы ПУ (так называемые модифицированные приборы учёта)» [7]. При этом крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. руб., а особо крупным размером – 1 млн руб. (примечание к ст. 158 УК РФ).

Криминалистическая особенность данного вида преступлений заключается в:

1. Высокой латентности (факт хищения может длительное время оставаться незамеченным, так как визуальные признаки майнинговой фермы (множество компьютеров, система охлаждения) скрыты от контролирующих органов).

2. Технической оснащенности – преступники используют скрытые методы для незаконного подключения: установка модифицированных приборов учета электрической энергии, для чего применяются специальные схемы для минимизации потребления, фиксируемого приборами учета.

3. Транснациональном характере, так как получаемый доход в виде криптовалюты может храниться на зарубежных кошельках, что затрудняет его изъятие и доказывание легального происхождения [8].

Ключевые проблемы уголовно-процессуального доказывания.

Проблемы на стадии возбуждения уголовного дела.

Первоначальная трудность заключается в получении достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Заявления от энергоснабжающих организаций часто носят формальный характер и содержат лишь данные о превышении нормативных объемов потребления. Для возбуждения уголовного дела необходима совокупность данных, подтверждающих именно *умышленное, противоправное* хищение электрической энергии. Отсутствие чётких методик определения факта хищения именно для майнинга приводит к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел.

Существуют сложности в квалификации данного вида преступлений, поскольку, согласно законодательству РФ, электроэнергия не рассматривается как материальный предмет, который похищают, как, например, другие ресурсы, такие как газ или нефтепродукты. При этом согласно УК РФ, при хищении газа и нефтепродуктов, преступления квалифицируются по ст. 215.3. УК РФ (самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность) или по ст. 158 УК РФ (кража) [9]. Где ответственность за совершение преступления, в том числе и уголовная, значительно выше, чем при квалификации по ст.165 УК РФ.

Кроме того, принимая во внимание, что чаще всего данные преступления квалифицируются по ст.165 УК РФ, а не по ст. 158 УК РФ, где под хищением понимается совершенные с корыстной целью противоправные без-

возмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [9], преступники, несут значительно меньшую ответственность, чем та выгода, которую они приобретают за счет майнинга криптовалют в итоге. Т.е. при существующей сложившейся следственной и судебной практике, итоговая выгода преступников в результате совершения хищения электроэнергии с целью майнинга криптовалюты значительно превышает их возможные потери при несении ответственности, при условии, что их вообще привлекли к этой ответственности.

Проблемы доказывания события преступления и размера ущерба

Доказывание самого факта хищения и его объема сопряжено со следующими сложностями:

• Определение способа хищения (для выявления хищения необходимо точно установить, каким именно способом было осуществлено вмешательство в работу системы учета (например, доказать факт использования программы-майнера и ее связь с конкретным лицом). Это требует проведения сложных электротехнических и компьютерно-технических экспертиз.

• Расчет объема незаконно потребленной энергии, который производится расчетным путем, что часто оспаривается защитой. Методики расчета, применяемые энергоснабжающими организациями, могут быть признаны судом ненадлежащими доказательствами, если они не подкреплены заключением специалиста. Необходимо доказывать, что все вычисленное количество энергии было направлено исключительно на майнинг.

Проблемы доказывания субъективной стороны и вины

Ключевой проблемой является установление прямого умысла. Обвинение должно доказать, что лицо осознавало противоправность своих действий по безучетному потреблению энергии и желало наступления последствий в виде хищения. Защита может утверждать о незнании технических особенностей работы оборудования или о том, что повышенное энергопотребление было связано с иной деятельностью (работой серверов). Доказывание цели – именно майнинг криптовалюты – также является сложной задачей, требующей анализа электронных носителей, истории сетевого трафика, кошельков криптовалют.

Проблемы использования специальных знаний

Эффективное расследование немыслимо без привлечения специалистов в области:

• Электроэнергетики – для обнаружения несанкционированных врезок, анализа схем электропотребления.

• Криминалистического исследования компьютерной техники – для обнаружения следов майнингового программного обеспечения, истории транзакций, доступа к кошелькам.

• Блокчейн-анализа – для отслеживания движения криптовалютных активов и их привязки к конкретному майнеру.

Отсутствие у следователей глубоких познаний в этих областях, а также дефицит сертифицированных экспертов, способных проводить комплексные исследования, приводит к неполноте доказательственной базы.

Пути решения выявленных проблем

Для преодоления указанных проблем необходима реализация комплексных мер, которые видятся нам в следующем ключе:

Необходима разработка и внедрение специализированной методики расследования данного вида преступлений, включающей типовые версии, программы допросов сотрудников энергокомпаний и подозреваемых, перечень необходимых следственных действий и экспертиз.

Создание межведомственных рабочих групп, включающих следователей, оперативных работников, специалистов из Минэнерго, Роскомнадзора и профильных IT-компаний. Это позволит обеспечить оперативный обмен информацией и применение специальных знаний на ранних этапах расследования.

Учитывая тот факт, что преступления, связанные с хищением электроэнергии с целью майнинга криптовалют в РФ за последние годы носят масштабный характер из-за несовершенства законодательства и отсутствия должного опыта в расследовании данных преступлений у правоохранительных органов, преступники зачастую не несут никакого наказания, поэтому, на наш взгляд одним из путей решения данной проблемы должно быть совершенствование законодательной базы, а именно**:**

- Установление квалификации административной и уголовной ответственности за нелегальное осуществление майнинга цифровых валют;
- Легализация механизма конфискации криптовалютных активов, добытых преступным путем;
- Установление квалификации преступлений, связанных с хищением электроэнергии, а также определение уголовной ответственности за совершение данных преступлений;
- Отнесение преступлений в сфере хищения электроэнергии к тяжким, преступлениям, за совершение которых должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет, поскольку энергоресурсы, как вид энергии, имеют колоссальное значение для функционирования нашего государства, наравне с газом, нефтепродуктами, водой и др.;
- Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области основ криптографии, блокчейн-технологий и электроэнергетики;
- Совершенствование следственно-оперативной работы по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений в сфере хищения электроэнергии. Для этого нужны научные обоснования и криминалистические разработки методов и методик [10];
- Объединение правоохранительных органов со специалистами энергетического комплекса, блокчейн-технологий, IT-технологий для осуществления командной работы по обнаружению, а также привлечению к ответственности за хищение электроэнергии с целью майнинга цифровых валют.

Расследование и уголовно-процессуальное доказывание преступлений, связанных с майнингом криптовалют за счет хищения электроэнергии, представляет собой сложную, многогранную задачу.

Учитывая, что электроэнергетика является одним из важнейших направлений, способствующих развитию экономики РФ [11], а электрификация всех секторов потребления электрической энергии будет только расти, увеличивая спрос на электроэнергию, согласно данным, представленным в сценарном прогнозе развития энергетики России ИНЭИ РАН–(Московская школа управления СКОЛКОВО) [12], борьба с хищением электроэнергии представляется нам одним из важнейших направлений, объединяющих в себе и развитие энергетического комплекса РФ и одновременно предотвращение хищений электроэнергии с учетом увеличения объемов электрификации.

Успешное решение данной задачи зависит от способности правоохранительной системы адаптироваться к новым вызовам цифровой эпохи. Преодоление существующих проблем лежит в плоскости интеграции традиционных криминалистических методик с глубокими специальными познаниями в области IT и энергетики, а также в активном межведомственном взаимодействии. Только комплексная работа обеспечит неотвратимость наказания и эффективного противодействия данному виду экономических преступлений.

Список источников

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Консультант Плюс / Электронный ресурс URL://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (дата обращения: 11.11.2025 г.).

2. Безверхов А. Г. Имущественные преступления в сфере экономической деятельности: монография. М.: Проспект, 2019.

3. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 27.12.2024) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с "Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии", "Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии") (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.04.2025) / Консультант Плюс / Электронный ресурс/URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130498/ (дата обращения: 25.10.2025 г.).

4. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 07.03.2025) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе

с "Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов") / Консультант Плюс / Электронный ресурс/URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114247/ (дата обращения: 25.10.2025 г.)

5. Васильев Д. А. Система государственного антимонопольного контроля в сфере электроэнергетики: 20 лет закону об электроэнергетике, итоги / Д. А. Васильев // Юрист. 2023. № 4. С. 12–16.

6. Хищение электроэнергии /Консультант Плюс/Электронный ресурс URL:/https://www.consultant.ru/law/podborki/hischenie_jelektrojenergii_uk_rf/ (дата обращения: 15.10.2025 г.).

7. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) / Консультант Плюс / Электронный ресурс/ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/ (дата обращения: 16.10.2025 г.).

8. Криминалистика: Учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юристъ, 2021.

9. Система Гарант / Интернет ресурс / URL: https://base.garant.ru/10108000/a7903a0a19751770e44706bb0adac831/ (дата обращения: 20.10.2025 г.).

10. Эксархопуло А. А. Расследование преступлений, совершаемых на предприятиях топливно-энергетического комплекса: учебник для вузов / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 102 с.

11. Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» URL: https://fas.gov.ru/documents/576607?id=13788 (дата обращения: 20.10.2025 г.).

12. Макаров А. А., Митрова Т. А., Кулагин В. А. Сценарный прогноз развития энергетики России // Региональная энергетика и энергосбережение. ИНЭИ РАН–Московская школа управления СКОЛКОВО. Москва, 2019. 210 с.

В. В. МИХАЙЛОВ

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОКУРОРА И СБОРА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Прошло уже более тридцати лет, как в Российской Федерации восстановлена такая форма осуществления правосудия, как суд с участием присяжных заседателей. С 1 ноября 1993 года суды с участием присяжных заседателей начали действовать в Ивановской, Московской, Саратовской, Рязанской областях и Ставропольском крае, а с 1 января 1994 года – в Ульяновской и Ростовской областях, Алтайском и Краснодарском краях. Через

десять лет суды присяжных существовали уже во всех субъектах Российской Федерации, кроме Чеченской республики, где он был введен с 2010 года.

За это время заслушано значительное количество уголовных дел о преступлениях, предусмотренных различными статьями уголовного закона. И судьи, и прокуроры, и адвокаты приобрели большой опыт работы с такой формой осуществления правосудия, сформировалась судебная практика, накоплен значительный теоретический материал. Следователи начали учитывать специфику оформления и сбора доказательств, для рассмотрения уголовного дела в такой форме судопроизводства.

Но вместе с тем, за это время выявляются и новые проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей.

Практика показала, по уголовным делам, по которым заявлено ходатайство о рассмотрение дела с участием присяжных заседателей, абсолютное большинство подсудимых заявляют о своей невиновности. Кто-то изначально, с момента задержания, или на каком-то этапе предварительного следствия. А некоторые, уже после направления уголовного дела в суд. даже несмотря на то, что на допросах в ходе предварительного следствия, обвиняемый полностью признавал свою вину и подробно рассказывал об обстоятельствах совершения преступления.

Разумеется, заявляя о невиновности, выдвигается иная версия произошедших событий, роль и степень участия в них подсудимого, а иногда и версия о алиби, в подтверждение которой стороной защиты представляются новые доказательства в виде истребованных документов и показаний свидетелей, о наличии которых не было известно в ходе предварительного следствия.

Перед государственным обвинителем, таким образом, ставится задача не только представить доказательства, собранные следователем в процессе производства предварительного следствия, но и в ряде случаев восполнить неполноту предварительного следствия и обеспечить представление новых доказательств, опровергающих версию подсудимого, в том числе и о алиби.

Так, например, по уголовному делу в отношении В., осужденного приговором Ленинградского областного суда по ч. 2 ст. 105 УК РФ опровергнуть алиби помогло истребование по ходатайству государственного обвинителя сведений о соединениях мобильного телефона И., что не было сделано в ходе предварительного следствия. Согласно полученным сведениям, он находился в зоне действия базовой станции, единственной в том, населенном пункте, где произошло убийство, а не в другом, расположенном в нескольких километрах, как он уверял. Разоблачение явной лжи подсудимого привело к вынесению присяжными заседателями единодушного обвинительного вердикта.

Бывают и более сложные ситуации.

Так по уголовному делу в отношении Ю., З., осужденных приговором Ленинградского областного суда за похищение человека, насильственные действия сексуального характера и убийство с особой жестокостью, а также

Б. и Б., осужденных за укрывательство этого преступления, сведения о телефонных соединениях сыграли ключевую роль в оценке достоверности показаний З., опровержения его алиби и установления виновности других соучастников.

В протоколе осмотра сведений о соединениях мобильного телефона З. информация о звонках с его телефона следователем была указана далеко не вся. Следователь указал звонки, принятые базовой станцией по азимуту, совпадающему с направлением, в котором находился дом Ю., где произошло убийство, и проигнорированы звонки, принятые по другому азимуту, то есть направления, по которому располагался дом З. Указанный недостаток дал защитнику основания утверждать о доказанности алиби З., так как в момент совершения преступления З. находился у себя дома.

Учитывая, что судебное разбирательство проходило с участием присяжных заседателей, а также то, что объективные сведения о местоположении телефона З. не совпадали с доказательствами, основанными на показаниях, достоверность которых оспаривалась защитой, была велика вероятность вынесения оправдательного вердикта.

Для опровержения позиции стороны защиты мною были получены сведения о вышке, на которой располагались базовые станции, через которые проходили соединения. Сразу бросилось в глаза то, что секторы охвата базовых станций ориентированы неравномерно, с образованием одной «мертвой зоны» и одной зоны, где секторы приёма-передачи сигналов перекрещиваются. Здесь возникла необходимость прибегнуть к помощи специалиста.

По моему ходатайству в судебном заседании был допрошен в качестве специалиста преподаватель факультета телекоммуникационных технологий Санкт-Петербургского «Политеха», который пояснил, что во-первых, ситуация когда базовые станции ориентированы так, что секторы приема распределены неравномерно достаточно широко распространена, так как инженеры сотовых сетей определяют азимуты с учетом прогнозируемой нагрузки на линии и с учетом наличия безлюдной местности в одном из направлений. Прямо в зале судебного заседания, с помощью приложения Яндекс-карты, демонстрируемой присяжным заседателям на большом экране, была сделана триангуляция местности, на которой располагались дом Ю., где произошло убийство, дом З., в котором он якобы находился в момент убийства, и вышка с базовыми станциями. Было установлено, что дом З. действительно находится в зоне охвата сигнала базовой станции, ориентированной на 210 градусов. Вместе с тем, в том же секторе находился и дом Ю., где находилось место происшествия. Одновременно, дом Ю. находился и в зоне охвата базовой станции, ориентированной на 105 градусов. Таким образом, дом, где произошло убийство, находился в зоне, где перекрещивались зоны приема двух базовых станций. Соединения с мобильным телефоном З. могли быть приняты как станцией, ориентированной на азимут 105 градусов, так и станцией, ориентированной на азимут 210 градусов. Более того, с помощью триангуляции присяжным заседателям было наглядно показано, что при нахождении абонента З. в зоне действий базовой

станции, ориентированной по азимуту 105 градусов, он не мог находится у себя дома всю ночь, как он утверждал, так как он находился вне зоны приема-передачи ее сигналов.

Привлечение специалиста и анализ сведений о телефонных соединениях помогли опровергнуть алиби З. и доказать не только его вину, но и других соучастников, в результате чего присяжные заседатели вынесли единодушный обвинительный вердикт.

По уголовному делу в отношении М., осужденного по ч. 2 ст. 105 УК РФ, основным доказательством его вины в убийстве по одному из эпизодов были показания сестры погибшего, которая являлась очевидцем преступления. Иных очевидцев не было, оружие, из которого был застрелен потерпевший, обнаружено и изъято не было.

Потерпевшая дала убедительные показания, но не могла назвать марку пистолета – орудия преступления, из которого М. убил её брата, просто по незнанию, т.к. не разбиралась в оружии. Зато подробно описала это оружие: пистолет с длинным стволом, с насечкой на корпусе над рукояткой, прямо над спусковым крючком на корпусе металлический «лепесток», на рукоятке имеется изображение пятиконечной звезды. Такие пистолеты, пояснила потерпевшая, она часто видела в фильмах про Великую Отечественную Войну у «наших».

По ходатайству государственного обвинителя, в судебном заседании с помощью оружейного справочника (Жук А. Б., Револьверы и пистолеты, М., Воениздат, 1983 г.), было произведено опознание, в ходе которого потерпевшая уверенно опознала пистолет «ТТ», как оружие, из которого был убит ее брат. Согласно заключения судебно-медицинской экспертизы, пуля, калибра 7,62 мм, обнаруженная в трупе погибшего, выстрелена из пистолета «ТТ». После этого у большинства присяжных заседателей не осталось сомнений в достоверности показаний потерпевшей, и большинством голосов (10 против 2) в отношении М. был вынесен обвинительный вердикт.

По значительному количеству уголовных дел ситуацию спасло своевременно заявленное государственным обвинителем ходатайство о проведении экспертизы. Так, по уголовному делу в отношении П.. осужденного по п. «б» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ основным доказательством были показания посредника, получавшего почтовое отправление с наркотическим средством в почтовом отделении, которое он должен был передать П., и, в итоге не передал, так как был задержан. О содержании этого отправления стало известно сотрудникам таможни, и дальнейшее перемещение этого отправления происходило с оперативным сопровождением, включая получение груза и переговоры посредника и получателем – П, которые прослушивались. Однако, мобильный телефон П. был оформлен на подставное лицо, фоноскопическая экспертиза не проведена, голос П. идентифицирован только показаниями посредника в ходе допроса, при прослушивании фонограммы. По выражению лиц присяжных заседателей явно было видно, что они не верят только лишь показаниям посредника, при отсутствии иных до-

казательств. Проведенная по ходатайству государственного обвинителя фоноскопическая экспертиза подтвердила принадлежность голоса на записи П., благодаря чему большинством голосов был вынесен обвинительный вердикт (5 против 3).

Указанные случаи показывают, что от государственных обвинителей требуется глубокое знание криминалистики, чтобы, во-первых, знать и понимать возможности следственных органов по собиранию доказательств, и ориентировать их на это на досудебной стадии процесса, во-вторых, чтоб самому собирать таковые в стадии судебного производства, иногда восполняя недостатки предварительного следствия, либо опровергая новые версии, выдвинутые уже в судебной стадии процесса. В-третьих, чтоб уметь разъяснить присяжным заседателям доказательственное значение каждого из представляемых им документов, а также объяснить почему по рассматриваемому уголовному делу собраны не все доказательства, из числа теоретически возможных.

В былые годы большинство прокуроров начинало службу с должностей следователей, а потом переходили на работу по надзору за следствием или поддержание государственного обвинения. Либо, будучи сразу назначенными на должности помощников прокуроров, тем не менее имели опыт расследования уголовных дел, поскольку без законченных и направленных в суд двух-трех уголовных дел аттестацию пройти было невозможно. Это поколение прокуроров уже уходит.

В настоящее время мало кто из государственных обвинителей имеет опыт следственной работы, а стало быть криминалистическая подготовка основана только на теоретических знаниях, что будет представлять определенную сложность при поддержании государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей.

Учитывая изложенное, следует вывод, что криминалистика должна быть приоритетной наукой для государственного обвинителя как в порядке самоподготовки при индивидуальном обучении, планы которого составляются раз в год, так и на ведомственных занятиях в рамках профессионального обучения и на курсах повышения квалификации.

Кроме того, назрела необходимость изменения нормативно-правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности, связанной с работой государственного обвинителя.

Так, предполагается целесообразным регламентировать участие государственного обвинителя в процессе производства предварительного следствия хотя бы со стадии предъявления обвинения, включая участие в допросах, проверке показаний на месте, следственных экспериментах, даче указаний о производстве отдельных следственных действий, а также о порядке взаимодействия государственного обвинителя со следователем и оперативными подразделениями уже в судебной стадии уголовного судопроизводства.

Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей имеет ряд существенных особенностей по сравнению с судебным разбирательством под председательством профессионального судьи. Оценка доказательств при такой форме судопроизводства осуществляется непрофессионалами, то есть людьми, которые, как правило, впервые непосредственно сталкиваются с правоохранительной системой и уголовным судопроизводством, и, соответственно, не имеют представления о предусмотренных законом порядке и методике сбора доказательств по делу в досудебном производстве, доказательственном значении каждого протокола, документа или заключения эксперта, оценке их достоверности. Более того, в представлении присяжных заседателей нередко сформировано искаженное, и очень часто негативное, представление о работе правоохранительных органов, прокуратуры и суда, сформированное под влиянием СМИ.

Учитывая это, усиление качества подготовки государственного обвинителя и коррекция нормативно-правового регулирования его статуса, в условиях состязательного процесса, должны способствовать достижения положительного результата при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.

Д. А. МОЗГОВАЯ

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Совершенствование процедуры досудебного производства включает в том числе и вопросы регламентации отдельных следственных действий, однозначного толкования определений, связанных с ними. Несмотря на предшествующие исследования проблем производства неотложных следственных действий к этому приходится возвращаться по причине возникающих вопросов у обучающихся и практических сотрудников.

Легальное определение «неотложные следственные действия» приведено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК). Формулируя определение, законодатель четко указал на цель таких действий: *обнаружение и фиксация следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (курсив наш)*. По непонятной причине сами следственные действия в законе не называются, однако, полагаем, из обозначенной цели они могут быть обозначены. Причем не применительно к конкретному уголовному делу, а именно в общем смысле.

Рассматривая само определение, мы приходим к суждению о том, что цель «обнаружение и фиксация следов преступления» присуща поисковым следственным действиям таким как осмотр и освидетельствование; «обнаружение, фиксация доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования», подразумевает работу как с материальными,

так и идеальными следами. Допрос, обыск и выемка: вот те следственные действия, которые на наш взгляд, отвечают обозначенной цели. Очевидно, что промедление с их производством может привести к уничтожению или повреждению следов. К неотложным стоит относить не только допрос потерпевшего и свидетелей, но и подозреваемого, поскольку о существовании следов, реальной обстановки события преступления, о способе, орудиях и средствах его совершения подозреваемый осведомлен лучше других участников и незамедлительная фиксация таких сведений является первостепенной задачей.

Уголовно-процессуальное законодательство РСФСР 1960 года в этом вопросе было более «аккуратно», указа в качестве неотложных осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей[91].

Рассмотрим значение законодательной регламентации применительно к органу дознания в лице начальника органа военной полиции, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов, которые, как известно, обладают весьма ограниченными процессуальными полномочиями. Таковые сводятся к проверке сообщений о преступлении и принятию итоговых решения по ее результатам. Однако ключевым «маркером» органа дознания принято считать полномочие производить дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно[92]. Ограничив таким образом полномочия органа дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, нормы уголовно-процессуального законодательства и «Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войсках, воинских формирований и органов»[93] (далее Инструкция) обязывают проводить неотложные следственные действия по преступлениям, по которым производство предварительного следствия обязательно. Исходя из того, что все преступления, предусмотренные главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации, расследуются в форме предварительного следствия, начальники органа военной полиции, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов уполномочивают соответствующих офицеров производить неотложные следственные действия, что является не исключением, а обычной практикой выявления и расследования преступлений. И в этой связи обращает на себя внимание вопрос перечня следственных действий, относящихся к неотложным.

В научной литературе авторы неоднократно обращались к теме неотложных следственных действий, проводимых органом дознания Вооруженных Сил РФ. Так, И. Д. Хомяков предложил свой список, включив в него

---

[91]Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // https://www.consultant.ru/ document /cons_doc_ LAW_3275/.

[92]Дикарев И. С. Об обоснованности отнесения производства дознания к полномочиям органа дознания // Вестник военного права. 2023. № 3. 34 с.

[93]Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23.10.2014 № 150 (ред. от 20.07.2017) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войсках, воинских формирований и органов» //https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182521 (дата обращения: 14.10.2025).

помимо прочих следственный эксперимент; очную ставку; предъявление для опознания; проверку показаний на месте[94]. По причинам, изложенным выше, мы не можем разделить авторскую точку зрения, отметив, что расширением таким образом перечня неотложных следственных действий нивелирована сама сущность этого понятия. На расширительном толковании настаивает и С. В. Маликов[95], приводя те следственные действия, суть которых, цели и задачи выходят за пределы соответствующих «неотложности».

Законодательная неопределенность в этом вопросе порождает неясность положений Инструкции, в которой глава II «Производство неотложных следственных действий» называет почти все, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. В числе неотложных значатся и следственный эксперимент, и очная ставка, и проверка показаний на месте. Единственное уточнение на этот счет содержится в статье 62 Инструкции, в которой предусматривается согласование таких действий с военным прокурором в каждом случае.

Сложно представить ситуацию, при которой проверка показаний на месте могла бы быть отнесена к категории неотложных, да и собственно цель этого следственного действия состоит совсем не в обнаружении и фиксации следов, а в установлении новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, о чем прямо указано в законе (ч. 1 ст. 94 УПК). Иная цель стоит также перед следственным экспериментом и очной ставкой. Полагаем, назначение Инструкции как раз и состоит в том, чтобы внести ясность и разъяснить те вопросы, которые законодатель обошел стороной. Назвав же в числе неотложных почти все следственные действия, известные уголовно-процессуальному законодательству, Инструкция не внесла ясность в этот вопрос.

Говоря об уголовно-процессуальная деятельность органа дознания Вооруженных Сил Российской Федерации О. М. Ефремова пишет, что такая деятельность существует в рамках реализации неотложных следственных действий, их полномочия распространяются на процесс закрепления следов преступной деятельности[96]. Аналогичной позиции придерживаются О. В. Кругликова и А. В. Шебалин, которые указывают, что неотложные следственные действия включают: производство освидетельствования, допросы, назначение различных судебных экспертиз[97].

Резюмируя, отметим, что для однозначного понимания, какие из следственных действий являются неотложными в статью 157 УПК и главу II Инструкции следует внести соответствующие дополнения и изменения, пред-

---

[94]Хомяков И. Д. Неотложные следственные действия, производимые командиром воинской части // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 8–1. 157 с.

[95]Маликов С. В. О производстве неотложных следственных действий органом дознания при расследовании преступлений против военной службы // Закон и право. 2019. № 1. 143 с.

[96]Ефремова О. М. К вопросу о неотложных следственных действиях в системе органов дознания// Государственная служба и кадры. 2023. № 5. 212 с.

[97]Кругликова О. В., Шебалин А. В. О деятельности органа дознания при расследовании преступлений против военной службы // Закон и право. 2018. № 12. 159 с.

ставив исчерпывающий их перечень, не подлежащий расширительному толкованию. В части 1 статьи 157 УПК после «неотложные следственные действия» дополнить: «осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, назначение экспертиз».

Список источников

1. Дикарев И. С. Об обоснованности отнесения производства дознания к полномочиям органа дознания // Вестник военного права. 2023. № 3. С. 33–40.

2. Ефремова О. М. К вопросу о неотложных следственных действиях в системе органов дознания // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 211–213.

3. Кругликова О. В., Шебалин А. В. О деятельности органа дознания при расследовании преступлений против военной службы // Закон и право. 2018. № 12. С. 157–160.

4. Маликов С. В. О производстве неотложных следственных действий органом дознания при расследовании преступлений против военной службы // Закон и право. 2019. № 1. С. 142–143.

5. Хомяков И. Д. Неотложные следственные действия, производимые командиром воинской части // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 8–1. С. 157–159.

С. А. ПОЛЯКОВ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Первая четверть XXI века характеризуется развитием киберпреступности, направленным против государственного строя, определенных медийных личностей, народностей и социальных групп. Определенную активность набирает преступность с использованием ИИ.

Комплекс международных правовых актов по вопросам противодействия таким угрозам содержится в многочисленных документах регионального и глобального значения[98], однако фактическое исполнение международных норм без цифровизации уголовного процесса затруднено.

По своей юридической силе международные договоры ограничены территорией стран, которые приняли в свое национальное законодательство данные международные нормы, проведением процедуры ратификации,

[98] Международные правовые акты – Официальный сайт Национального антитеррористического комитета – межведомственный координационный орган Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty.html (дата обращения: 25.11.2025).

а также ограничены внутренними возможностями контроля исполнения законов и международных договоров.

Так, Международную конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма[99], по неизвестным причинам, не ратифицировали ряд государств, несмотря на то, что в данной конвенции указано о необходимости в срочном порядке провести обзор сферы применения существующих международно-правовых положений в данной сфере, а также укрепить международное сотрудничество между государствами в разработке и принятии эффективных, практических мер для предупреждения актов терроризма и для уголовного преследования и наказания виновных.

В целом, положения данной конвенции носят фундаментальный характер для обеспечения национальной и международной безопасности от угроз ядерного терроризма, одновременно отражая положения и уголовно-процессуальных норм. К примеру, в статье 12 указано, что любому лицу, которое взято под стражу или в отношении которого приняты любые другие меры или осуществляется разбирательство в соответствии с настоящей Конвенцией, гарантируется справедливое обращение.

При этом, Российская Федерация, несмотря на попытки заинтересованных сил коллективного Запада, находится в относительно защищенном состоянии от глобальных проявлений киберпреступности, что говорит о наличии законодательной базе в данной сфере и эффективной работе правоохранительных органов по упредительному выявлению фактов киберугроз. Однако без цифривизации уголовного процесса эффективность борьбы с преступностью будет снижаться.

На каждом этапе уголовного процесса, начиная с получения сообщения о преступлении либо по иному основанию, предусмотренному статьями 5, 144 УПК РФ[100], органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, предварительное следствие, прокуратура и суд обязаны выполнить свои должностные обязанности, «миссию» правосудия. Однако без цифровизации уголовно-процессуальных норм достичь необходимых результативности невозможно.

Высокие объемы работы правоохранительных органов России в 2024 году по уголовным делам связаны и с количеством угроз национальной безопасности России с 2022 года. Безусловно повышенный уровень преступности связан с проведением специальной военной операции Российской Федерацией в интересах угнетенного Донбасского народа и жителей Херсонской и Запорожской областей.

Основная нагрузка по обеспечению национальной безопасности от киберугроз возлагается на государственные структуры МВД, СКР, ФСБ, суда и органов прокуратуры.

---

[99] Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 13 апреля 2005 г.) // справ.-правовая система Гарант.

[100] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (УПК РФ) (с изменениями и дополнениями) // справ.-правовая система Гарант.

При этом в Уголовный кодекс Российской Федерации[101] на систематической основе вносятся изменения, трансформируются новые составы преступлений, уточняются санкции. Развитие уголовного национального законодательства в сфере противодействия экстремизму оптимально соответствует современным вызовам (угрозам) национальной и международной безопасности. Статьи 205, 212, 208.1, 354, 354.1, 280, 281 (различные составы преступлений с учетом примечаний) УК РФ достаточно органично вписываются в следственную и судебную практику. Однако цифровизация уголовного процесса уголовного процесса происходит медленнее развития киберпреступности и влияния ИИ, используемого в криминальных целях[102].

В частности, Р. М. Минулин утверждает, что полностью отказаться от традиционного «бумажного» уголовного дела в ближайшем будущем невозможно, несмотря на то что имеются определенные положения УПК РФ (ч. 3.1 ст. 222, ч. 3 ст. 474.2), свидетельствующие о процессе цифровизации уголовного процесса [103].

Между тем, следует согласиться с правовой позицией С. А. Рябчикова, который указывает, что следователь, руководитель следственного органа и прокурор одновременно поставить электронные подписи обвинительном заключении не смогут по причине процессуальных сроков и требований УПК РФ[104].

Фактически, такие промежуточные новеллы приводят лишь к бюрократизации уголовного процесса, выполнения одновременно одной и той же работы (требуется электронный и бумажный носитель).

При модернизации и цифровизации уголовного процесса следует обратить внимание и на разработки ИИ, активно использующиеся в правоохранительных органах иностранных государств. Положительным опытом в разработках таких машин отличились Китай (на основе ИИ для борьбы с коррупцией среди чиновников[105]), Аргентина[106], а также ряд других стран мира.

---

[101] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями) // справ.-правовая система Гарант.

[102] Генпрокурор заявил о тысячах дел, где «между двумя корочками ничего нет // Дата публикации: 10.10.2024 URL: https://www.rbc.ru/society/10/10/2024/6707e5b09a794718b633f9e3?ysclid=mg3tv3kn7w88588895 (дата обращения: 25.11.2025).

[103] Минулин Р. М. Развитие цифрового документооборота в уголовном судопроизводстве / Р. М. Минулин // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 15 мая 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. 66 с.

[104] Рябчиков С. А. Использование электронных документов в досудебном производстве: проблемы практической реализации / С. А. Рябчиков // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 434–436.

[105] Таршева М. Н. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты / М. Н. Таршева, О. Д. Вастьянова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 268

[106] Машина справедливости: как ИИ используют в судебной системе в Латинской Америке // Сайт Forbes.ru // URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/532725-masina-spravedlivosti-kak-ii-ispol-zuut-v-sudebnoj-sisteme-v-latinskoj-amerike?ysclid=mi8vy8wukl437017264 (дата обращения: 25.11.2025).

К примеру, США, Франции и Нидерландах активно практикуется проведение онлайн-обыска[107], компьютерное моделирование с детализацией обстановки совершения преступления, задействуются 3D-принтеры.

Во избежание процессуальных ошибок, рутинной работы по подготовке процессуальных документов, повторности допросов одного и того же лица, требуется разработка программного обеспечения с использованием отечественных исследований по ИИ и стран-партнеров, которые также заинтересованы в обеспечении межгосударственной антикриминальной безопасности.

Следует отметить, что современное обеспечение национальной безопасности напрямую влияет на обеспечение международной безопасности на отдельном континенте планеты.

Так, на территории Европы и Азии в настоящее время находятся около 100 государств и совершение акта ядерного терроризма специальными подразделениями Украины, может повлиять на национальную безопасность других государств.

К примеру, атомные электростанции России (Смоленская, Запорожская, Курская), расположенные вблизи от Украины систематически атакуют Вооруженные силы киевского режима. Фактически Украиной совершаются акты международного терроризма «ядерного терроризма», которые следует квалифицировать по части 3 статьи 205 УК РФ, а также рассматривать по аналогии с преступлениями фашистов во II Мировой войне как на Нюрнбергском процессе, Международном военном трибунале для Дальнего Востока в Токио, в отношении фашистов из Японии.

Одной из основных угроз национальной и международной безопасности следует считать и пропаганду среди молодежи определенного государства нетрадиционных ценностей и нетрадиционных лидеров, прививание чуждой культуры и воспитания, а также радикальных религиозных учений, попытку разбить духовные скрепы многонационального народа с помощью социальных сетей и прозападных машин ИИ с технологиями социальной инженерии.

В связи с тем, что одной из угроз национальной безопасности являются мигранты, в том числе из недружественных России стран[108], учеными правоведами справедливо отмечается, что миграция используется в качестве инструмента подрыва авторитета власти и политических лидеров, а также разжигания межнациональных конфликтов внутри страны[109], в том числе с помощью технологий ИИ.

---

[107] Wehage J.-Ch. Das Grundrecht auf Gewährleistung der Vertraulichkeit und Integrität informationstechnischer Systeme und seine Auswirkungen auf das Bürgerliche Recht. Universitätsverlag Göttingen, 2013. 251 p. URL: https://univerlag.uni-goettingen.de/handle/3/isbn-978-3-86395-123-8 (дата обращения: 25.11.2025).

[108] Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 года № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» // справ.-правовая система Гарант.

[109] Петрянин А. В. Розовская Т. И. Миграция и преступность: частный взгляд на проблему // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 4. 47 с.

Таким образом, современные угрозы национальной безопасности связаны с использованием ИИ и должны эффективно пресекаться правоохранительными органами при обеспечении современным уголовным и уголовно-процессуальным законодательством в целях исключения более масштабных глобальных проблем, способных повлиять на безопасность групп государств, расположенные на одном континенте или нарушить глобальную безопасность.

Для обеспечения межгосударственной (международной) безопасности требуется тесное международное взаимодействие между странами, в том числе по вопросам выдачи и розыску международных преступников, и международного правосудия[110].

Так, современная Конвенция ООН по борьбе против киберпреступности[111] уже обязывает участников договора внести изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Ратификация данной Конвенции потребует от законодателя внесения значительных изменений в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации.

Цифровизация уголовного судопроизводства, безусловно, наступит, как и в определенный период наступила мануфактуризация производства в сфере промышленности или как профессиональные видео и аудиозаписи с пластинок и катушек в 90-х годах XX в. начали производиться на цифровых носителях CD и DVD дисках, а правоохранители начали использовать персональные компьютеры, а не пишущие машинки.

Вопрос заключатся лишь в том, насколько оперативно современные способы обеспечения уголовного процесса будут реально использоваться в ходе правоохранительной деятельности, насколько быстро законодатели и разработчики в информационно-телекоммуникационной сфере подготовят «рабочие» предложения и проекты по цифровизации уголовного процесса.

Е. В. ПУШТОРСКАЯ

НАЛОГОВАЯ АМНИСТИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СХЕМ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В течение последних трех лет внимание предпринимательского сообщества, ученых и правоприменителей приковано к результатам выявления

[110] Перечень международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи, выдачи и передаче лиц, осужденных к лишению свободы – Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/ (дата обращения: 25.11.2025).

[111] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года // [Электронный ресурс] // Сайт ООН// URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=mi1qtejwg8155216578 (дата обращения: 25.11.2025).

ФНС России совместно с правоохранительными органами фактов системного дробления бизнеса. Как показывает практика, проблема незаконной налоговой оптимизации с применением специальных налоговых режимов, предусмотренных изначально для субъектов малого предпринимательства, носит масштабный характер. Данные факты выявлялись на протяжении всего существования в налоговом законодательстве специальных налоговых режимов, в ряде случаев это были значительные доначисления, сопровождающиеся громкими уголовными делами об уклонении от уплаты налогов[112]. Однако именно с 2023 года, когда особое внимание и законодателя, и правоприменителей акцентировано на выполнении налогоплательщиками в полном объеме налоговых обязательств, на пресечении недобросовестной конкуренции дробящих бизнес налогоплательщиков перед добросовестными, исполняющими в полном объеме конституционные обязанности, на выполнении поручений Президента РФ о недопущении уклонения и занижения налоговых платежей, факты дробления бизнеса стали выявляться налоговыми органами системно.

В целях стимулирования добровольного отказа налогоплательщиков от применения схем дробления в 2024 г. Федеральным законом от 12.07.2024 № 176-ФЗ (далее – Федеральный закон №176-ФЗ)[113] введена процедура налоговой амнистии для лиц, применяющих схемы дробления, с тем, чтобы с 01.01.2025 г. данные налогоплательщики начали определять свои налоговые обязательства исходя из их реального объема, консолидировали доходы компаний группы на одном либо нескольких лицах, применяющих общую систему налогообложения (варианты консолидации не регламентированы).

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 6 указанного закона дроблением бизнеса является разделение в целях занижения сумм подлежащих уплате налогов единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами, составляющими тем самым группу, контролируемую одним или несколькими лицами, исключительно или преимущественно путем применения специальных налоговых режимов. А. В. Красюков уточняет данное понятие, полагая более верным характеризовать дробление бизнеса как формальное разделение дохода от единой предпринимательской деятельности между несколькими взаимозависимыми налогоплательщиками, что позволяет искусственно создать ситуацию, когда каждый из налогоплательщиков соответствует критериям применения УСН[114], с чем

[112]См., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2017 № Ф05-2741/2017 по делу № А40-147465/2016, Приговор Басманного районного суда города Москвы от 04.07.2019 по делу № 01-0109/2019, которыми установлена неуплата налогов сети ресторанов «Корчма Тарас Бульба». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[113]Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ (ред. от 12.12.2024) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[114]Красюков А. В. Дробление предмета налогообложения как форма уклонения от прогрессивного налогообложения // Финансовое право. 2025. № 8. С. 19–20.

сложно не согласиться, ключевым в данном случае действительно является понятие дохода.

Применение схем дробления бизнеса практически всегда влечет неуплату налогов в уголовно наказуемом размере, то есть совершение предусмотренного ст. 198 и 199 УК РФ преступления, так как данные схемы применяются при расширении бизнес-структур и росте выручки от реализации товаров, работ, услуг. Закономерно, что в случаях, если выбирается схема незаконной налоговой оптимизации, то появляются и конкурентные преимущества перед добросовестными налогоплательщиками, что позволяет быстрее занимать и удерживать лидирующие позиции на рынке. О. С. Богданова отмечает, что в среднем сумма доначислений за предыдущие периоды по рассматриваемым в судах делам, приходящаяся на одну выездную налоговую проверку, превышает минимальный порог уголовного преследования[115].

ФНС России характеризует введенную Федеральным законом №176-ФЗ налоговую амнистию как механизм прекращения обязанности по уплате налогов за налоговые периоды 2022–2024 годов, соответствующих пеней и штрафов за правонарушения, связанные с дроблением бизнеса[116]. Размер прекращаемой налоговой обязанности не ограничен какими-либо суммовыми критериями, следовательно, под амнистию при выполнении условий попадут и налогоплательщики, в деятельности которых выявлены признаки преступления – уклонения от уплаты налогов. Налоговой амнистией предусмотрен полный запрет налоговым органам на направление материалов проверки в следственные органы в отношении периодов, по которым налоговая обязанность приостанавливается.

Таким образом, внесенные законодательные изменения затрагивают и уголовно-процессуальные аспекты – исключительно налоговым законодательством введены условия, которыми налогоплательщики освобождаются не только от налоговой обязанности, но и от уголовной ответственности за неисполнение данной обязанности в случае, если она имеет криминообразующий размер. Данная ситуация возникает в связи с тем, что поводом для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении в настоящее время служат только материалы налоговой проверки, направленные в соответствии с законодательством о налогах и сборах, соответственно, если материалы налоговый орган не направляет, то и повод для возбуждения уголовного дела отсутствует.

Регулирование положениями Федерального закона №176-ФЗ и вопросов уголовно-процессуального характера вызвало обоснованные вопросы ученых. Так, Д.Г. Горобец, очень точно отмечает несогласованность поло-

[115]Богданова О. С. Налоговая амнистия как инструмент борьбы с дроблением бизнеса // Закон. 2024. № 11. С. 64–65.

[116]ФНС России выпустила рекомендации по применению налоговой амнистии дробления бизнеса // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. 2024. 18 окт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15320459/.

жений налогового законодательства, регламентирующих амнистию следственно-судебной практики расследования уклонения от уплаты налогов, анализируя проведение налоговыми органами проверок за амнистируемый период с 2022 по 2024 г., обращает внимание на то, что вопросы уголовно-процессуального характера не урегулированы, не предусмотрена недобросовестность налогоплательщика в уголовно-правовом ключе[117].

Полностью согласимся с высказанной позицией, при этом необходимо обратить внимание на то, что вопросы правоприменительного характера по привлечению к уголовной ответственности возникли уже в настоящее время, до окончания периода, подлежащего проверке в целях установления права на амнистию, так как налоговыми органами проводились налоговые проверки и за частично амнистируемые периоды, следовательно, и налоговая обязанность по данным проверкам приостанавливается частично, что делает проблему привлечения к уголовной ответственности при несоблюдении условий амнистии с 2025 года актуальной уже сейчас. Поясним, почему.

В законодательстве описаны условия получения права на налоговую амнистию, результатом которой будет «прощение» доначисленных по результатам проверки налогов, реализация амнистии построена на принципе двусторонней ответственности бизнеса и государства (в лице налогового органа) – предприниматели должны будут, начиная с налогового периода января 2025 г., применять общую систему налогообложения, консолидировав доходы и перестроив бизнес-модель, а налоговые органы обязуются проверить данные обстоятельства перехода на общую систему и в случае выполнения условий предоставить налоговую амнистию. В противном случае налоговые органы откажут в амнистии, что повлечет разморозку решения по проверке за 2022–2024 гг. и его дальнейшее принудительное исполнение[118].

Для реализации права на амнистию необходим добровольный отказ от применения схемы незаконной налоговой оптимизации с 01.01.2025 г., в данном случае при доначислении налогов по общей системе налоговые обязательства прекратятся в предусмотренном законом порядке.

В целях побуждения отказа от применения схем дробления бизнеса предусмотрен двухэтапный налоговый контроль. На первом проверочном этапе налоговый орган выявит применение схемы дробления – условия применения налоговой амнистии предусмотрены для налогоплательщиков, в отношении которых проведены выездные либо камеральные проверки, охватывающие полностью либо частично амнистируемый период – это налоговые проверки за периоды «2020–2022 гг.», «2021–2023 гг.», и за полностью амнистируемый период «2022–2024 гг.». Согласно положениям законодательства, обязанность по уплате налогов, пени и штрафов прекраща-

[117] Горобец Д. Г. Уголовно-правовые перспективы реализации положений налоговой амнистии // Налоги. 2025. № 3. С. 27–28, 30.

[118] Елина Л. А. Амнистия при дроблении бизнеса: кому она выгодна // Главная книга. 2024. № 17. С. 24–25.

ется за проверенные периоды 2022, 2023 и 2024 гг. при условии добровольного отказа от дробления бизнеса в отношении налоговых периодов 2025 и 2026 годов (за выявленные проверкой факты дробления за 2020 и 2021 гг. соответственно при проведении проверок за налоговые периоды в рассмотренных комбинациях амнистия не предусмотрена).

До даты подтверждения налоговым органом факта добровольного отказа налоговая обязанность по результатам первой проверки только приостанавливается. С точки зрения уголовного закона наступает очень важный момент – при выявлении на первом этапе уклонения от уплаты налогов в крупном либо особо крупном размере, согласно положениям, направление материалов с признаками налоговых преступлений в следственные органы производится после вступления решений по результатам проверок в законную силу – то есть фактически тоже приостанавливается более чем на три года – до окончания второго проверочного этапа. На втором этапе налоговые органы проверяют выполнение условий амнистии – для этого предусмотрены механизмы контроля в виде предпроверочного анализа и выездной проверки.

По результатам проведения в отношении налогоплательщика предпроверочного анализа налоговый орган либо убеждается в том, что налогоплательщик добровольно отказался от схемы и уплачивает налоги исходя из реальных показателей деятельности бизнес-структуры – это является очевидным, в данном случае выездная проверка за 2025–2026 гг. не назначается, а приостановленная обязанность полностью прекращается 01.01.2030 г. Либо в ходе предпроверочного анализа будет однозначно установлено продолжение полностью либо частично применения схемы дробления налогоплательщиком, с вовлечением прежних либо новых лиц, применяющих специальные налоговые режимы. Выездную проверку надлежит проводить также в случае, если налогоплательщик формально отказался от схемы, но у налогового органа имеются сомнения в полном отказе от схемы, для чего необходимо провести мероприятия налогового контроля.

Проверка выполнения условий амнистии при назначении второй выездной проверки – за 2025–2026 гг. в случае проверки полностью амнистируемого периода, либо, соответственно, за 2023–2025 гг., за 2024–2025 гг., за 2024–2026 гг. (то есть помимо контрольных периодов второго этапа проверка будет проводиться и за непроверенные периоды, в отношении которых предусмотрены специальные условия применения амнистии) закончится следующим образом: в случае установления полного отказа от дробления решение по результатам второй проверки вступит в силу и одновременно прекратится обязанность по первой проверке, в случае установления невыполнения условий амнистии согласно положениям п. 9 ст. 6 Федерального закона №176-ФЗ решение по первой и по второй проверке вступят в законную силу, и у налогоплательщика появится налоговая обязанность по уплате всех доначисленных налогов, пени и штрафов на дату вступления в законную силу решения по второй проверке.

При положительном сценарии, если проверка проводилась за 3 года: либо за 2022–2024 гг., либо за периоды, не все из которых являются амнистируемыми, и с 01.01.2025 г. налогоплательщик перешел на общую систему, консолидировал доходы, вопросы не возникают – в случае, если сумма выявленной недоимки при применении схемы за не попадающие под амнистию годы финансово-хозяйственной деятельности (2020-2021 либо только 2021) ниже пороговых значений крупного либо особо крупного размеров – материалы в следственные органы не направляются, если выше – направляются в соответствии с положениями п.3 ст. 32 НК РФ в установленном порядке, и не направляются вовсе в случае уплаты недоимки за периоды, не подпадающие под амнистию. Необходимо обратить внимание на то, что при проведении проверки за 2022–2024 гг., которая начинается в 2025 году, налоговые органы уже осведомлены о том, что налогоплательщик не отказался от схемы дробления и в течение проведения проверки схему не меняет, следовательно, приостановленная обязанность будет доначислена в бюджет, однако значительно позднее, после проведения второй проверки, когда налогоплательщик, не желающий добровольно отказываться от схемы, переведет бизнес на иное лицо, предпримет попытки по выводу активов и иным образом будет противодействовать налоговому контролю в целях неуплаты налогов в бюджет. Законодателем для желающих добровольно отказаться от схем дробления предусмотрены и значительный временной период, и гарантии подтверждения отказа налоговым органом путем проведения полноценных мероприятий налогового контроля, что может быть успешно использовано и недобросовестными налогоплательщиками, на что уже обращалось внимание ранее[119].

Вопросы возникают, когда налогоплательщик при проведении проверки за 2020–2022 гг. либо за 2021–2023 гг. отказался уплачивать выявленные суммы налоговой недоимки за 2020 и 2021 г., не согласен с квалификацией налоговым органом его способа ведения бизнеса как дробления в целях незаконной налоговой оптимизации (в том числе обжалует решение налогового органа в судебном порядке), при проведении проверки за 2022–2024 гг. также не согласен с доначислениями налогового органа, и с 01.01.2025 г. продолжает ведение бизнеса, применяя незаконную оптимизацию путем его дробления, оставив предыдущую схему либо вовлекая новых участников.

В данном случае после назначения налоговым органом второй выездной проверки – за периоды 2023–2025 гг., 2024–2026 гг., 2025–2026 гг., (в зависимости от проверенных ранее) и доначисления налогов, пени и штрафов по эпизодам дробления бизнеса оба решения вступят в законную силу одновременно, и после выполнения установленных п.3 ст. 32 НК РФ условий материалы подлежат направлению в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

---

[119] Серова Е. Б., Пушторская Е. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97). 130 с.

Рассматривая в качестве примера наиболее поздний период второй проверки – за периоды 2025–2026 гг. (дата начала проверки – апрель 2027 г., после представления налоговой декларации по упрощенной системе налогообложения либо по налогу на прибыль организаций) с учетом необходимости проведения существенного количества мероприятий налогового контроля по доказыванию продолжения применения схемы дробления, позволим себе предположить ориентировочный период вступления решения по второй проверке в законную силу как третий квартал 2028 г. (год на проведение проверки и составление процессуальных документов проверки с вынесением итогового решения, 2–3 месяца на апелляционное обжалование и рассмотрение жалобы вышестоящим налоговым органом). С учетом срока, предусмотренного п. 3 ст. 32 НК РФ, материалы будут подлежать направлению в следственные органы не ранее 4 квартала 2028 г.

Что это означает с точки зрения возможности привлечения лиц, совершивших уклонение от уплаты налогов путем применения схемы дробления бизнеса, к уголовной ответственности для достижения целей уголовного судопроизводства? При уклонении от уплаты налогов организацией сроки давности для уклонения от уплаты налогов в особо крупном размере за 2020 г. истекут в марте 2027 г., за 2021 г. – в марте 2028 г., за 2022 г. – в марте 2029 г., что уже исключает возможность уголовного преследования должностных лиц либо бенефициаров налогоплательщика за уклонение от уплаты налогов за рассматриваемые периоды.

В случае, если проверки проводились в отношении физического лица, уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере которого является преступлением небольшой тяжести, то сроки давности уголовного преследования данного лица за уклонение от уплаты налогов за 2022 г. (срок уплаты НДФЛ – 15 июля года, следующего за налоговым периодом) истекут уже в июле 2025 г., за 2023 и 2024 гг. – в июле 2026 и 2027 гг. соответственно, не говоря уже о сроках давности за уклонение от уплаты налогов в периоды 2020–2021 гг., в особенности если суммы недоимки за эти периоды не превышают пороговых значений крупного либо особо крупного размера, а за три года последовательных года данный размер с учетом невыполнения условий амнистии установлен. Следовательно, по направленным в следственные органы материалам за периоды, имеющие в своем составе амнистируемые годы – а именно: 2020–2022 гг., 2021–2023 гг. и 2022–2024 гг., по которым не выполнены условия амнистии, привлечение к уголовной ответственности совершивших налоговое преступление лиц не произойдет. Данная проблематика будет особенно актуальна, если по результатам второго проверочного этапа сумма недоимки не превысит пороговых значений особо крупного размера.

Особенностью организации бизнеса с применением схем дробления является то, что активы бизнеса распределены на юридически независимых субъектов – на юридических и физических лиц, в том числе не связанных с налогоплательщиком – физическим лицом (ИП) либо бенефициаром основной компании группы родственными связями, либо корпоративными

правоотношениями, иное сразу бы выдавало схему дробления. В ряде случаев на юридически независимых лиц оформляется и прирост имущественного комплекса, полученный в результате преступной налоговой экономии. Данные обстоятельства, особенно в связи с продолжительностью времени между первым и вторым проверочным этапами, позволяют налогоплательщику оперативно скрыть активы до возбуждения уголовного дела, а возможность избежать уголовного преследования в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности существенно снижает перспективу возмещения причиненного неуплатой налогов ущерба – на активы формально независимых лиц (на которых не переведен бизнес) налоговый орган не может обращать взыскание, и обеспечительные меры, и процедуры взыскания, предусмотренные налоговым законодательством, применяются исключительно к проверяемому налогоплательщику, в связи с отсутствием возможности взыскания налоговым органом имущества, приобретенного на сэкономленные налоги иными лицами, входящими в группу налогоплательщика.

Получается, что законодательным регулированием порядка применения норм налоговой амнистии предусматривается недобросовестность налогоплательщиков и нежелание отказаться от схемы, способы противодействия этому, однако отсутствие согласованности норм налогового, уголовного и уголовно-процессуального законодательства фактически освобождает от уголовной ответственности тех лиц, которые добровольно не отказались от применения схем дробления, лишает государственные органы инструмента защиты нарушенных прав и имущественных интересов бюджетной системы уголовно-процессуальными средствами, не обеспечивает неотвратимость наказания и возмещения причиненного ущерба, дискриминирует добровольно отказавшихся от схем дробления предпринимателей.

Безусловно поддерживаем предложение Д. Г. Горобец о необходимости разработать и заключить совместное соглашение ФНС РФ и СК РФ о порядке представления материалов ко времени реализации налоговыми органами налоговой амнистии (2025, 2026 гг.) в целях принятия мер по устранению препятствий в обеспечении неотвратимости уголовного наказания за совершение преступления[120].

Однако полагаем, что помимо межведомственного нормативного регулирования необходимы законодательные изменения, которые позволят обеспечить возбуждение уголовного дела за уклонение от уплаты налогов, и неотвратимость возмещения причиненного налоговыми преступлениями ущерба, и неотвратимость наказания в случае отказа добровольно уплатить суммы выявленной в результате применения схемы дробления бизнеса налоговой недоимки. Одним из путей можно предложить приостановление течения срока давности уголовного преследования, применяемое непосредственно к рассматриваемым случаям уклонения от уплаты налогов и продолжения применения схемы путем дробления бизнеса, путем введения

[120]Горобец Д. Г. Уголовно-правовые перспективы реализации положений налоговой амнистии // Налоги. 2025. № 3. 30 с.

нормы уголовного закона, предусматривающей приостановление на конкретный временной период – полагаем целесообразным установить данный период продолжительностью три года (проведение проверки за 2 налоговых периода – 2025 г. и 2026 г. и сам период проверки и составления процессуальных документов), течение срока давности уголовного преследования за предусмотренные ст. 198 и 199 УК РФ и выявленные по результатам налоговых проверок за периоды с 2022 г. по 2024 гг. преступления, связанные с фактами дробления бизнеса, для того, чтобы направленные налоговыми органами материалы с признаками уклонения от уплаты налогов имели следственно-судебную перспективу, а ущерб, причиненный бюджетной системе РФ, был возмещен.

Список источников

1. Богданова О. С. Налоговая амнистия как инструмент борьбы с дроблением бизнеса // Закон. 2024. № 11. С. 61–68.

2. Горобец Д. Г. Уголовно-правовые перспективы реализации положений налоговой амнистии // Налоги. 2025. № 3. С. 27–31.

3. Елина Л. А. Амнистия при дроблении бизнеса: кому она выгодна // Главная книга. 2024. № 17. С. 22–26.

4. Красюков А. В. Дробление предмета налогообложения как форма уклонения от прогрессивного налогообложения // Финансовое право. 2025. № 8. С. 16–20.

5. Серова Е. Б., Пушторская Е. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97). С. 127–136.

УДК 343.13

А. В. РЕЗЦОВ

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВА ПРИНЯТИЯ

Сегодня утверждают, что при распаде СССР в июне-декабре 1991 года «судебная власть была одним из локомотивов, толкавших общество к уничтожению авторитаризма»[121]. При этом даже школьный базовый курс истории[122] говорит о явном ослаблении в указанный период роли права, проявившемся в «параде суверенитетов», «войне законов», ослаблении центральной

[121] Судьба особых мнений в России: новый поворот (Клишас А., Иванов А., Жуйков В., Головко Л., Ярков В., Боннер А., Кудрявцева Е., Роверс Н., Джагарян А., Веселов И.) // Закон. 2020. № 10. С. 20.

[122] Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, 1945 год–начало XXI века: 11 класс: базовый уровень: учебник / 3-е изд. М., 2024. С. 252–278.

власти, игнорировании нормативных предписаний сторонниками сепаратистских движений. Перечисленные обстоятельства, находясь в центре внимания, оттесняют на его периферию одобрение парламентом страны 24 октября 1991 года Концепции судебной реформы в РСФСР[123] (далее – Концепция). Предшествующие и последующие события того времени наложились, способствуя забвению этого документа. Например, в специализированном учебнике по истории судебной системы России для студентов-юристов высших учебных заведений[124] одобрение Концепции не упоминается.

Вместе с тем, отдельные правовые институты действующего уголовно-процессуальное законодательства, структура судебной системы и отчасти органов уголовного преследования во многом являются реализацией положений Концепции. Она содержала «…идеи разделения властей, состязательности судопроизводства, независимой судебной власти, равенства сторон, презумпции невиновности, неприкосновенности личности, контроля суда за соблюдением конституционных прав граждан на предварительном расследовании и т. д. Впоследствии многие из них нашли закрепление в Конституции Российской Федерации 1993 г. Это послужило стимулом к новому витку развития отечественной уголовно-процессуальной науки»[125].

Концепция во вступлении указывала: «…судебная реформа в РСФСР должна осуществляться комплексно, без хаотической поспешности в законотворчестве … Главное … – тщательное обдумывание, теоретическое обоснование каждого шага, последовательность принимаемых решений». Фактически же ее одобрение Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года происходило при прямо противоположных обстоятельствах.

Депутат В. А. Гололобов, избранный от Перовского территориального избирательного округа г. Москвы, указал: «Данный документ 21 числа подписан Президентом. Сегодня 24. Сегодня его вынесли на слушание на Верховном Совете. Не считаете ли Вы, что такой порядок может, во-первых, подорвать авторитет Президента и, во-вторых, поставить в неудобное положение народных депутатов? Так как практически никто его не читал. А мы сегодня пытаемся что-то обсудить»[126].

В том же ключе высказался депутат от Одинцовского городского территориального избирательного округа Московской области Г. В. Горелов: «…на будущее хотелось бы сказать, что работать с таким документом трудно. Многие приехали сюда, не работав над концепцией в комитетах и комиссиях... Не считаете ли Вы необходимым документ (а он написан очень серьезно) не только полностью прочесть, но еще иметь и его краткий обзор

[123] Здесь и далее, если иное не оговорено, документы и материалы приводятся по справочно-поисковой системе «КонсультантПлюс».

[124] Смыкалин А. С. История судебной системы России. М., 2010. С. 196–213.

[125] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2020. С. 42.

[126] Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР: бюллетень № 10 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей (далее – Бюллетень) 24 октября 1991 г. М., 1991. С. 23.

в виде реферата, где не было бы эмоциональных отступлений, констатационной части, а только квинтэссенция реформаторских мер по этому вопросу? Тогда, может быть, проще было бы работать, сознательнее работали бы депутаты. Трудно все-таки сейчас все в таком документе выуживать. Здесь многое смешано в единое целое и констатация факта сегодняшнего отвратительного состояния, и меры... Выуживать все это и сопоставлять довольно трудно»[127].

Коллег поддержал депутат и одновременно Генеральный прокурор РСФСР В. Г. Степанков: «Сегодня концепция судебно-правовой реформы представлена на обсуждение Верховного Совета. Я в понедельник [21 октября 1991 года – А. Р.] присутствовал на заседании Президиума, слышал, что он принял решение направить ее сначала в комитеты и комиссии, но тем не менее она сегодня появилась здесь. Прошу очень серьезно отнестись к этому документу, понимая, что вы не имели возможности прочитать его не то, что от начала до конца, но и вдумчиво с карандашом»[128].

Концепция включена в повестку четвертой сессии Верховного Совета РСФСР за месяц до обсуждения – 20 сентября 1991 года[129], что позволяло заблаговременно внести ее в парламент для изучения депутатами. Соответствующая инициатива принадлежала Б. А. Золотухину[130], одному из разработчиков документа, безусловно осведомленному о степени его готовности, объеме и сложности. Только в официальном издании текст Концепции занимает 101 страницу[131], а ее содержание касается всех отраслей права, многих правовых институтов и большого количества частных вопросов правоприменения. В короткий срок сформировать обоснованное мнение по существу предлагаемых мер невозможно.

На это обратил внимание в своем выступлении В. Г. Степанков. Он отметил, что Концепция «не прошла какой-либо серьезной экспертизы. … на обсуждение Верховного Совета вынесен проект группы ученых, который не оценивался другими учеными, независимыми какими-то экспертами, учреждениями, нашими серьезными научно-исследовательскими институтами, академическими институтами и так далее. Мне довелось беседовать с такими известными юристами, как Кудрявцев, Алексеев, Карпец, и многими другими. Все они, с [так в документе – А. Р.] сожалению, еще даже и не видели этой концепции»[132].

Сегодня такую оценку можно дать на основе данных правовой статистики, накопленных почти за 35 лет, прошедших после одобрения Концепции.

Не все, но многие предусмотренные ею мероприятия реализованы. Изменилось уголовное законодательство, ряд преступных деяний советского

---

[127] Бюллетень № 10. 24 октября 1991 г. М., 1991. С. 24 и 25.

[128] Бюллетень № 2. 20 сентября 1991 г. М., 1991. С. 26-27.

[129] Постановление Верховного Совета РСФСР от 20.09.1991 № 1664-I «О повестке дня четвертой сессии Верховного Совета РСФСР».

[130] Бюллетень № 2. 20 сентября 1991 г. М., 1991. С. 9.

[131] Концепция судебной реформы. М., 1992. С. 6–107.

[132] Бюллетень № 10. 24 октября 1991 г. М., 1991. С. 27.

периода оказались декриминализированы, процедура уголовного преследования стала состязательной, увеличился объем прав ее участников со стороны защиты, оказалась выстроенной новая структура судебной власти, суды получили контрольные полномочия на стадиях досудебного производства. Отрицать изменения, их принципиальность и существенность нельзя. Соотнесем динамику и сегодняшнее состояние преступности с показателями, на которых основывалась Концепция.

Она обосновывала необходимость и даже неизбежность судебной реформы глубиной, распространенностью и всеохватностью кризиса юстиции. Ему посвящен первый раздел документа, заявляющий о несостоятельности усилий правоохранительных органов по охране законности и правопорядка. Он начинается данными уголовно-правовой статистики о зарегистрированных и нераскрытых преступлениях.

Первым аргумент – рост количества совершенных преступлений: в 1990 году зарегистрировано 1 839 451 преступление, на 13,6 % больше, чем в предыдущем году, в 1989 году их зарегистрировано на 32,7 % больше, чем в 1988.

После принятия Концепции в 1991 году количество регистрируемых преступлений превысило два миллиона, после реализации ряда ее мероприятий в 1999 году – три миллиона, достигнув максимума в 3 855 373 преступления к 2006 году[133]. Далее началось снижение, уменьшившись до 1 911 958 преступлений в 2024 году[134], но оставаясь выше уровня 1990 года, который Концепцией оценивался как кризис.

При этом, ориентируясь на абсолютные показатели регистрации преступлений[135], можно прийти к парадоксальному выводу, что наша страна меньше, чем США и европейские государства, нуждалась в судебной реформе как при одобрении документа в 1991 году (США – 14,8 млн зарегистрированных преступлений, Великобритания – 5,0 млн, Германия – 4,7 млн, Франция – 3,7 млн, Россия – 2,1 млн), так и после реализации ряда мероприятий, закончившихся в 2008 году разделением предварительного следствия и прокурорского надзора (США – 11,7 млн зарегистрированных преступлений, Германия – 6,1 млн, Великобритания – 4,7 млн, Франция – 3,5 млн, Россия – 3,2 млн).

Концепция также указывает на увеличение в первом полугодии 1991 года количества тяжких преступлений на 9,4 %, количества краж государственного и общественного имущества – на 57,3%, личного имущества – на 39,5 %.

Представляющие повышенную общественную опасность тяжкие преступления, определяемые статьей 7.1 УК РСФСР, не соотносятся с анало-

[133] Квашис В. Е., Генрих Н. В. Преступность в России и зарубежных странах // Пролог: журнал о праве. 2013. № 4. С. 24.

[134] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года: сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 01.05.2025).

[135] Квашис В. Е., Генрих Н. В. Преступность в России и зарубежных странах // Пролог: журнал о праве. 2013. № 4. С. 24.

гичным понятием действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, который иначе определяет категории преступлений. Это не позволяет напрямую сравнить соответствующие данные. Вместе с тем отметим, что по итогам 1991 года в России тяжкими являлись только 14,2 % зарегистрированных преступлений, менее тяжкими – 74,3 %, а 11,5 % имели максимальное наказание до 1 года лишения свободы.

К концу 1991 года темпы прироста краж государственного и общественного имущества несколько снизились до 51,5 %, удельный вес данных преступлений в общем числе зарегистрированных составил 18,5 %. Прирост краж личного имущества граждан также снизился до 29,5 %, а их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 38,7 %[136].

После завершения основных мероприятий судебной реформы в 2008 году доля краж в общем числе зарегистрированных преступлений оставалась значительной – 41,3 %[137]. Дальнейшее уменьшение к 2024 году их доли до 26,1 %[138] затруднительно связать с какими-то мероприятиями Концепции. По современным исследованиям существенное арифметическое увеличение количества преступлений отдельного вида не всегда обуславливает увеличение общего количества зарегистрированных преступлений[139]. Поэтому данные Концепции о росте совершенных краж указывают на конкретную негативную тенденцию, не влекущую общий кризис уголовной юстиции как системы правоохранительных и судебных учреждений.

Второй аргумент Концепции о кризисе юстиции – увеличение остатка нераскрытых преступлений: ввиду неустановления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, в России в 1989 году оказалось приостановлено производством 630 834 дела, в 1990 году – 793 887 с приростом в 105,7 % и 25,4 %, соответственно.

Рост количества нераскрытых преступлений продолжился до 2006 года, когда указанный показатель достиг 2 032 400 (прирост 22,5 %)[140], далее началось его уменьшение. В 2024 году количество нераскрытых преступлений составило 929 661[141], что существенно превышает аналогичные данные 1990 года, расцениваемые Концепцией как негативные.

---

[136] Преступность и правонарушения. 1991: Статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации. М., 1992. С. 42, 74, 81.

[137] Состояние преступности – январь–декабрь 2008 год: общие сведения о состоянии преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209652 (дата обращения: 03.12.2025).

[138] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года: сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 01.05.2025).

[139] Резцов А. В. Преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий: структура, тенденции // Прокурор. 2025. № 3. С. 80.

[140] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2006 года: общие сведения о состоянии преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209676 (дата обращения: 03.12.2025).

[141] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года: сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 01.05.2025).

Третий аргумент Концепции – разрыв между коэффициентами преступности и судимости (соответственно число преступлений и осужденных на 100 тысяч населения), которые в 1985 году относились как 14:10, в 1989 – 2:1, в 1990 – 8:5, в первом полугодии 1991 года – 5:2. Из последнего делался вывод, что лишь 40 % лиц, виновных в совершении преступлений, предстают перед судом и признаются виновными.

С такой методикой оценки сложно согласиться, так как зависимость между приведенными данными весьма условна. Во-первых, одно преступление может быть совершено несколькими лицами (групповое преступление) и несколько преступлений может быть совершено одним лицом (серийные преступления). Более того совершение серийных и групповых преступлений может комбинироваться. Во-вторых, даже задержание преступника на месте или раскрытие преступления «по горячим следам» не означает, что последний будет осужден в том же отчетном периоде. С одной стороны, предварительное и судебное следствие требуют существенных временных затрат, с другой – одним из направлений работы правоохранительных органов является раскрытие преступлений «прошлых лет», совершенных в предыдущие отчетные периоды.

Последние два тезиса основываются на данных уголовно-правовой статистики. Например, в 1991 году, к данным которого апеллирует Концепция, правоохранители выявили 956 258 лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности обоснованно привлекли 651 972 лица, а вступившими в законную силу приговорами осудили 593 823 лица[142]. К 2008 году разрыв коэффициентов преступности (2660,3[143]) и судимости (746[144]) увеличился до 3:1, не достигнув по итогам проведенных реформ даже советского, критикуемого Концепций, уровня.

Заметим, что коэффициент преступности в России накануне и при одобрении Концепции (1990 год – 1 584,2 и 1991 год – 1 862,2[145]) был существенно ниже, чем, например, в Великобритании (1990 год – 8 986,0 и 1991 год – 10 403,0[146]), что делает небесспорным тезис, что рост регистрируемых преступлений свидетельствует о кризисе юстиции.

Далее в обоснование кризиса юстиции Концепция приводит следующие аргументы: ухудшение раскрываемости преступлений, возврат судами для дополнительного расследования дел в отношении 8,6 % лиц от общего

---

[142] Преступность и правонарушения. 1991: Статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации. М., 1992. С. 110.

[143] Состояние преступности – январь-декабрь 2009 год: общие сведения о состоянии преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209641 (дата обращения: 03.12.2025).

[144] Энциклопедия статистических терминов в 8 т. Том 5 Демографическая и социальная статистика. М., 2011. С. 381.

[145] Преступность и правонарушения. 1991: Статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации. М., 1992. С. 7.

[146] Ведерникова О. Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001. С. 181.

числа привлеченных следователями к уголовной ответственности, реабилитация менее одной трети процента – 0,32 % – от количества лиц, преданных суду, увеличение указанного показателя на 41,8 %, рост количества отмен и изменений кассационных определений по сравнению с числом вынесенных до 3,2 %, надзорных постановлений – в полтора раза, наименьшее доверие граждан правоохранительным органам, высокая нагрузка на следователей и судей, отток кадров из правоохранительных органов, нехватка судей и адвокатов, падение престижа указанных специальностей. Почему это кризис, а не серьезные проблемы и болевые точки юстиции Концепция не уточняет.

При этом, изданный незадолго до ее одобрения юридический энциклопедически словарь[147] термина «кризис» не содержит; словари русского языка[148] и иностранных слов[149] сходно определяют его несколькими значениями, среди которых резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние, переломный момент в ходе болезни, ведущий к улучшению или ухудшению, всеобщее недовольство и возмущение в стране (политический), частичная или полная отставка правительства в результате провала его политики (правительственный), острый недостаток, нехватка чего-либо. Какое значение использует Концепция в ее тексте прямо не говорится.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

Первое. Данные уголовно-правовой статистики, оцененные в 1991 году как свидетельство жесточайшего кризиса юстиции, очевидно являются более благоприятными в сравнении с аналогичными показателями 2008 и 2024 годов. При этом состояние современной юстиции в России, несмотря на имеющиеся проблемы, научным и практическим сообществами не именуются кризисными.

Второе. Очевидно, более благоприятным выглядит общее количество регистрируемых преступлений в России по сравнению с США и европейскими странами. Это не позволяет обосновать вывод о кризисе правоохранительной системы государства арифметическим увеличением соответствующих показателей.

Третье. Соотнесение данных уголовно-правовой статистики о зарегистрированных и нераскрытых преступлениях не выявило наличие причинно-следственных зависимостей с периодами принятия Концепции и завершением реализации отдельных мероприятий судебной реформы.

Четвертое. Из отсутствия положительного влияния реализованных мероприятий судебной реформы на количество зарегистрированных и нераскрытых преступлений следует, что, либо кризис уголовной юстиции явно не проявляется в изменении указанных показателей, либо они на момент принятия Концепции не являлись кризисными для работы системы правоохранительных и судебных учреждений.

---

[147] Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев; Редкол.: М. М. Богуславский и др. М., 1987. С. 197–198.

[148] Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2 К-О / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986. С. 129.

[149] Словарь иностранных слов. М., 1990. С. 267.

Пятое. Возможное исключение данных уголовного-правовой статистики из числа основных аргументов кризиса юстиции не исключает наличия самого кризиса. Требуется тщательный анализ остальных доводов, приведенных в соответствующем разделе Концепции. О кризисе применительно к судопроизводству говорится и в других исследованиях того времени. Например, так в монографии И. Л. Петрухина имеется такой раздел, посвященный недобросовестности, тенденциозности и профессиональной несостоятельности следственной работы по так называемому «делу Чурбанова» [150].

Шестое. Следует подразделить по значимости, опасности и распространенности негативные тенденции, приведенные в Концепции, определив тем самым наличие кризиса юстиции, его сущность и основные черты.

Сделанные выводы нисколько не умаляют значения Концепции как научного обоснования программы реформ уголовного судопроизводства и других отраслей и институтов права. При ее подготовке и одобрении, реализации запланированных мероприятий сегодняшние статистические данные не могли быть известны или достоверно спрогнозированы. Проведенный ретроспективный анализ ставит на повестку дня вопрос обоснования критериев отбора предпосылок, указывающих на необходимость реформирования уголовно-процессуального законодательства, а также критериев оценки произведенных изменений.

Список источников

1. Судьба особых мнений в России: новый поворот (Клишас А., Иванов А., Жуйков В., Головко Л., Ярков В., Боннер А., Кудрявцева Е., Роверс Н., Джагарян А., Веселов И.) // Закон. 2020. № 10. С. 19–33.

2. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, 1945 год–начало XXI века: 11 класс: базовый уровень: учебник / 3-е изд. М., 2024.

3. Смыкалин А. С. История судебной системы России. М., 2010.

4. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2020.

5. Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР: бюллетень № 10 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей 24 октября 1991 г. М., 1991.

6. Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР: бюллетень № 2 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей 20 сентября 1991 г. М., 1991.

7. Концепция судебной реформы. М., 1992.

8. Квашис В. Е., Генрих Н. В. Преступность в России и зарубежных странах // Пролог: журнал о праве. 2013. № 4. С. 23–31.

9. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года: сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт.

[150] Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991. С. 61–75.

URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 01.05.2025).

10. Преступность и правонарушения. 1991: Статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации. М., 1992.

11. Состояние преступности – январь–декабрь 2008 год: общие сведения о состоянии преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209652 (дата обращения: 03.12.2025).

12. Резцов А. В. Преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий: структура, тенденции // Прокурор. 2025. № 3. С. 76–80.

13. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2006 года: общие сведения о состоянии преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209676 (дата обращения: 03.12.2025).

14. Состояние преступности – январь–декабрь 2009 год: общие сведения о состоянии преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209641 (дата обращения: 03.12.2025).

15. Энциклопедия статистических терминов в 8 т. Том 5. Демографическая и социальная статистика. М., 2011.

16. Ведерникова О. Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001.

17. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Я. Сухарев; Редкол.: М. М. Богуславский и др. М., 1987.

18. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2 К-О / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986.

19. Словарь иностранных слов. М., 1990.

20. Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991.

Е. Б. СЕРОВА

ПРОКУРОР В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Конституция Российской Федерации закрепляет в ч. 2 ст. 47 право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом, а в ч. 4 ст. 123 называет рассмотрение дела с участием присяжных заседателей в качестве одной из форм судопроизводства в Российской Федерации. Данные правовые установления нашли свое развитие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), глава 42 которого посвящена особенностям рассмотрения уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей.

Рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей представляет собой усложненную по сравнению с общей форму судопроизводства, для которой характерна помимо прочего специфика деятельности всех профессиональных участников процесса, включая государственного обвинителя.

Участие в суде присяжных – важная, ответственная задача, решение которой требует от прокурора не только знания нормативных актов и материалов уголовного дела, но и особых личных качеств, позволяющих установить психологический контакт с присяжными и убедить их в верности позиции обвинения. Не случайно Генеральной прокурор Российской Федерации в своем приказе от 30.06.2021 года № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» предписывает руководителям прокуратур поручать поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами (п. 1.5), а вопросы методики и тактики поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей играют важную роль в системе профессиональной учебы государственных обвинителей (п. 21.1).

Проведенный нами анализ правоприменительной практики и анкетирование прокурорских работников, имеющих опыт поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей, показывают значимость наличия у прокурора глубоких теоретических знаний в области права, криминалистики и различных областей знаний, которые могут быть затронуты в ходе судебного следствия (например, в области судебной медицины по делам об убийствах), что позволяет глубже понять закономерности следообразования по конкретному преступлению и максимально доступно представить доказательства непрофессиональным судьям. Наряду с этим прокурор должен следить за своей внешностью и поведением, быть коммуникабельным, убедительным в отстаивании своей позиции, что способствует установлению психологического контакта с присяжными, вызывает их доверие к прокурору как представителю государства и позволяет принять взвешенное справедливое решение.

Успех поддержания государственного обвинения во многом зависит от уровня и качества решения задач расследования преступления в досудебном производстве. Сказанное позволяет нам прийти к выводу о необходимости усиления прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, потенциально подсудных суду присяжных. По нашему мнению, расследование таких преступлений должно привлекать внимание прокурора уже со стадии проверки заявления (сообщения) о преступлении. Необходимо добиваться от органов предварительного следствия не только соблюдения требований уголовно-процессуального закона, но и организации расследования, выбора тактики производства следственных действий, которые позволят проверить все возможные в конкретной ситуации версии

о событии и причастных к нему лицах и обеспечат всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела. Важнейшим тактическим приемом, который должен использоваться при производстве следственных действий, является обеспечение наглядности доказательственной информации путем применения дополнительных средств фиксации их хода и результатов. Следователь должен стремиться изначально правильно и полно определять предмет каждого следственного действия, по возможности огранить проведение дополнительных и тем более повторных следственных действий. Должны быть назначены и проведены все возможные в конкретной ситуации экспертизы.

Вторым условием успешного поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей является качество подготовки государственного обвинителя к процессу.

В соответствии с п. 3 указанного приказа Генерального прокурора Российской Федерации государственным обвинителям предписано заблаговременно готовиться к судебному заседанию, беспристрастно оценивать совокупность имеющихся доказательств, продумывать тактику своих действий. В необходимых случаях ходатайствовать перед судом о предоставлении времени для подготовки и обоснования своей позиции. По делу, которое будет рассмотрено с участием присяжных заседателей, такая подготовка имеет особое значение, причем речь должна идти как о подготовке к процессу в целом, так и к отдельным его этапам, начиная с предварительного слушания дела и заканчивая обсуждением последствий вердикта присяжных заседателей.

Основу всякой подготовки к судебному процессу составляет изучение материалов уголовного дела, в ходе которого прокурор должен обращать внимание на качество решения задач расследования, выявлять возможные следственные ошибки и нарушения закона, определять степень их существенности и влияния на формирование судебной ситуации. Важно правильно определить предмет и пределы доказывания по делу, оценить каждое имеющееся в деле доказательство в отдельности и в их совокупности, что позволит выработать тактику поддержания государственного обвинения, спрогнозировать возможные версии защиты, продумать контрдоводы для аргументов процессуального противника. При этом представляется целесообразным систематизировать доказательства с учетом компетенции присяжных заседателей как судей факта и разрешаемых ими вопросов. Также полезно сделать необходимые копии материалов дела, выписки из отдельных процессуальных документов. По нашему мнению, заслуживает внимания практика формирования следователем электронной копии материалов уголовного дела и предоставления этой копии государственному обвинителю. Обращает на себя внимание отсутствие в УПК РФ правовой нормы, которая определяет процедуру ознакомления прокурора с вещественными и электронными доказательствами, которые будут демонстриро-

ваться присяжным. Крайне нежелательно, чтобы государственный обвинитель присутствовал, так сказать на премьере, то есть впервые знакомился с доказательством в ходе судебного следствия, поскольку это чревато неожиданными и нежелательными осложнениями судебной ситуации. Анкетирование прокурорских работников показывает, что большинство из них знакомятся с указанными доказательствами после направления уголовного дела в суд путем заявления соответствующего ходатайства. Данный подход представляется наиболее правильным, но имеет недостаток: прокурор должен владеть информацией о содержании доказательства до принятия решения о направлении дела в суд. С сожалением вынуждены констатировать, что в современном правовом поле решение этой проблемы законным путем пока не представляется возможным.

Оценивая постановление в привлечении лица в качестве обвиняемого, важно обратить внимание на то, каким образом следствие сформулировало обвинение, поскольку от этого зависит объем информации, которая может быть доведена о присяжных заседателей.

По делам о групповых преступлениях важно обратить внимание на соблюдение прав обвиняемых, не заявлявших ходатайства о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Отметим, в связи с этим, что особенности определения формы судопроизводства при рассмотрении уголовного дела в отношении нескольких подсудимых регламентированы ч. 2 ст. 325 УПК РФ, конституционно-правовой смысл которой был выявлен в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 19.04.2010 года № 8-П. В каждом случае прокурор должен проанализировать возможность выделения уголовного дела в отношении одного или нескольких лиц, с тем чтобы не допустить нарушения прав и законных интересов кого-либо из подсудимых, которые могут оказаться в неблагоприятном и неравном отношении по сравнению с другими лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности. Отметим, что наличие разногласий между подсудимыми о форме судопроизводства, в соответствии с которым их уголовное дело подлежит рассмотрению, как правило, обусловлено различиями в позиции защиты, а не нарушением норм уголовно-процессуального закона.

Кроме изучения материалов уголовного дела прокурор должен изучить также правоприменительную практику по сходным составам преступлений, следить за общественным мнением, сформированном в связи с совершенным преступлением и его расследованиям (иногда целесообразно ознакомиться с комментариями к соответствующим новостям в информационно-коммуникационной сети Интернет), при необходимости обратиться к нормам права, регламентирующим те или иные общественные отношения, которые затрагивает преступление.

В теории достаточно много дискутируют о возможности так называемой подготовки свидетелей и потерпевших к процессу. По нашему мнению, такая подготовка необходима, поскольку помогает человеку, далекому

от процессуальной деятельности, правильно сориентироваться в происходящем, не стушеваться, уверенно ответить на вопросы сторон и суда. Естественно, речь не идет о его склонении к даче тех или иных показаний.

Самостоятельное место в подготовке государственного обвинителя занимает планирование участия в формировании коллегии присяжных заседателей. Несомненно, в состав коллегии не смогут войти люди, которые лишены данного права в силу закона. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» прямо указывает, кто не может исполнять обязанности присяжного заседателя (ст. 3), либо подлежит исключению из списков кандидатов в присяжные заседатели на основании собственного заявления (ч. 2 ст. 7). Помимо этого, вопрос о невозможности участия в рассмотрении дела может возникнуть, если лицо в течение текущего года уже исполнял обязанности присяжного (ч. 3 ст. 326 УПК РФ) либо заявил самоотвод, который целесообразно удовлетворять.

Из остальных кандидатов необходимо постараться сформировать объективную коллегию, способную вынести вердикт по делу. Для этого уже на стадии подготовки важно продумать, какие вопросы кандидатам в присяжные следует формулировать, в какой редакции и последовательности, каких кандидатов в присяжные целесообразно отводить, чем это мотивировать. Готовясь с отбору присяжных, прокурор должен исходить из того, что исполнять обязанности присяжного заседателя может нравственно и интеллектуально зрелая личность, обладающая житейской мудростью и здравым смыслом, достаточным уровнем правосознания, способностью к самостоятельной объективной оценке ситуации. Следовательно, вопросы кандидатам должны быть сформулированы таким образом, чтобы выявить именно таких лиц из числа явившихся кандидатов. Продумывая формулировки вопросов, прокурор должен стремиться сделать их конкретными, однозначными, связанными с обстоятельствами, которые могут препятствовать участию в рассмотрении дела. Можно рекомендовать в качестве ориентира использовать перечни вопросов, которые могут быть поставлены прокурором перед кандидатом в присяжные, имеющиеся в литературе, однако в каждом случае такой список должен быть адаптирован применительно к тому делу, которое будет рассматриваться. При этом должны учитываться и юридическая квалификация деяния, и его конкретные обстоятельства.

Итогом подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству должен стать план участия в формировании коллегии присяжных заседателей, план участия в судебном следствии, а также вступительное заявление и проект выступления в прениях.

Рассмотрение особенностей деятельности прокурора в суде с участием присяжных заседателей целесообразно начать с предварительного слушания (ст. 325 УПК РФ).

В соответствии с УПК в ходе предварительного слушания прокурор вправе отказаться от обвинения или изменить обвинение. В последнем слу-

чае может измениться подсудность дела, в связи с чем судья своим постановлением должен направить дело по подсудности в соответствии с ч. 5 ст. 236 УПК РФ, на что прямо указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

О назначении уголовного дела к слушанию судом с участием присяжных заседателей судья выносит постановление, копия которого вручается сторонам по их просьбе (ч. 6 ст. 325). По нашему мнению, прокурору в каждом случае следует пользоваться данным правом и ходатайствовать о предоставлении соответствующей копии. Оценивая данное постановление, следует обратить внимание на два момента: правильно ли определено количество подлежащих вызову в судебное заседание кандидатов в присяжные заседатели; указано ли, каким будет заседание: открытым, закрытым или частично закрытым (в какой части).

Значительное место в деятельности государственного обвинителя занимает участие в формировании коллегии присяжных заседателей, которое проводится в предварительной части судебного заседания. Вопросы, связанные с формированием коллегии присяжных заседателей, регламентируются ст. 326–238 УПК РФ.

Применительно к деятельности прокурора важно обратить внимание на следующие обстоятельства.

Анализ современной судебной практики показывает, что явка кандидатов в присяжные заседатели достаточно низкая. Не все явившиеся для участия в отборе присяжных граждане заинтересованы в отправлении правосудия, некоторые из них испытывают чувства страха перед необходимостью вынесения вердикта, испытывают сильное психологическое напряжение. Некоторые из них негативно или с предубеждением относятся к правоохранительным органам, проявляют правовой нигилизм, а иногда и активно поощряют противоправные действия (например, применение насилия в отношении сотрудников органов внутренних дел, налоговые правонарушения и проч.). Правильно формулируя вопросы кандидатам, государственный обвинитель может выявить негативно настроенных лиц и заявить им мотивированный отвод или при определенных обстоятельствах воспользоваться правом немотивированного отвода.

Проводя опрос кандидатов, прокурор не должен ограничиваться получением вербальной информации, тем более что ответы не всегда носят достоверный характер. Следует анализировать манеру держаться, внешний вид кандидата, внимательно следить за его поведением, мимикой, реакцией на задаваемые вопросы и ответы других кандидатов.

После формирования коллегии присяжных заседателей стороны вправе заявить мотивированное ходатайство о тенденциозности ее состава (ст. 330 УПК РФ). Вывод о том, что коллегия в целом вследствие особенностей рассматриваемого уголовного дела может оказаться неспособной вынести объективный вердикт может быть сделан, например, вследствие однородности

состава коллегии присяжных заседателей с точки факторов, имеющих значение для правильного разрешения дела. Государственные обвинители должны пользоваться данным правом, поскольку в ходе дальнейшего рассмотрения дела заявление отвода всему составу коллегии присяжных не допускается. Справедливости ради следует отметить, что случаи заявлений о тенденциозности коллегии достаточно редко встречаются на практике.

Центральное место в деятельности прокурора, на котором лежит бремя доказывания вины подсудимых, при любой форме судопроизводства занимает его участие в судебном следствии, имеющее существенные особенности в суде присяжных.

Первая особенность связана со вступительным заявлением государственного обвинителя, характеризуя которое, можно провести аналогию с предъявлением обвинения при рассмотрении уголовного дела в общем порядке. Государственный обвинитель, учитывая отсутствие у присяжных юридического образования, излагает существо обвинение в доходчивой для них форме, касаясь только фактической стороны дела без использования юридической терминологии. Его речь должна быть понятной, эмоционально окрашенной, грамотно и правильно выстроенной. В структуре вступительного заявления можно выделить четыре содержательных блока: знакомство с коллегией присяжных заседателей; изложение предъявленного обвинения; краткое изложение порядка представления доказательств; завершение выступления. Такое построение вступительного заявления позволяет решить задачи информационного и психологического характера и способствует формированию у присяжных заседателей положительного отношения к обвинению, а потому является одним из процессуальных средств убеждения присяжных заседателей.

Существенные особенности имеет предмет доказывания и представление доказательств. Во-первых, прокурор, участвующий в судебном следствии, должен учитывать, разрешение каких вопросов отнесено к компетенции присяжных заседателей (ст. 334 УПК РФ). Во-вторых, все вопросы процессуального характера решаются в отсутствие присяжных заседателей. В-третьих, прокурор должен помнить об отсутствии у присяжных юридического образования, что не позволяет им разбираться в тонкостях правовых, процессуальных и криминалистических вопросов.

Мы разделяем мнение большинства ученых, согласно которому предлагаемый прокурором порядок исследования доказательств должен быть направлен на формирование у присяжных заседателей правильного внутреннего убеждения по относящимся к их компетенции вопросам. Представляя доказательства обвинения, а также участвуя в исследовании доказательств стороны защиты, прокурор должен внимательно наблюдать за реакцией присяжных заседателей. Если какое-либо доказательство, по его мнению, непонятно присяжным или не воспринято ими, необходимо помочь им уяснили суть и значение этих доказательств.

Как уже отмечалось, присяжные могут быть охарактеризованы как судьи факта, в связи с чем им надлежит предъявлять только те доказательства, которых относятся к фактическим обстоятельствам дела. При оглашении процессуальных документов наибольший эффект оказывает изложение содержащейся в них информации простыми словами. Хороший эффект оказывает демонстрирование присяжным вещественных доказательств и приложений к протоколам следственных действий, о необходимости изучения которых при подготовке к поддержанию государственного обвинения речь шла выше. Осуществляя доказывание, государственный обвинитель должен стремиться к выстраиванию системы доказательств, подтверждающих версию обвинения.

Важное место в деятельности государственного обвинителя занимает его участие в прениях сторон, которые проводятся в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями (доказано ли, что деяние имело место; что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния; заслуживает ли подсудимый снисхождения). В тоже время следует учитывать, что структура речи, используемые речевые приемы и обороты зависят от многих факторов (качественный состав коллегии присяжных заседателей, особенности предъявленного обвинения, качество доказательственной базы и проч.). От того, как вступит государственный обвинитель, владеет ли он ораторским искусством и актерским мастерством, насколько образно и логично все сказанное им, подчас зависит судьба дела. Скучная, невыразительная, излишне затянутая речь не только не окажет благоприятного воздействия на присяжных, но и оттолкнет от прокурора колеблющихся и заставит сомневаться тех, кто уже готов был принять выгодное для обвинения решение.

Важная составная часть речи прокурора – изложение фактических обстоятельств дела, должно быть не только логичным и ясным, но и понятным присяжным заседателям. Оно не должно быть перегружено излишними подробностями и деталями, но в тоже время должно полностью отражать произошедшее событие.

Анализируя в речи имеющиеся доказательства, прокурор должен дать оценку каждому из них, а также показать связь между доказательствами и оценить их в совокупности. Каждое доказательство в речи прокурора должно быть раскрыто, объяснены его содержание и значение. Не следует оставлять в стороне те доказательства, которые не соответствуют позиции государственного обвинителя. Он также обязан проанализировать их, сопоставить с другими доказательствами, показать присяжным их несостоятельность и неубедительность. На практике имеют место случаи отказа подсудимых от дачи показаний относительно любых исследуемых в суде обстоятельств. Реализация подсудимым данного права не должна оцениваться в речи государственного обвинителя как доказательство виновности субъекта, однако, обратить внимание присяжных заседателей на то, что подсудимый не дал пояснений по очевидным вопросам (почему оказался на месте преступления, почему при нем обнаружено оружие преступления, следы

преступления, предмет преступного посягательства и т. п.), с нашей точки зрения прокурор вправе.

В заключительной части речи прокурор должен сформулировать свой вывод по основным вопросам, подлежащим разрешению присяжными заседателями.

После произнесения речей каждый участник прений сторон имеет право на реплику, которым должен активно пользоваться государственный обвинитель, чтобы нивелировать негативные последствия воздействия на присяжных заседателей выступления стороны защиты. Выступая с репликой, государственный обвинитель должен кратко привести дополнительные аргументы в подтверждение своего мнения.

Касаясь формирования вопросного листа, отметим, что прокурор должен занимать активную позицию, высказывая свое видение тех вопросов, которые будут поставлены перед присяжными заседателями.

Анализ правоприменительной практики показывает, что неудачно сформулированный вопросный лист является достаточно частой причиной отмены приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей. Высказывая свое мнение относительно вопросов, подлежащих включению в вопросный лист, и их формулировки государственный обвинитель должен обращать внимание на то, упоминаются ли все потерпевшие, не утрачены ли юридически значимые обстоятельства (о соучастии, причинах недоведения преступного умысла до конца, признаках организованной преступной группы, наличии беспомощного состояния потерпевшего и т. п.). нельзя забывать о постановке альтернативных вопросов по версии защиты подсудимого. Отметим здесь, что вопросный лист напрямую связан с напутственным словом председательствующего, которую государственный обвинитель должен внимательно слушать и обращать внимание помимо прочего на разъяснение присяжных заседателям юридических значимых аспектов обвинения.

После провозглашения вердикта присяжных заседателей судебное разбирательство продолжается только с участием сторон (ст. 347 УПК РФ). Круг исследуемых при этом вопросов зависит от того, каким был вердикт присяжных (оправдательный или обвинительный). Согласно УПК РФ, при вынесении присяжными заседателями оправдательного вердикта исследуются и обсуждаются лишь вопросы, связанные с разрешением гражданского иска, распределением судебных издержек, вещественными доказательствами.

В случае вынесения обвинительного вердикта производится исследование обстоятельств, связанных с квалификацией содеянного подсудимым, назначением ему наказания, разрешением гражданского иска и другими вопросами, разрешаемыми судом при постановлении обвинительного приговора. По окончании исследования указанных обстоятельств проводятся так называемые «вторые» прения сторон, в рамках которых можно любые вопросы права, подлежащие разрешению при постановлении судом обвини-

тельного приговора. Однако законом запрещено ставить под сомнение правильность вердикта, вынесенного присяжными заседателями. Государственный обвинитель должен предложить суду квалификацию содеянного подсудимым, обратить внимание суда на наличие или отсутствие обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, и особенности личности виновного, которые могут быть учтены судом при назначении наказания.

В ст. 347 УПК РФ не указано, что после окончания прений все их участники имеют право на реплику. Однако исходя из смысла норм, определяющих общий порядок проведения прений (ст. 292, 336, 337 УПК РФ), следует признать, что сторонам необходимо предоставлять право на реплику, при этом право последней реплики принадлежит защитнику и подсудимому.

Е. В. СИДОРЕНКО

ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ДИВЕРСИОННОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Акты диверсий и террористические акты перестали быть экстраординарными преступлениями. Связано это с усложнением геополитической обстановки, вызванной проведением Специальной военной операцией на Украине.

Можно сравнить, например, статистические данные 2020 и 2024 годов. Так, согласно данным, представленным Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ[151], в 2020 году было всего рассмотрено 286 уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности (ст. 280, 282, 282-1, 282-2 УК РФ), по которым было осуждено 285 лиц, в 2024 году рассмотрено уже 723 уголовных дела указанной категории, по которым осуждено 861 лицо.

Следует иметь в виду, что после начала СВО в уголовный кодекс был введен ряд составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за действия диверсионного характера: ст.ст. 281.1 – Содействие диверсионной деятельности; 281.2 – Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности; 281.3 – Организация диверсионного сообщества и участие в нем[152].

Поскольку в нулевые годы XXI века террористическая обстановка в мире и в нашей стране стала не спокойной, в 2013 году была усилена от-

[151] Судебная статистика РФ за период с 2020 по 2024 годам. // https://stat.legalpress.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).

[152] Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2022 № 586-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2025).

ветственность за террористическую деятельность. В том числе введена статья 205.4 УК РФ – Организация террористического сообщества и участие в нем[153].

При этом по статье 281 (диверсия) в 2020 году осужденных не было, в 2024 – осуждено 48 лиц; по новой статье 281.3 (организация диверсионного сообщества и участие в нем) в 2024 году осуждено 2 лица.

Количество осужденных за организацию террористического сообщества также увеличилось более, чем в три раза. В 2020 году по статье 205.4 УК РФ осуждено 13 лиц, в 2024 – 44 лица.

Мы понимаем, что такие уголовные дела, как правило, являются объемными, требующими проведения различных сложных экспертиз, поэтому они расследуются долго и в суд направляются спустя значительное время. Следует ожидать в последующем увеличения статистических данных.

Рассматриваемая статистика свидетельствует о том, что диверсионная и террористическая угроза на текущий момент актуализируется.

Сложность расследования уголовных дел об организации диверсионного (281.3 УК РФ) и террористического (205.4 УК РФ) сообщества состоит в том, что эти статьи сконструированы одинаково по модели ст.210 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию и участие в преступном сообществе.

Одинаковая модель построения ст. 281.3 и ст. 205.4 УК РФ повлияла на схожесть в признаках объективной стороны организации и участия в диверсионном и террористическом сообществе, что отразилось на правоприменительной практике, создав возможные сложности при разграничении и расследования данных преступлений.

Схожесть составов преступлений, предусмотренных ст. 205.4 УК РФ и ст. 281.3 УК РФ, обусловлена тем, что, по сути, данные уголовно наказуемые деяния являются подготовительными действиями к совершению преступлений террористической, либо диверсионной направленности.

Чем же отличаются рассматриваемые преступные сообщества? Террористическое сообщество посягает на общественную безопасность, посредством публичности и устрашения населения для оказания воздействия на власть, а деятельность диверсионного сообщества направлена против основ государственной власти и наносит ущерб экономике и обороноспособности страны.

Поэтому в ходе расследования, помимо того, что следует доказывать признаки организации преступного сообщества или участия в нем, предусмотренные ст.210 УК РФ (создание преступного сообщества в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений; руководство преступным сообществом или входящими в него структур-

[153] Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 02.11.2013 № 302-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.11.2025).

ными подразделениями; координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между такими группам), необходимо доказывать направленность умысла и поставленных целей перед членами преступного сообщества.

Главной и определяющей задачей следователя является установление криминального события и его подготовки «путем решения распознавательных задач. При этом исследуется не только материальная следовая обстановка, но и следы идеального характера»[154].

Отнесение террористического и диверсионного сообществ к категории организованных групп обусловливает схожесть их основных признаков: устойчивость, наличие организатора (руководителя), предварительное объединение для совершения одного или нескольких преступлений.

«Эти два преступных явления имеют схожие объективные стороны (взрывы, поджоги), но различаются по целям: подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны для диверсии, устрашение населения и дестабилизация власти для террористического акта»[155].

Террористическая деятельность предполагает публичность и устрашение людей. «Даже если противоправные действия были совершены тайно, но в расчете на последующее восприятие их множеством людей, деяние будет носить публичный характер»[156].

Так, доказательства, собранные военными следственными органами СК России, признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора пятерым участникам террористического сообщества. В зависимости от роли каждого они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 205.1, ст. 205.3 и ч. 1 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.4 УК РФ.

В 2022 году Антон Хрипко в целях поступления на службу в Вооруженные силы Украины выезжал на территорию Польши, где получил от представителя спецслужб Украины задание на осуществление диверсионно-террористической деятельности на территории Российской Федерации. Далее на территории Московской области Хрипко, являясь радикальным противником проведения специальной военной операции, создал террористическое сообщество, в состав которого вошли 4 граждан Российской Федерации.

---

[154] Глазунова И. В., Корнилов Г. А. Криминалистическое распознавание и оперативно-разыскная профилактика преступлений экстремистской и террористической направленности // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 2. 94 с.

[155] Черявко Е. Д. Проблемы квалификации и разграничения составов преступлений, связанных с организацией террористических и диверсионных сообществ // Сборник статей III Международной научно-практической конференции Студенческого научного общества Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2024. 111 с.

[156] Борисов С. В. Особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам экстремистской направленности // В сборнике: Психологические особенности участников уголовного процесса. Сборник научных трудов Круглого стола. Под ред. О. Д. Ситковской. 2018. 19 с.

В 2022–2023 гг. указанные лица осуществляли тренировки по приобретению навыков ведения боевых действий в условиях города и лесистой местности, планировали совершение террористических актов путем поджогов и подрывов объектов инфраструктуры и военных объектов.

В мае 2023 года Хрипко был задержан сотрудниками Управления ФСБ России по Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации при попытке поджога автомобильной техники подразделения Министерства обороны РФ, обеспечивающего деятельность аэродрома «Чкаловский» в Московской области.

Приговором суда Хрипко и другие участники террористического сообщества были осуждены к различным срокам лишения свободы[157].

В целях выявления экстремистского сообщества или предотвращения действий террористической организации необходимо изначально распознать и доказать экстремистский мотив: организационно-функциональное строение сообщества; содержание его идеологии и программу действия; наличие руководящего центра и дислокацию подразделений.

Пример уголовного дела о создании диверсионного сообщества приводится в статье Ю. Сенаторова.

Организаторами преступного сообщества стали жители подмосковного рабочего поселка Селятино, которые для диверсионных актов на железной дороге использовали несовершеннолетних.

Изначально уголовное дело было возбуждено по ч. 2 ст. 213 УК РФ Следствие полагало, что несовершеннолетние пытались поджечь релейные шкафы на железной дороге из хулиганских побуждений, но в ходе расследования было установлено, что подростки из Селятино и других поселков совершали акции по просьбе взрослых Кирилла Горькова и Евгения Заичкина, обещавших им по несколько тысяч рублей, которые, в свою очередь, в «Телеграмме» познакомились с неким жителем Воронежа, предложившим после активной переписки на разные темы, затрагивающие Украину, устраивать поджоги на железной дороге за вознаграждение. В их задачу входила в том числе съемка горевших шкафов, которую отправляли заказчику.

«Следственной частью УФСБ хулиганство было переквалифицировано на более тяжкие преступления: ч. 1 ст. 281.3, ч. 2 ст. 281.2, ч. 4 ст. 150 УК РФ. Все эти статьи были инкриминированы в окончательной редакции Горькову, и Е. Заичкину – создание диверсионного сообщества и обучение диверсиям, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления. Дела в отношении несовершеннолетних и куратора поджигателей, за которым, очевидно, стояли украинские спецслужбы, были выделены в отдельное производство»[158].

---

[157] Вынесен приговор участникам террористического сообщества за организацию теракта в Московской области. Новости – Следственный комитет Российской Федерации // https://sledcom.ru/news/item/2005921/ (дата обращения: 20.11.2025).

[158] Сенаторов Ю. Первое дело о создании диверсионного сообщества передано в суд // https://www.kommersant.ru/doc/6612638 (дата обращения: 20.11.2025).

В первом примере преступники были задержаны за поджог автомашины на автостоянке с целью придать действию публичность, для устрашения населения, поэтому следует говорить о террористическом акте; во втором примере поджоги релейных шкафов осуществлялись на железной дороге, вдалеке от мест нахождения людей с целью нанесения ущерба экономике и обороноспособности страны, поэтому эти действия квалифицируются как диверсионные.

В настоящее время невозможно рассмотреть вопросы правоприменительной практики ст. 281.3 УК РФ в силу ее отсутствия. Как и у любой новеллы вопросы и спорные суждения получат свое разрешение в ходе предварительного следствия и судебных разбирательств.

Тем не менее есть понимание, что для разграничения диверсионного от террористического сообщества необходимо доказывать направленность преступного умысла и поставленных преступных целей перед руководителем и членами преступного сообщества.

Список литературы

1. Борисов С. В. Особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам экстремистской направленности // В сборнике: Психологические особенности участников уголовного процесса. Сборник научных трудов Круглого стола. Под ред. О. Д. Ситковской. 2018. С. 15–27.

2. Вынесен приговор участникам террористического сообщества за организацию теракта в Московской области. Новости – Следственный комитет Российской Федерации // https://sledcom.ru/news/item/2005921/.

3. Глазунова И. В., Корнилов Г. А. Криминалистическое распознавание и оперативно-разыскная профилактика преступлений экстремистской и террористической направленности // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 2. С. 92–100.

4. Сенаторов Ю. Первое дело о создании диверсионного сообщества передано в суд // https://www.kommersant.ru/doc/6612638.

5. Черявко Е. Д. Проблемы квалификации и разграничения составов преступлений, связанных с организацией террористических и диверсионных сообществ // В сборнике: Сборник статей III Международной научно-практической конференции Студенческого научного общества Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2024. С. 110–113.

Д. И. СТОЛБОВСКИХ

ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ

В настоящее время как с точки зрения науки, так и практики возникает множество вопросов, касающихся собирания, представления и оценки профессиональными участниками уголовного процесса дополнительных доказательств в судах различных инстанций, на отдельных стадиях уголовного судопроизводства, а также при рассмотрении судами уголовных дел в различных формах судебного разбирательства. При этом к дополнительным доказательствам относятся те, которые не были добыты в ходе предварительного расследования, либо по тем или иным причинам отсутствуют в материалах уголовного дела на момент поступления дела в суд для рассмотрения его по существу, либо необходимость в собирании, представлении и исследовании которых возникает ввиду признания судом отдельных доказательств, собранных в ходе предварительного расследования, недопустимыми.

Несмотря на то, что в ст.86 УПК РФ отражены способы собирания доказательств по уголовному делу конкретными участниками уголовного процесса, законодательство не содержит исчерпывающих ответов на вопросы: «Кто? По чьей инициативе? Каким способом, и в каком объеме должен собрать в суде дополнительные доказательства?», чтобы, с одной стороны, избежать возможности возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ, с другой стороны, иметь возможность дополнить судебное следствие, являющееся основной стадией уголовного процесса с тем, чтобы суд вынес справедливое решение по уголовному делу.

Так, нормы УПК РФ не позволяют судье возвратить уголовное дело, по которому предварительное расследование произведено неполно для производства предварительного расследования. С учетом того, что суд призван вынести обоснованное справедливое решение, и вместе с тем, не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, приобретает особую значимость вопрос представления и оценки дополнительных доказательств в суде, исследование которых, в том числе, устранит неполноту предварительного расследования.

На необходимость представления дополнительных доказательств в суде обращает внимание и Пленум Верховного Суда, связывая с этим возможность продолжения рассмотрения уголовного дела. Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», обращено внимание на возможность устранения препятствий для рассмотрения уголовного дела судом, если государственный

обвинитель представит необходимые документы, в том числе подтверждающие факт вручения обвиняемому и его защитнику копии представления прокурора (п.7), данные о неснятых и непогашенных судимостях обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем; документы, необходимые для установления личности подсудимого (п.8).

Хотя составной частью принципа состязательности является равноправие сторон перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ), по мнению некоторых ученых, сторона обвинения в своих возможностях несколько ограничена, ведь она не может представлять суду новые обвинительные доказательства, отсутствующие в уголовном деле и не включенные в обвинительное заключение. Неразрывно с этим связан вопрос о возможности продолжения оперативно-розыскной работы по уголовному делу, направленному в суд для рассмотрения по существу и предоставления результатов этой деятельности в суд.

Что же касается стороны защиты, то на нее такого запрета закон не налагает. Вместе с тем имеется сложность иного плана: те сведения, которые представляет сторона защиты, доказательствами сами еще не являются, она или указывает, где именно они находятся, или представляет в суд соответствующие документы. Окончательно же вопрос о признании определенных сведений в качестве доказательств со стороны защиты решает исключительно суд[159].

В связи с этим требует самостоятельного изучения вопрос о возможностях защитника подсудимого представлять дополнительные доказательства. Так, например, с одной стороны ст.58 УПК РФ предусматривает право защитника привлекать специалиста, с другой стороны на практике зачастую суды признают заключение специалиста, полученное стороной защиты и представленное суду в качестве дополнительного доказательства, недопустимым доказательством по ряду оснований (например, что специалист не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, несмотря на отсутствие правового механизма, позволяющего стороне защиты производить такое процессуальное действие). Нет единообразного понимания того, как оценивать с точки зрения допустимости и иные доказательства, представленные защитником – предметов, документов (неизвестно, как и каким образом полученных защитником), либо результатов опроса лиц и т. п.

Немаловажным в связи с этим представляется и анализ возможности суда по самостоятельному собиранию дополнительных доказательств. Как показывает правоприменительная практика, судьи нередко вынуждены самостоятельно «добывать» доказательства, даже иногда не ставя стороны в известность об этом, поскольку представленных доказательств не хватает для установления всех обстоятельств по уголовному делу и вынесения справедливого решения, а стороны не проявляют должную инициативу.

---

[159] А. В. Гриненко. Дополнительное и повторное исследование доказательств в уголовном судопроизводстве. // Российский судья, 2024, № 12

Как отмечает действующий судья Пиюк А. В., юристу-практику достаточно очевидно, что не по каждому уголовному делу, в особенности в последнее время, в распоряжение суда предоставляется достаточная для однозначного вывода совокупность доброкачественных, допустимых доказательств. Что должен суд делать в данном случае? Если поставить вопрос подругому, он будет выглядеть так: что в данном случае может сделать российский судья, руководствуясь нормами действующего уголовно-процессуального закона?[160]

Вышеуказанное свидетельствует о необходимости тщательного изучения вопросов собирания, представления и оценки дополнительных доказательств профессиональными участниками уголовного процесса при рассмотрении уголовных дел. Учитывая ненадлежащую нормативную регламентацию процедуры самостоятельного сбора, представления и оценки профессиональными участниками уголовного процесса дополнительных доказательств по делу, рассмотрение данных вопросов в совокупности и на основе принципов равенства прав сторон и состязательности процесса позволит выявить ряд коллизий, сформулировать предложения, направленные на преодоление правовых конфликтов и противоречий, совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

С. В. СТРАХОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРОМ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОЗНАНИЯ, ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Признав утратившим силу п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) от 05 марта 2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Верховный Суд РФ «приблизил судебную практику к ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса УПК РСФСР 1960 г., возвратившись к процессуальной конструкции возвращения уголовных дел на дополнительное расследование»[161]. Однако наряду с тем, что постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 39) фактически отменен запрет на возврат уголовного дела из суда в досудеб-

[160] Пиюк А. В. Роль суда в установлении истины: собрать доказательства самому или возвратить уголовное дело для дополнительного расследования? // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 193–197.

[161] Суды по-прежнему не часто возвращают уголовные дела прокурору // Федеральная палата адвокатов. 16 сент. 2025 г. URL: https://fparf.ru/news/media/sudy-po-prezhnemu-ne-chasto-vozvrashchayut-ugolovnye-dela-prokuroru/

ную стадию, предполагающий производство следственных и процессуальных действий, связанных с восполнением неполноты предварительного расследования, для устранения препятствий рассмотрения судом уголовного дела, суть понятий неполноты расследования, восполнения его неполноты, Верховный Суд Российской Федерации не разъяснил.

В УПК РФ определение понятия неполноты предварительного расследования не нашло своего отражения. Кроме того, в ст. ст. 221, 226 УПК РФ не конкретизированы основания возвращения уголовного дела для производства дополнительного следствия, дополнительного дознания.

Не вносят ясности в решение указанных вопросов ни положения п. 1.14 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «О об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», в котором неполнота проведенного предварительного расследования указана в числе оснований возвращения уголовного дела следователю для дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения и устранения иных выявленных недостатков, ни п. 40 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19 января 2022 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», в котором неполнота проведенного дознания в числе оснований возвращения уголовного дела следователю для дополнительного дознания не упоминается.

Указанные недостатки правовой регламентации института возвращения уголовного дела прокурором следователю, дознавателю для производства дополнительного следствия, дополнительного дознания создают ситуацию правовой неопределенности, проблемы толкования положений п. 2 ч. 1 ст. 221 и п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ и применения их на практике.

В этой связи заслуживает внимания мнение Л. Р. Муллагалеевой, которая отмечает, что такое решение как «возвращение уголовного дела для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого при изучении 270 решений прокурора по поступившим уголовным делам с обвинительным заключением, ни разу не встретилось», а «изменение объема обвинения указывается прокурорами в решениях о возвращении дела для дополнительного следствия», и полагает, что следует рассматривать изменение объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого «как одно из оснований для возвращения уголовного дела следователю для дополнительного следствия»[162].

В практической деятельности, указывает Л. Р. Муллагалеева, «прокуроры зачастую указывают пересоставление обвинительного заключения как часть решения о возвращении уголовного дела для дополнительного следствия, при этом указывая в описательной и резолютивной части исключительно на недостатки, характерные для принятия решения о возвращении дела для пересоставления обвинительного заключения, а в ряде случаев

[162] Муллагалеева Л. Р. Проблемы обоснования прокурором решений о возвращении уголовного дела следователю // Исследования молодых ученых. 2020. № 1. 164 с.

в названии постановления перечисляют все содержащиеся в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ решения»[163].

По этому поводу заметим, что при возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, дознания следователь, дознаватель обязан, принять его к своему производству и выполнить требования, провести следственные и процессуальные действия в рамках письменных указаний прокурора. При этом у следователя возникает обязанность выполнения требований ст. 215–217 УПК РФ, а у дознавателя – ч. 2, 3 ст. 225 УПК РФ. Вместе с тем, как справедливо отмечает М.В. Ярмизин, «в случае возвращения уголовного дела лишь для пересоставления обвинительного заключения (обвинительного акта) следователь и дознаватель не должны проводить дополнительное расследование в целях восполнения доказательственной базы, поскольку решение об окончании предварительного расследования уже было принято и не отменено в установленном УПК РФ порядке»[164].

Кроме того, по сложившейся практике, указывает Л. Р. Муллагалеева, «пересоставление обвинительного заключения не влечет возобновление предварительного следствия и повторного выполнения требований ст. 215–217 УПК РФ, необходимых для окончания предварительного следствия»[165]. Между тем, представляются обоснованными замечания В. Ю. Стельмаха: «…после направления уголовного дела прокурору уголовное дело выбывает из производства следователя, и он не вправе составлять по нему какие-либо документы. Процессуальным актом, возвращающим уголовное дело в юрисдикцию следователя, выступает именно его постановление о принятии дела к своему производству. Таким образом, вынесение данного постановления представляется обязательным перед пересоставлением обвинительного заключения … возвращение уголовного дела для пересоставления обвинительного заключения не предполагает повторного проведения процедуры ознакомления. Тем не менее, представляется необходимым ознакомление участников судопроизводства с постановлением о принятии уголовного дела к производству и составление протокола ознакомления … с названным постановлением»[166]. Разумеется, процедура ознакомления должны быть проведена и в отношении нового обвинительного заключения. Полагаем, что указанный порядок справедлив и для возвращения уголовного дела для пересоставления обвинительного акта.

Заметим, что помимо указанных в п. 2 ч. 1 ст. ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ решений, прокурор при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, обвинительным актом, вправе вынести со-

---

[163] Муллагалеева Л. Р. Указ. соч. 166 с.

[164] Ярмизин М. В. Всесторонность и полнота доказывания при окончании предварительного расследования // Криминологический журнал. Сер. Социальные и гуманитарные науки. Право. 2024. № 1. 209 с.

[165] Муллагалеева Л. Р. Там же.

[166] Стельмах В. Ю. Возвращение прокурором уголовного дела для пересоставления обвинительного заключения // В сб. науч. трудов «Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации». Вып. 6. Екатеринбург, 2021. 145 с.

гласно части 3 статьи 88 УПК РФ мотивированное постановление о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, и об исключении их из обвинительного заключения, обвинительного акта. Полагаем, что в случае, если исключение недопустимых доказательств повлечет их недостаточность в совокупности для обоснования виновности обвиняемого, уголовное дело возвращается следователю, дознавателю для дополнительного следствия, дополнительного дознания, разумеется, при условии, что такой недостаток может быть восполнен. По итогу необходимо пересоставление обвинительного заключения (обвинительного акта), поскольку в деле появляются новые доказательства, иные процессуальные документы.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что основаниями для возвращения прокурором уголовного дела следователю, дознавателю для производства дополнительного следствия, дополнительного дознания являются такие недостатки проведенного предварительного следствия, дознания, которые требуют, как указывает К. А. Трифонова, «производства дополнительных следственных действий по обоснованию обвинения, направленных на сбор новых доказательств и (или) на уточнение и дополнение уже имеющихся доказательств, а также в целях устранения препятствий для направления в суд в случаях, не связанных с дополнением обвинения и производством дополнительных следственных действий и обусловлено необходимостью пересоставления обвинительного заключения и устранения иных выявленных недостатков»[167].

Таким образом, круг оснований возвращения уголовного дела, для дополнительного следствия, по мнению К. А. Трифоновой, включает в себя в узком смысле основания, связанные с продолжением непосредственной обвинительной деятельности органа следствия (доказыванием по уголовному делу), а в широком смысле – основания, которые с продолжением обвинительной деятельности непосредственно не связаны и обусловлены лишь необходимостью пересоставления обвинительного заключения и устранения иных выявленных недостатков.

К аналогичным выводам в результате исследования 310 постановлений о возвращении уголовных дел для дополнительного следствия приходят Д. А. Иванов и Л. Р. Муллагалеева: «…вся классификация оснований для возвращения уголовного дела для дополнительного следствия сводится к двум основным: существенные нарушения уголовно-процессуального закона (лишение или ограничение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства; нарушения закона, приводящие к недопустимости доказательств; неправильная квалификация преступного деяния); неполнота следствия»[168].

---

[167] Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: специальность 12.00.09: автореферат диссертации … кандидата юридических наук, / Трифонова Кристина Алексеевна. Челябинск, 2012. 11 с.

[168] Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р. Некоторые проблемы, возникающие при возвращении прокурором уголовного дела для дополнительного следствия (на примере уголовных дел, расследованных следователями МВД) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 2. 39 с.

В целом разделяя точку зрения Д. А. Иванова и Л. Р. Муллагалеевой, полагаем, что вряд ли можно согласиться с тем, что неправильная квалификация действий обвиняемого относится к нарушениям требований уголовно-процессуального закона. В этой связи нам представляется верным мнение Л. А. Федоровой, которая в качестве «причин возвращения уголовных дел прокурорами для производства дополнительного следствия называет неполноту проведенного расследования, а также существенные нарушения уголовного, уголовно-процессуального закона органами предварительного следствия»[169]. Полагаем, что указанные причины можно рассматривать как основания для возвращения уголовных дел не только следователям, но и дознавателям для производства дополнительного дознания. Отличия усматриваются лишь в том, что согласно ч. 2 ст. 226 УПК РФ прокурор при утверждении обвинительного акта вправе самостоятельно своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое. В таком случае дознавателю с необходимостью потребуется лишь составить новый обвинительный акт. Однако, исходя из формулировки указанной нормы, представляется, что прокурор также вправе возвратить уголовное дело дознавателю для дополнительного дознания по этим основаниям со своими письменными указаниями.

Неполноту предварительного следствия в научной литературе часто связывают с неустановлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так, по мнению Д. А. Иванова и Л. Р. Муллагалеевой «предварительное следствие в любом случае признается неполным, когда не допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для уголовного дела, не проведена экспертиза, когда ее проведение является обязательным»[170]. При конкретизации авторами понятия неполно проведенного предварительного следствия, заметно следование положениям ст. 343 УПК РСФСР 1960 года. Вместе с тем существенным дополнением, на наш взгляд, является предложение авторов включить в число признаков неполноты следствия «непринятие мер к устранению противоречий между доказательствами»[171].

С учетом вышеизложенного представляется заслуживающим внимания предложенное К. А. Трифоновой определение понятия «восполнение неполноты при осуществлении дополнительного расследования», под которым автор понимает производство следственных и иных процессуальных действий, направленных на сбор новых доказательств, уточнение и дополнение уже имеющихся доказательств, в том числе и при признании доказательств недопустимыми в случаях существенного нарушения уголовно-процессуального закона и иных препятствий рассмотрения уголовного дела судом»[172].

---

[169] Федорова Л. А. О некоторых типичных причинах возвращения уголовных дел прокурором для дополнительного расследования в органы следствия МВД России и мерах по их устранению // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. 122 с.

[170] Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р. Указ. соч. 40 с.

[171] Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р. Там же.

[172] Трифонова К. А. Указ. соч. С. 11–12.

Между тем, с учетом тенденций, наблюдаемых в судебной практике, возникает вопрос: допустимо ли возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом в случае существенных нарушений уголовно-процессуального закона, повлекших признание доказательств недопустимыми, которые не могут быть устранены в судебном разбирательстве? Казалось бы, для ответа на поставленный вопрос достаточно обратить внимание на положение п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 39: решение о возвращении уголовного дела прокурору принимается судом лишь при наличии оснований, предусмотренных статьей 237 УПК РФ. Однако по смыслу положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 39 восполнение неполноты предварительного расследования Верховный Суд Российской Федерации связывает, в том числе с возможностью возвращения уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, в случае если производство судебной экспертизы в ходе предварительного расследования обязательно, но в материалах дела отсутствует заключение эксперта. Вместе с тем нарушение требований ст. 196 УПК РФ в качестве оснований возвращения уголовного дела прокурору в ст. 237 УПК РФ прямо не указано. При этом такое нарушение Верховный Суд Российской Федерации рассматривает как существенное нарушение закона, допущенное при составлении обвинительного документа, исключающее возможность принятия судом на его основе решения по существу дела.

Соглашаясь с мнением К. А. Трифоновой, которая указывает на «сходство в правовой сущности возвращения уголовного дела на дополнительное расследование и института возвращения уголовного дела прокурору»[173], все же полагаем, что основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и возвращения прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, обвинительным актом, следователю, дознавателю для производства дополнительного следствия, дополнительного дознания, не могут быть одинаковыми в силу того, что часть последних непосредственно связана с продолжением обвинительной деятельности.

В этой связи, принимая во внимание принцип состязательности и равенства сторон, представляется не вполне обоснованным мнение К. И. Штекерова о целесообразности разработки «одинаковых для руководителя следственного органа, прокурора и суда оснований возвращения дела для дополнительного расследования и их закрепление в УПК РФ»[174]. Полагаем, что восполнение неполноты предварительного следствия, дознания при возвращении уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, не должно быть связано с производством следственных действий,

[173] Трифонова К. А. Указ. соч. 10 с.

[174] Штекеров К. И. Основания возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования: тенденции развития законодательства // Вестник научных конференций. 2017. № 3–6 (19). 186 с.

направленных на дополнение имеющихся доказательств, а также получение новых доказательств в связи с признанием судом имеющихся по делу доказательств недопустимыми. В ином случае судебный процесс приобретет явно обвинительный уклон. При этом, на наш взгляд, заслуживает внимания мнение М. В. Ярмизина о том, что «основания для возвращения уголовного дела как для дополнительного расследования, так и для пересоставления итогового процессуального решения должны быть едиными для прокурора, руководителя следственного органа, начальника органа дознания)»[175].

Подытоживая вышеизложенное, можно прийти к следующему выводу. Для устранения правовой неопределенности, единообразного толкования и применения прокурорами положений п. 2 ч. 1 ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ представляется целесообразным конкретизировать в уголовно-процессуальном законе основания возвращения прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, обвинительным актом, для производства дополнительного следствия, дополнительного дознания, а также закрепить определение понятия неполноты проведенного предварительного расследования.

А. С. СУХОДОЛОВ

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ЗА РУБЕЖОМ (НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА ШВЕЦИЯ)

Институт частного обвинения в *Королевстве Швеция* (далее – Швеция) регулируется не только Судебно-процессуальным кодексом[176] от 01.01.1948 г. (Rättegångsbalken)[177] (далее – СПК Швеции), но также уголовным кодексом Швеции от 21.12.1962 г. (Sveriges straffelov)[178] (далее – УК Швеции) и некоторыми другими нормативными правовыми актами.

Уголовный и Судебно-процессуальный кодексы Швеции сконструированы нетрадиционно, так, их статьи не имеют сплошной нумерации, как это принято в большинстве кодексов других стран. Последовательность соблюдается только внутри отдельной главы, соответственно, внутри каждой

[175] Ярмизин М. В. Указ. соч. 209 с.

[176] В Швеции не существует отдельных уголовно-процессуального и гражданского процессуального кодексов. Вопросы уголовного и гражданского судопроизводства в Швеции урегулированы единым Процессуальным кодексом.

[177] См.: The Swedish Code of Judicial Procedure (1998) [Электронный ресурс] – URL: https://www.government.se/contentassets/a1be9e99a5c64d1bb93a96ce5d517e9c/the-swedish-code-of-judicial-procedure-ds-1998_65 (дата обращения: 25.11.2025); https://lagen.nu/1942:740#K47 (дата обращения: 03.12.2025).

[178] Уголовный кодекс Швеции / Ассоц. "Юрид. центр" ; Пер. С. С. Беляева Науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, С. С. Беляев. СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. 304 с. ; https://lagen.nu/1962:700 (дата обращения: 03.12.2025 г.).

главы нумерация статей начинается заново, поэтому при ссылке указывается номер статьи и номер главы.

Поскольку УК Швеции предусмотрены лишь определенные виды преступлений наиболее серьезного характера, ответственность за иные преступления, как и нормы об уголовном судопроизводстве по ним, регулируется вне УК. Так, ответственность за правонарушения против выражения мнений, поскольку они связаны с публикациями в печати, установлена в Законе о свободе печати (Tryckfrihetsförordning) (SFS 1949:105)[179], являющемся частью шведской конституции. Некоторые из предусмотренных SFS 1949:105 преступлений преследуется в публичном порядке, а некоторые – в частном.

Сведения о преступлениях, уголовное преследование которых осуществляется в частном порядке, шведский законодатель разместил не в СПК, а в УК этой страны и иных законах, в частности, в Законе о свободе печати (SFS 1949:105). Единого перечня таких деяний как, например, в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, в законодательстве Швеции не имеется.

Для дифференциации и обозначения соответствующих видов уголовного преследования использованы понятия «по жалобе», что соответствует частному порядку; и «по сообщению о преступлении» либо «по требованию уголовного преследования», что соответствует частно-публичному порядку. Все иные преступления являются делами публичного обвинения.

В соответствии со ст. 5 гл. 5 УК Швеции, не иначе как ***по жалобе*** потерпевшей стороны осуществляется уголовное преследование диффамации[180]; тяжкой диффамации и оскорбительного поведения[181].

В соответствии с §7 Главы 9 (далее 9:7) Закона о свободе печати (SFS 1949:105) законодательство, регулирующее право потерпевшего самостоятельно выдвигать обвинение, распространяется также на преступления против свободы прессы (клевета, оскорбление, совершенные в печатном издании).

Для сравнения, приведем примеры дел частно-публичного обвинения в шведском законодательстве.

Так, в случае поступления от потерпевшей стороны *сообщения о преступлении* либо *требования уголовного преследования*, государственный обвинитель может преследовать в уголовном порядке совершение следующих преступлений:

причинение телесного повреждения или заболевания, если преступление не является тяжким (ст. 12 гл.3 УК);

---

[179] Закон о свободе печати Швеции. https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/tryckfrihetsforordning-1949105_sfs-1949-105/#K8 (дата обращения: 03.12.2025 г.).

[180] Указание на лицо как на преступника или как на человека, ведущего предосудительный образ жизни, или иное распространение информации, имеющей намерение вызвать неуважение других лиц (ст. 1 гл. 5 УК).

181 Употребление в отношении другого лица оскорбительных эпитетов или выдвижение обвинения, или другое постыдное поведение (ст. 3 гл. 5 УК).

нарушение спокойствия в жилом помещении или незаконное вторжение незначительного характера, незаконное подслушивание, произведенное не в общественном месте, или приготовление к такому преступлению, приставание, совершенное не в общественном месте, или нарушение частной тайны, незаконное принуждение путем угрозы начать уголовное преследование; распространение о лице порочащей информации, а также покушение или приготовление к такому преступлению (ст. 11 гл. 4 УК),

кражи (кроме тяжкой), кражи транспортного средства, незаконного лишения владения, самовольного восстановления во владении, незаконного пользования электроэнергией, совершенных в отношении:

1. лица, проживающего с обвиняемым не на временной основе;

2. супруга или супруги, или кровного родственника по восходящей или нисходящей линии, или родственника по браку, родного брата или сестры, зятя или невестки, или

3. любого другого подобного близкого или родственника обвиняемого (ст. 13 гл. 8 УК);

мошенничества (кроме тяжкого), мошеннического поведения, вымогательства, ростовщичества, укрывательства имущества, полученного преступным путем, бесчестного поведения, совершенных в отношении:

1. лица, проживающего с обвиняемым не на временной основе;

2. супруга или супруги, или кровного родственника по восходящей или нисходящей линии, или родственника по браку, родного брата или сестры, зятя или невестки, или

3. любого другого подобного близкого или родственника обвиняемого (ст. 12 гл. 9 УК).

Право потерпевшего на уголовное преследование по делам частного обвинения предусмотрено ст. 3 гл. 20 СПК Швеции, а вопросам осуществления судопроизводства посвящены главы 22 и 47 СПК Швеции, причем последняя из которых «Институт частного обвинения и основное слушание по таким делам» посвящена исключительно производству по делам частного обвинения.

Шведским законодательством предусмотрены ситуации, при которых уголовное преследование одних совершенных лицом преступлений осуществляется в частном порядке, а других – в публичном. В таких случаях по инициативе прокурора, либо частного обвинителя уголовное преследование соединенного дела может осуществляться в публичном порядке (включая досудебные и судебные стадии) (ст. 2 гл. 22 СПК Швеции).

По делам частного обвинения судом проводится подготовка (как и по гражданским делам), что, объясняется тем, что отдельным сторонам требуется определенное процессуальное управление, которое не нужно государственным обвинителям.

С целью возбуждения частного обвинения потерпевшим в суд подается письменное *вызывное заявление*. С этого момента начинается уголовное

преследование. Подача встречного заявления возможна как в письменном виде, так и в устном – суду (ст. 1 гл. 47 СПК Швеции).

Если заявление не отклонено, суд вызывает обвиняемого повесткой для дачи показаний по обвинению, однако, в случае очевидной необоснованности заявления суд может вынести по нему решение немедленно без вызова обвиняемого (ст. 5 гл. 47 СПК Швеции).

После вызова обвиняемого дело подлежит подготовке целью которой является выяснение: позиции обвиняемого по отношению к преследованию и ее обоснование (ст. 6 гл. 47 СПК Швеции).

В подготовительном производстве обвиняемый должен сообщить, признает ли он обвинение либо отрицает и высказать свою позицию по обстоятельствам на которых основывается уголовное преследование (ст. 7 гл. 47 СПК Швеции).

Если подготовка проводится в присутствии обвиняемого, находящегося под стражей, слушание должно быть проведено в течение одной недели с даты его задержания, за исключением случаев, когда в связи с особыми обстоятельствами требуется дальнейшая отсрочка. Если обвиняемому запрещено выезжать за пределы страны, слушание должно быть проведено в течение одного месяца с даты уведомления о решении.

Если обвиняемый находится под стражей и должно состояться новое заседание, оно должно состояться в течение одной недели с даты завершения предыдущего заседания или, если он находился под стражей, с даты его задержания, если только дальнейшая отсрочка не требуется в связи с особыми обстоятельствами (ст. 9 гл. 47 СПК Швеции).

На заседании стороны могут представлять или зачитывать письменные заявления или другие письменные материалы только в том случае, если суд сочтет, что это облегчит понимание заявления или иным образом принесет пользу разбирательству (ст. 11 гл. 47 СПК Швеции).

При неявке в подготовительное судебное заседание потерпевшего, извещенного о последствиях неявки, обвиняемый вправе ходатайствовать о прекращении дела.

В случае повторной неявки обвиняемого, привлеченного за неявку в судебное заседание к штрафу, суд вместо наложения штрафа может подвергнуть его задержанию и приводу как немедленно, так и в следующее заседание (ст. 14 гл. 47 СПК Швеции).

В случае неявки в судебное заседание потерпевшего либо обвиняемого, извещенных о последствиях неявки в виде назначения штрафа, и обеспечения ими участия в деле через представителя, суд вместо наложения нового штрафа, может подвергнуть их задержанию и приводу как немедленно, так и в следующее заседание (ст. 15 гл. 47 СПК Швеции).

В случае лишения потерпевшего права на уголовные преследования в соответствии со ст. 14, потерпевший вправе ходатайствовать о возобновлении рассмотрения дела. Заявление о возобновлении производства должно быть подано в письменной форме в течение одного месяца со дня вынесения

решения. В случае неявки потерпевшего его право на возобновление утрачивается (ст. 18 гл. 47 СПК Швеции).

В случае необходимости для судебного следствия суд вправе до судебного заседания либо до письменного производства, направить сторонам список вопросов, которые будут исследоваться на предстоящем процессе.

Стороны должны подготовиться к заседанию таким образом, чтобы, если это возможно, более не потребовалось подготовительных заседаний (ст. 19 гл. 47 СПК Швеции).

Если обвиняемый находится под стражей, основное слушание должно быть начато как можно скорее, но не позднее 2 недель со дня окончания подготовительного производства, либо со дня задержания (ст. 19 гл. 47 СПК Швеции).

Как следует из ст. 24 гл. 47 СПК Швеции, после проведения подготовки по делам частного обвинения указанные дела рассматриваются в обычном порядке (в основном заседании), такие дела подсудны жюри присяжных[182].

Анализ института частного обвинения в шведском уголовном процессе выявил, что его сфера ограничена составами преступлений клеветы. В то же время, преступления против здоровья человека, такие как побои и причинение легкого вреда здоровью, не относятся к делам частного обвинения. Согласно статье 3:12 УК Швеции, уголовное преследование за эти деяния осуществляется государственным обвинителем исключительно по инициативе потерпевшей стороны, что характеризует их как дела частно-публичного обвинения.

Отметим, что, несмотря на меньший по сравнению с российским уголовным процессом перечень дел частного обвинения, их рассмотрение подробно регламентировано. В частности, суд имеет возможность обеспечить участие обвиняемого, уклоняющегося от явки, не только посредством привода, но и путем наложения штрафа, задержания или взятия под стражу, что гарантирует участие обвиняемого в судебном заседании.

В шведском уголовном процессе предусмотрены нормы, регулирующие порядок осуществления уголовного преследования в случае соединения дел публичного обвинения с делом частного обвинения. Производство по такому соединённому делу ведется в публичном порядке. Подобная практика актуальна для российского законодательства при совокупности преступлений предусмотренных, например, ч. 1 ст. 119 УК РФ (дело публичного обвинения) и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ (дело частного обвинения). Также представляется целесообразным включение в вызывное заявление сведений о квалификации деяния, требований о которой часть 5 статьи 318 УПК РФ не содержит.

Таким образом, компаративистское исследование шведского законодательства позволило выявить новые для российского уголовного процесса подходы к решению давно известных проблем частного обвинения.

---

[182] Введение в шведское право. Пер. с англ./ отв. ред. Б. С. Крылов. М.: Юридическая литература, 1986. С.91, 149.

О. Е. ФЕДЯКОВА

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ И СПОСОБЫ ВЕРИФИКАЦИИ

С каждым годом увеличивается количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из общего количества преступлений, совершенных доля таких преступлений в 2024 году, составила 40%, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году. При этом растет и тяжесть этих деяний: количество тяжких и особо тяжких составов увеличилось на 7,8%[183].

Использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) неизбежно приводит к формированию цифровых следов. В частности, пользователи ИКТ оставляют цифровые отпечатки – данные, раскрывающие широкий спектр информации о них. Эти данные могут включать аскриптивные характеристики (возраст, пол, раса, этническая принадлежность), сведения о личных убеждениях (сексуальная ориентация, мысли, предпочтения, привычки, хобби), информацию о состоянии здоровья (история болезни, психологические расстройства), социально-экономический статус (статус занятости, принадлежность к сообществам, отношения), геолокационные данные, распорядок дня и иную активность.

Цифровые отпечатки подразделяются на активные и пассивные. Активный цифровой отпечаток формируется на основе данных, сознательно предоставляемых пользователем (персональные данные, видео, изображения, комментарии), размещаемых на различных онлайн-платформах (приложения, веб-сайты, электронные доски объявлений, социальные сети и другие форумы). Пассивный цифровой отпечаток, напротив, представляет собой данные, непреднамеренно генерируемые при использовании сети «Интернет» и цифровых технологий (IP-адрес, история просмотров в браузере и др.).

Данные, составляющие активные и пассивные цифровые отпечатки, могут служить потенциально ценными источниками информации, анализируя которую правоохранительные органы могут использовать в качестве доказательной базы, в том числе в ходе уголовного судопроизводства, приобретая значение электронных доказательств.

Киберпреступность, мошенничество в интернете, распространение запрещенных материалов в сети «Интернет», преступления против личности с использованием цифровых устройств – все это требует эффективного использования электронных доказательств в уголовном процессе.

Развитие правоприменительной системы, в том числе в части правоохранительной деятельности, требует учета современных тенденций в сфере информационных технологий данного инновационного историче-

[183] Официальный сайт МВД России // МВД России. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/ (дата обращения: 04.11.2025).

ского процесса. Отсутствие должной адаптации к информационно-технологической среде может привести к дисбалансу в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, способствуя усилению угроз.

В связи с этим реализация Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы[184] с ее приоритетами развития информационного общества, включая обеспечение безопасности, защиту информации и развитие информационных технологий, становится ключевым фактором для совершенствования законодательства и практики применения электронных доказательств в уголовном процессе, что позволит правоохранительной системе эффективно противостоять современным угрозам.

Цифровизация закономерно затронула и уголовно-процессуальное законодательство, начальным этапом которой стало внесение в 2017 году изменений, регламентирующих применение электронных документов в уголовном судопроизводстве. Эти изменения закрепили право участников направлять в суд ходатайства, заявления, жалобы и иные документы в электронной форме, подписанные электронной подписью[185].

Дальнейшим шагом внедрения информационных технологий в уголовно-процессуальное законодательство стало введение ст. 189.1 УПК РФ[186], регламентирующей проведение допросов, очных ставок и опознаний с использованием видео-конференц-связи и устанавливающей особые требования к процедуре, фиксации результатов и исключающей применение ВКС в случаях, связанных с государственной тайной или защитой данных лиц, находящихся под защитой[187].

Изменениями, внесенными в УПК РФ в декабре 2023 года Федеральным законом № 672-ФЗ[188], расширили применение электронных документов в уголовном процессе, внедрив, при наличии технической возможности вручения обвинительного заключения в электронном виде (с согласия сторон) и установив порядок подачи ходатайств, заявлений и уведомлений в электронной форме строго установленные сервисы документооборота и электронного взаимодействия.

---

[184] Об утверждении Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 04.11.2025).

[185] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : федер. закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201606230045 (дата обращения: 10.11.2025).

[186] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (I). Ст. 4921.

[187]Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (часть I). Ст. 52.

[188] Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (часть I). Ст. 58.

Неопределенность критериев технической возможности может стать причиной для отказа в использовании электронных документов. Кроме того, законодательно осталось без поля зрения отсутствие ответственности за обеспечение указанной технической возможности.

В ходе реализации прав участников уголовного судопроизводства, участвующих в электронном взаимодействии, необходимо унификация требований к форматам и техническим средствам.

В действующем УПК РФ идет речь относительно использования электронных документов, при этом отсутствует правовое закрепление категории электронного доказательства.

Обосновывая необходимость конкретизации электронных доказательств, многие ученые исследуют специфику цифровой информации, отталкиваясь от понятия информации, закрепленного в федеральном законодательстве и определяемого как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления[189]. Цифровая информация, с точки зрения ее преобразования в электронные доказательства, характеризуется рядом признаков, таких как: опосредованность; возможность копирования без утраты содержания копируемой информации; одновременное существование отдельных копий; возможность преобразования цифровой информации в другие формы; возможность существования на различных носителях; операции, направленные на восприятие цифровой информации, возможны только с применением специальных технических средств; многоуровневая вложенность, обезличенность цифровой информации[190].

Важно отметить, что электронный документ, как одна из форм представления цифровой информации, также обладает этими характеристиками и требует особого внимания при использовании в качестве доказательства. В статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет электронный документ как документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

На наш взгляд, в уголовном процессе допустимо использование в качестве доказательства как непосредственно самого электронного документа, в контексте использования с квалифицированной электронной подписью. Наличие такой подписи подтверждает авторство и, следовательно, обеспечивает допустимость электронного документа. Данный подход соответствует действующему законодательству, согласно которому документы,

---

[189] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[190] Цифровая криминалистика: учебник для вузов/ под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. И доп. М. : Издательство Юрайт, 2024. 314 с.

подписанные такой подписью признаются электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе[191].

Аналогично на территории США действует Акт об унифицированных электронных транзакциях (Uniform Electronic Transactions Act), согласно которому электронные записи, в том числе созданные компьютерными программами, а также цифровые подписи с использованием шифрования на основе открытых ключей имеют ту же юридическую силу, что и текстовые записи[192].

Представляется целесообразным, чтобы в интересах сторон и для повышения эффективности доказывания в уголовном процессе законодательно определить порядок и сроки хранения электронных документов и данных, связанных с их изготовлением, отправлением, передачей, получением и хранением, а также урегулировать вопросы распределения бремени доказывания между участниками электронного документооборота в случае возникновения споров, касающихся достоверности электронного документа или иных аспектов электронного документооборота.

В последнее время электронные документы и сообщения все чаще становятся предметом и средством совершения различных преступлений, выступают в качестве доказательств в уголовном, гражданском, административном и арбитражном процессах. В соответствии с требованиями законодательства, предусмотренного ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, граждане, организации, государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы, должностные лица, лица, наделенные государственными или иными публичными полномочиями, вправе направлять обращения в суд в электронном виде.[193] В контексте возрастающей роли электронных документов и сообщений в правовой сфере, как в аспекте совершения правонарушений и преступлений, так и в качестве доказательств в судопроизводстве, особую актуальность приобретает вопрос о признании электронных документов, представляемых в суд, в качестве допустимых доказательств. Для субъектов, наделенных правом подачи электронных обращений в суд, крайне важно, чтобы такие документы соответствовали установленным процессуальным требованиям, обеспечивающим их признание полноценными

[191] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2038.

[192] Clarkson K. W., Miller R. L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021. P. 245.

[193] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.11.2025).

вещественными доказательствами, которые могут признаваться таковыми при соблюдении требований, изложенных в п. 4–6 ч. 2 ст. 74, ст. 81, 83 и 84 УПК РФ, ч. 1 ст. 71 ГПК РФ, ч. 1 ст. 70 КАС РФ и ч. 3 ст. 75 АПК РФ.

В условиях стремительной информатизации общества, характеризующейся повсеместным распространением электронных устройств и широким внедрением систем электронного документооборота, традиционный письменный документ поступенно становится анахронизмом. Вместе с тем в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации до настоящего времени отсутствует четкое определение понятия «электронные доказательства», что создает существенные правовые пробелы и затрудняет эффективное применение современных технологий в уголовном судопроизводстве.

В арбитражном судопроизводстве активно используются электронные доказательства в частности, скриншоты веб-страниц. Судебная практика демонстрирует принятие информации из сети «Интернет», включая данные о владельце сайта и содержании страниц, в качестве допустимых доказательств.[194]

В целом данная практика подтверждает общую тенденцию к расширению использования электронных доказательств в судебных процессах. При этом для гражданского судопроизводства предусмотрена возможность обеспечения доказательств в виде осмотра информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» посредством нотариальных действий.[195] Однако уголовно-процессуальное законодательство подобного механизма не предусматривает. Более того, УПК РФ не регламентирует действия уполномоченных лиц по фиксации электронных доказательств в качестве вещественных, что можно расценивать как правовой пробел.

Представляется, что при условии соблюдения общепринятых критериев допустимости доказательств, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншоты), сделанные и удостоверенные лицами, участвующими в деле, с обязательным указанием адреса интернет-страницы, с которой произведена распечатка, а также точного времени ее получения, могут быть признаны допустимыми и относимыми доказательствами в уголовном процессе. В частности, сведения с веб-сайтов о стоимости имущества, подкрепленные указанными обстоятельствами, потенциально могут иметь силу вещественных доказательств, подтверждающих размер причиненного ущерба. Введение возможности нотариального удостоверения таких электронных доказательств могло бы способствовать своевременному предоставлению заинтересованными лицами

---

[194] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2025 № 17АП-1657/2025-ГКу по делу № А60-66287/2024 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.11.2025).

[195] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.11.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 25.11.2025).

необходимых сведений в ходе судебного производства, особенно в случаях выявления недостатков или неполноты предварительного расследования.

Потенциальное распространение подобной практики на уголовный процесс могло бы существенно упростить доказывание по делам, связанным с компьютерными преступлениями, распространением запрещенной информации в сети «Интернет», нарушением авторских и смежных прав в цифровой среде, а также иными деяниями, где электронные следы являются ключевыми доказательствами.

Однако необходимо учитывать особенности обращения с цифровой информацией в рамках уголовно-процессуального производства, в частности, разграничение понятий следов преступления и вещественных доказательств.

Разделение следов преступления и вещественных доказательств предусмотрено ч. 6 ст. 164 УПК РФ. При этом ст. 164.1 УПК РФ конкретизирует особенности копирования такой информации, содержащейся на электронных носителях информации – вещественных доказательствах. Таким образом, орган предварительного расследования, прокурор и суд фактически работают с цифровой информацией, которая оставлена пользователям ИКТ в виде цифровых следов (отпечатков), закрепленная в вещественных доказательствах и их копиях, и фактически является электронными доказательствами по отношению к другим вещественным доказательствам.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует исчерпывающий перечень электронных технических средств, допустимых к применению в ходе досудебного и судебного производства для получения цифровой информации.

Несмотря на то, что статья 164 УПК РФ закрепляет полномочия субъектов уголовного процесса в части применения «технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», а статья 166 УПК РФ допускает использование технических средств при составлении протокола и фиксации хода следственных действий путем стенографирования, фотографирования, киносъемки, аудио- и видеозаписи), правовая регламентация обращения с цифровыми следами после их изъятия остается недостаточно определенной.

Данная неопределенность в процедурах обращения с изъятой цифровой информацией в уголовном процессе порождает риски утраты, повреждения или несанкционированного изменения данных. Это ставит под сомнение допустимость и достоверность электронных доказательств, а также не обеспечивает должную защиту конфиденциальной информации.

Таким образом, назрела необходимость в разработке и нормативном закреплении четких и детальных правил обращения с цифровой информацией, полученной в ходе уголовного судопроизводства, которые должны регламентировать процедуры изъятия, фиксации и исследования цифровых следов на различных типах носителей информации, как в открытом доступе сети «Интернет», так и на физических носителях; обеспечения целостности

и аутентичности цифровой информации, включая использование криптографических методов защиты и средств электронной подписи; хранения и защиты цифровой информации, с учетом требований о конфиденциальности, персональных данных и коммерческой тайны, а также соблюдения прав участников уголовного процесса; верификации цифровой информации, представленной в качестве доказательств, в том числе путем проведения судебных экспертиз с привлечением квалифицированных специалистов в области информационных технологий; использования цифровой информации при проведении следственных действий и судебных заседаний, включая обеспечение возможности ознакомления с ней всех участников процесса с соблюдением установленного порядка; порядка уничтожения цифровой информации после завершения уголовного дела или истечения срока её хранения.

Представляет собой интересный пример законодательного подхода к доказательственной силе документов, предусмотренный ст. 78 УПК Грузии[196], в котором доказательственная сила документа напрямую зависит от установления его происхождения и подтверждения аутентичности. Это важный принцип, который должен быть положен в основу оценки любых документов (в том числе электронных) в уголовном процессе.

Отдельно в ч. 1 ст. 78 УПК Грузии оговаривается, что документы или вещественные доказательства являются допустимыми доказательствами, если сторона может допросить в качестве свидетеля лицо, обнаружившее/создавшее их или (и) у которого они хранились до представления в суд.

Это важный момент, учитывая специфику оперативно-розыскных мероприятий и необходимость использования таких доказательств в качестве вещественных для изобличения преступников.

В правоприменительной практике несоблюдение установленных законом процедур при получении и исследовании электронных доказательств ставит под сомнение их допустимость в суде. Так, судом исключены из числа доказательств выводы судебной компьютерной экспертизы в части исследования информации, полученной с электронных носителей, изъятых в ходе незаконного оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ), указав на нарушение ч. 1 ст. 75 УПК РФ[197]. Обращено внимание на то, что часть доказательств, полученных в результате ОРМ, признана недопустимой, а другая часть (выводы судебной компьютерной экспертизы) – нет. Отсутствие единого подхода к оценке электронных доказательств, полученных в ходе одного и того же ОРМ, свидетельствует о проблемах с их надлежащей фиксацией и процессуальным закреплением.

---

[196] Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Грузии : закон Грузии № 1990-I от 09.10.2009 г. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт «Мацне». URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=172 (дата обращения: 25.11.2025).

[197] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.11.2020 № 77-2341/2020 (УИД 86RS0017-01-2017-000093-83) [Электронный ресурс] // Достуи из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: (ссылка, сформированная в системе КонсультантПлюс) (дата обращения: 04.12.2025).

В данном конкретном случае исключение выводов компьютерной экспертизы не повлияло на законность осуждения, поскольку в деле осталась совокупность других допустимых доказательств. Однако этот факт не снижает значимости проблемы. Отсутствие четких и подробных правил о проведении ОРМ в отношении электронных устройств и данных, а также их фиксации создает риск признания электронных доказательств недопустимыми в суде, что может привести к оправдательным приговорам по делам, где электронные следы являются ключевыми.

Также для подтверждения верификации информации в судебных решениях зачастую используется формулировка; «обмен указанной информацией осуществлялся через интернет-мессенджеры, исключая задержку передачи и искажение информации[198]», тем самым подтверждая, что характеристики интернет-мессенджеров сами по себе гарантируют надежность и подлинность передаваемых данных. Это можно считать упрощенным аргументом для обоснования допустимости электронных доказательств, передаваемых через такие мессенджеры.

Представляет интерес ситуация, когда данные, собранные с применением новейших цифровых технологий и аккумулирующие значительный объем информации о пользователях, запрашиваются правоохранительными органами для использования в качестве доказательств по уголовному делу.

Примером может служить уголовное дело об убийстве в США, когда впервые возник вопрос о доступе к записям Amazon Echo с голосовым помощником Alexa. В 2016 году полиция обратилась к Amazon с запросом на анализ данных, собранных колонкой Echo, полагая, что устройство могло зафиксировать ценные сведения об обстоятельствах смерти. Функционал устройства позволяет собирать информацию об интересах, предпочтениях, запросах, покупках, активности и местонахождении пользователей (например, фиксировать их присутствие дома или отсутствие, основываясь на временных метках и аудиозаписях). Однако Amazon отказалась предоставить данные, ссылаясь на необходимость защиты персональной информации и заявив, что данные могут быть предоставлены только при наличии законного и юридически обязывающего требования, которое впоследствии могло бы представить их в суде в качестве доказательства.[199]

В настоящее время изначальные вопросы конфиденциальности отходят на второй план, поскольку правоохранительные органы всё чаще получают доступ к подобной информации. Примером служит практика Amazon, занимающаяся умными дверными звонками Ring, которая, несмотря на заявления о защите данных, предоставляет записи камер правоохранительным органам без ордера в случаях непосредственной угрозы безопасности[200].

---

[198] Постановление Томпонского районного суда Респ. Саха (Якутия) от 18.04.2023 по делу № 1-ВУ-26/2023* [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой система «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальный. (дата обращения: 25.11.2025).

[199] Amazon Echo «допросили» как свидетеля убийства [Электронный ресурс] // Seldon.News. URL: https://myseldon.com/ru/news/index/162176166 (дата обращения: 25.11.2025).

[200] Amazon Ring возобновляет сотрудничество с полицией – снова спорная практика [Электронный ресурс] // RuTab.Net. URL: https://rutab.net/b/hardware/2025/07/19/amazon-ring-

Это подчеркивает необходимость дальнейшего изучения этических и юридических аспектов использования данных, собранных цифровыми устройствами, в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что проблема использования электронных доказательств в уголовном процессе является многогранной и требует комплексного подхода. Отсутствие четкого правового регулирования, недостаточно проработанные критерии допустимости и сложности верификации создают серьезные препятствия для эффективного расследования и рассмотрения уголовных дел.

А. В. ХОЛОПОВ

ПРАВОСУДИЕ В СТИЛЕ «СУДЬИ ДРЕДД» КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПЕРСПЕКТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рассматривая цифровизацию как «процесс, включающий создание, внедрение и применение цифровых систем и технологий и (или) трансформацию инструментов (объектов, систем и технологий) взаимодействия государства, общества и человека»[201], можно констатировать закономерное (логичное) её внедрение и развитие в юриспруденции как явления, в основе которого лежит необходимость повышения эффективности управления и организации общественными отношениями в социальной системе.

Интенсивный прогресс цифровых технологий сформировал глобальное цифровое пространство (среду), которое проникло, заполнило и поглотило как личную бытовую сферу человека, так и социальную среду в целом, что позволяет говорить о достижении абсолютной цифровой прозрачности (доступности цифровых данных о субъекте и процессах в цифровой среде) данных личной жизни индивида и, соответственно, создало предпосылки для его тотального контроля – цифровой тотальности (всеохватывающий характер цифровых технологий в социальной системе).

Об этом позволяет говорить тот факт, что человек в повседневной жизни является пользователем множества цифровых устройств и сервисов (телефон, смарт-часы (фитнес-браслет), планшеты, мобильные компьютеры и т. д.). Домашнее пространство наполнено технологиями умного дома и интернета вещей (умная колонка (Яндекс-станция), смарт-телевизор, робот-пылесос, системы климат-контроля и т. д.). Личный автотранспорт, помимо интерактивного охранного комплекса, позволяющего управлять автомобилем посредством специального приложения, установленного на смартфон,

---

vozobnovlyaet-sotrudnichestvo-s-policiey----snova-spornaya-praktika.html (дата обращения: 25.11.2025).

[201] Катрин Е. В. "Цифровизация": научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. 2022. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-nauchnye-podhody-k-opredeleniyu-termina (дата обращения: 11.12.2025).

также подключен к системе ГЛОНАСС для экстренного реагирования на дорожно-транспортные происшествия. Кроме этого, цифровизация затронула производственные процессы (системы автоматизированного управления) и обеспечения безопасности (технологии видеоаналитики и система камер уличного видеонаблюдения) и т.д.

При использовании цифровых сетевых сервисов (интернет-СМИ, социальные сети и т. д.) фиксируется информация о просмотре страниц, фотографий и видеозаписей, причем вплоть до информации о количестве времени, затраченном пользователем на просмотр конкретной фотографии или фрагмента видеофайла, а также поставленных лайках и оставленных комментариях и т. д.

Фактически перечисленные выше устройства, технологии и сервисы фиксируют огромное количество цифровой информации, которая передается, хранится и анализируется в дата-центрах в интересах не только фирм-производителей и рекламодателей, но также и с точки зрения обеспечения государственной безопасности в интересах правоохранительных органов. Такие персональные цифровые данные содержат разнообразные объективные сведения о деятельности человека (данные о местонахождении и перемещении, его финансовых операциях и покупках, показателях здоровья и т. д.) и его социальных коммуникациях, и в этом смысле могут являться источником криминалистически значимой и доказательственной информации.

Все это свидетельствует о достижении состояния, при котором в цифровом пространстве накапливается такое количество информации, которое позволяет получить как данные прямых измерений (показатели местонахождения и пульса с фитнес-трекера), так и аналитически вычисляемые данные. К последним относится так называемая выводимая (вычисляемая) из данных прямых измерений аналитическими методами информация, например, направленность интереса пользователя в бытовой, интимной, социальной, политической и духовной сферах жизни, составление психологического портрета пользователя.

Вышесказанное позволяет говорить о наличии свойств тотальности и прозрачности цифровой среды, в свою очередь, являющейся результатом процесса цифровизации. Причём эти свойства одновременно создают необходимые условия для обеспечения безопасности индивида в цифровой среде, но также предоставляют возможности получения, например, персональных цифровых данных об индивиде для использования в противоправной деятельности.

Примером, иллюстрирующим, можно сказать, ещё только начальную стадию развивающегося процесса тотальной цифровизации и возникновения явления цифровой прозрачности, может служить следующий случай: «в 2011 году австрийский студент-юрист Макс Шремс потребовал от Facebook предоставить ему копию всех его персональных данных, которыми обладает компания. Макс Шремс получил PDF из более 1200 страниц, вся информация в файле была разбита на 57 категорий (работа, образование,

друзья, политические взгляды, хобби, фотографии и т.д.). …среди всего прочего в присланном файле были удалённые сообщения, чат-сессии, имена бывших друзей и другие данные с пометкой deleted:true. (…) Facebook прислал не всю имеющуюся информацию. (…) Известно, что куки Facebook отправляют информацию о посещённых страницах, даже если пользователь не нажимал на эту кнопку»[202].

По сути, можно констатировать, что индивид, социальная группа, социум и их деятельность в целом превращаются практически в непрерывный и бесконечный поток цифровых данных – больших данных, представляющих собой не только огромный по объему массив, но и поток цифровых данных, содержащий сведения, систематизация и анализ которых позволяет максимально полно, всесторонне и объективно осуществить поиск, обнаружение, фиксацию, исследование и визуализацию информации о совокупности факторов и причинно-следственных связей генезиса и особенностей протекания социальных процессов на индивидуальном и коллективном уровне.

В этом смысле, с точки зрения криминалистики, тотальность цифровизации и цифровая прозрачность, по сути, являются свойствами цифрового пространства (виртуальной, киберсреды), которое настолько глубоко интегрировалось в повседневную жизнь, что стало неотъемлемой частью естественной (реальной) социальной среды обитания индивида, и практически любая его деятельность отражается в цифровом пространстве в виде системы киберследов. Если в реальном (физическом) мире можно безвозвратно уничтожить следы на месте происшествия и тем самым затруднить процесс расследования преступления, то в цифровом (кибернетическом, виртуальном) пространстве, в особенности на сетевых ресурсах (интернет-серверах), такое уничтожение цифровых следов, если и возможно, то крайне затруднено, так как помимо многократного резервирования цифровых данных существует множество технологий восстановления компьютерной информации на различных носителях. Важно понимать, что на современном этапе процесс совершения практически всех видов преступлений, не говоря уже о так называемых компьютерных преступлениях, так или иначе связан с использованием цифровых технологий (мобильные телефоны, компьютеры, интернет-ресурсы и т. д.). Этот факт позволяет говорить о том, что компьютерно-технические экспертизы уже можно отнести к традиционным экспертным исследованиям, назначаемым в ходе расследования преступлений, например, таким как судебно-медицинская или трасологическая экспертиза. Необходимость поиска, обнаружения, фиксации и изъятия цифровых (кибер) следов преступления и их исследования в рамках компьютерно-технической экспертизы легла в основу развития такого направления, как цифровая криминалистика (форензика, киберкриминалистика).

[202] 24-летний студент начал войну против Facebook // URL: https://habr.com/ru/articles/130782 (дата обращения: 11.12.2025).

Исходя из этого, с позиции современности для уголовного судопроизводства цифровой мир (киберсреда), наравне с физическим реальным миром, является источником доказательственной информации, добываемой с помощью криминалистических технологий в ходе исследования больших массивов цифровых данных.

Количество (объем) и скорость генерации такого потока цифровых данных, формализованных для обработки компьютерными системами, требует создания систем управления высокого уровня автоматизации, т.е. систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), которые, с некоторым допущением, можно назвать имитацией естественного интеллекта (далее – ЕИ) человека[203].

Системы ИИ в совокупности создают предпосылки для осуществления управления в реальном масштабе времени процессами, например, управление транспортом, деятельность в интернете, цифровой банкинг и прочее, с возможностью их принудительного ограничения (отключения) в случае распознавания противоправной деятельности.

По сути, цифровизацию можно рассматривать как уменьшение субъективности в процессах управления, в том смысле, что человек по сравнению с высокоавтоматизированной системой управления в большей степени склонен допускать ошибки и неточности. В данном случае, юриспруденция и право, как социальный инструмент управления, не является исключением.

К одному из активно развивающихся направлений автоматизации в юридической сфере, как в России, так и за рубежом, следует отнести так называемое электронное судопроизводство[204] (электронное правосудие), под которым «понимаются способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»[205].

В России формат электронного правосудия в деятельности федеральных судов общей юрисдикции реализуется через Государственную автоматизированную систему (ГАС) «Правосудие». Данная автоматизированная система, преимущественно решает задачи цифрового документооборота и обмена информации. Следует сказать, что это только начало процесса, который можно охарактеризовать как этап накопления больших данных для последующего создания и обучения ИИ, специализированного в области уголовного судопроизводства. Конечно же, в ближайшем будущем такой ИИ не будет выносить приговор вместо судьи, но будет выполнять роль его когнитивного помощника, осуществляющего экспертную поддержку в реальном масштабе времени в процессе принятия решений.

---

[203] См.: Холопов А. В. О некоторых проблемах реализации естественного и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / А. В. Холопов // Юридическая наука. 2024. № 12. С. 324–330.

[204] См.: Елкина Н. Я., Хропина О. А., Тимощук О. Е. Зарубежный опыт электронного судопроизводства // Криминалистъ. 2025. № 3(52). С. 113–122.

[205] Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации" (утв. приказом Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2015 № 67-П).

Примером использования специализированных систем ИИ в прокурорской и судебной деятельности является правоприменительная практика Шанхайского народного суда Китайской Народной Республики, в которой осуществлена разработка и внедрение «прокурора на основе искусственного интеллекта, который может предъявить обвинение с точностью 97 процентов на основе устного описания судебного дела. Для подготовки ИИ к судопроизводству было использовано 17 тысяч дел, рассмотренных в период 2015-2020 годов. (…) Предполагается, что "цифровой прокурор" поможет снизить нагрузку на живых прокуроров, а в некоторых случаях - даже заменить обвинителей на процессе. (…) Кроме того, в Китае с 2018 года проходят эксперименты по использованию "цифровых судей", которые также призваны снизить нагрузку на человеческий персонал, избавив его от текучки»[206].

Если говорить о досудебных стадиях уголовного судопроизводства, то также можно наблюдать тенденцию к решению теоретических и практических проблем автоматизации процесса расследования преступлений[207], а также использования систем ИИ в судебно-следственной и экспертно-криминалистической практике[208].

В этой связи, позволим себе некоторый футурологический анализ, заключающийся в возможности создания систем ИИ в уголовном судопроизводстве, осуществляющих правосудие в стиле или, вернее, по технологии «Судья Дредд» (Judge Dredd – американский научно-фантастический фильм, 1995 г.). По нашему мнению, то, что показано в данном, подчеркнём, научно-фантастическом фильме, в ближайшее время вполне осуществимо. Процессы тотальной цифровизации и цифровой прозрачности в социуме, а также правовой датаизм (от англ. Data, т.е. представление любого явления в виде потока данных) можно рассматривать как технологические предпосылки к возможности создания цифровой системы ИИ в уголовном судопроизводстве, объединяющей функции следователя, прокурора и судьи. Отражённая в цифровом пространстве жизнедеятельность индивида, представленная в виде большого массива данных, позволяет рассматривать предварительное расследование преступления и его судебное разбирательство как процессы обработки цифровых данных, для осуществления которых необ-

---

[206] Шанхайский народный суд разработал прокурора на основе ИИ // URL: https://rg.ru/2021/12/27/shanhajskij-narodnyj-sud-razrabotal-prokurora-na-osnove-ii.html (дата обращения: 11.12.2025).

[207] См.: Холопов А. В. Автоматизированная система управления расследованием преступлений: проблемы создания и перспективы / А. В. Холопов // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 1. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 159–165.

[208] См.: Бахтеев Д. В. О связи криминалистики и технологии искусственного интеллекта // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. №1 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-svyazi-kriminalistiki-i-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 11.12.2025).

ходимы соответствующие информационно-аналитические и вычислительные мощности. С помощью суперкомпьютерных вычислительных систем и специализированной программы ИИ для расследования и правосудия возможно практически мгновенно выявлять признаки преступления, выполнять поиск, обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование его всевозможных следов, и на этой основе осуществлять предварительное расследование, судебное разбирательство и, возможно, сразу реализовывать определённые виды наказания, например, штраф или ограничивать персонифицированный доступ к определённым цифровым ресурсам.

Конечно же, всё вышеприведённое покажется современному юристу, служащему в сфере уголовного судопроизводства, непривычным и странным, но тем не менее, можно констатировать, что процесс цифровизации в правосудии можно рассматривать как вектор развития или начало движения в направлении цифрового (кибер) правосудия, выносящего быстрый и бескомпромиссный приговор с практически мгновенным исполнением наказания.

В качестве иллюстрации считаем возможным привести пример исследований и использования систем ИИ в военных целях, самостоятельно принимающих решение об уничтожении цели[209].

Уголовное судопроизводство и процесс осуществления правосудия в целом, с психологической точки зрения, воспринимается человеком как долгий, растянутый во времени процесс познания преступления, в котором временная протяженность обуславливается, во многом, субъективностью (необходимостью достижения объективности), когнитивными способностями субъекта познания и организационно-управленческими проблемами. Познание человеком чего-либо, в том числе преступления, является процессом длительным. В этом смысле, быстрое и почти мгновенное осуществление уголовного судопроизводства в стиле «судья Дредд» исключает процесс его отражения в сознании индивида как субъекта познания преступления, к которому также относится и преступник. Такое познание преступления человеком требует времени, а в случае его отсутствия или недостатка, считаем закономерным возникновение психологического ощущения недоверия к вынесенному решению, что формирует в сознании индивида вопрос о легитимности правосудия, являющемся одним из важнейших элементов воспитательной функции права. Хотя, учитывая развивающийся процесс всеобъемлющей цифровизации, в условиях которой происходит формирование и развитие личности человека, такое правосудие в стиле «судья Дредд» может быть воспринято индивидом, не мыслящим существование за пределами цифровой среды, как нормальная технология управления и обеспечения безопасности.

Таким образом, процесс цифровизации с точки зрения тотальности и прозрачности цифрового пространства (среды) и связанные с этим увели-

[209] Впервые в истории боевой робот убил человека по собственной инициативе. // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-05-31_vpervye_v_istorii_boevoj (дата обращения: 11.12.2025).

чение скорости и объёма генерации больших данных, а также рост вычислительных и информационно-аналитических ресурсов систем ИИ, практически закономерно создают условия и предпосылки, способствующие существенным изменениям в уголовном судопроизводстве. Технологически осуществление такого цифрового правосудия системой ИИ возможно уже в настоящее время, и в этом смысле остаётся решить теоретические вопросы в области права, философии, психологии и антропологии.

В этой связи, по нашему мнению, пути развития уголовного судопроизводства как процесса познания преступления в условиях цифровизации видятся в следующих вариантах: 1) человек является субъектом принятия решений, а цифровая система информационно-аналитически обеспечивает его познавательную деятельность; 2) роль человека как субъекта принятия решений сводится к верификации решений, принятых системой ИИ; 3) в силу сложности, объёма и скорости обработки информации человек исключается из процесса познания и принятия решения в пользу системы ИИ.

В заключение отметим, что данные возможные пути развития, с точки зрения научно-технического прогресса, также можно рассматривать как этапы процесса цифровизации уголовного судопроизводства.

Е. Г. ШАДРИНА

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Нормативные положения УПК РФ характеризуют суд с участием присяжных заседателей как особую дифференцированную форму уголовного судопроизводства, структурной особенностью которой выступает разграничение процессуальных полномочий между двумя автономными субъектами правоприменения – коллегией присяжных заседателей и профессиональным судьей. Сущность рассматриваемого института заключается в том, что разрешение центрального вопроса уголовного судопроизводства – о виновности или невиновности подсудимого – становится исключительной прерогативой народных представителей.

В соответствии со статьей 324 УПК РФ производство в суде с участием присяжных заседателей осуществляется на основе общих правил судопроизводства, установленных для судов первой инстанции, с применением специальных процессуальных норм, содержащихся в разделе XII УПК РФ. Указанный раздел регламентирует специфику всех этапов судебного разбирательства: от предварительного слушания с разрешением вопроса о рассмотрении дела судом присяжных до вынесения вердикта и постановления приговора.

Законодатель установил единый процессуальный порядок судебного разбирательства с участием присяжных заседателей как для районных судов, так и для судов субъектов Российской Федерации. Процедурные различия между указанными судебными инстанциями обусловлены исключительно количественным составом коллегии.

Судебное следствие с участием присяжных имеет кардинальные отличия от общего порядка судопроизводства. Эти отличия обусловлены главной задачей – оградить непрофессионалов от воздействия информации, не имеющей доказательственного значения.[210]

Процедурные особенности процесса доказывания государственным обвинителем обвинения обусловлены не только нормами уголовно-процессуального законодательства, но и актами судебного толкования, издаваемые высшими судебными органами, в частности постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей». Особое место в формировании правовой доктрины института присяжных заседателей занимают правовые позиции Конституционного Суда РФ. И нельзя оставить без внимания Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», в котором впервые обращено внимание на выдачу поручений по поддержанию государственного обвинения в рассматриваемом судопроизводстве прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приказы Генеральной прокуратуры РФ наряду с нормами Конституции Российской Федерации и УПК РФ, формируют комплексную систему процессуальных полномочий государственного обвинителя по доказыванию обвинения в суде с участием присяжных заседателей на основе фундаментальных принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве.

При исследовании вопроса доказывания обвинения в суде с участием присяжных заседателей, необходимо отметить, что обязательным для государственного обвинителя является соблюдение двух основных правил: ограничение предмета доказывания и исследование допустимости доказательств в отсутствие присяжных заседателей.

Судебное следствие в суде присяжных ограничивается исследованием обстоятельств, необходимых для установления виновности подсудимого. Законодатель установил запрет на исследование в присутствии присяжных обстоятельств, способных вызвать у них предубеждение: данных о прежней судимости, признании хроническим алкоголиком или наркоманом, иных

[210]Лебедев В. М. Уголовно-процессуальное право: учебник; под общей редакцией Лебедева В. М. Москва: Норма: ИНФРА–М, 2025. 936 с.

сведений о личности, не связанных непосредственно с квалификацией преступления. Такой подход законодателя обеспечивает объективную оценку доказательств по делу присяжными. При этом, Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях неизменно подчеркивает недопустимость необоснованного ограничения права на защиту и предмета доказывания. Гарантирование подсудимому возможности опровергать обвинение, а коллегии присяжных заседателей – права на всестороннее исследование обстоятельств дела и доказательств по делу обеспечивает действие базовых принципов уголовного процесса: презумпции невиновности, состязательности, равноправия сторон уголовного судопроизводства, судейской независимости и беспристрастности суда[211]. В определении от 21.07.2022 № 2035-О Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что фактические обстоятельства совершения преступного деяния подсудимым, инкорпорированные в предмет обвинения, не могут быть экстраполированы за рамки судебного разбирательства и исключены из юрисдикции присяжных заседателей с учетом их полномочий, регламентированных статьей 334 УПК РФ[212].

В соответствии с ч. 5 ст. 335 УПК РФ ходатайства об исключении доказательства разрешаются председательствующим судьей единолично в закрытом судебном заседании после удаления коллегии присяжных из зала суда. Данная процедура имеет фундаментальное значение и служит гарантией права подсудимого на справедливое судебное разбирательство. Исследование перед присяжными обстоятельств, связанных с получением доказательств с нарушением закона, способно не только поставить под сомнение достоверность их выводов, но и оказать на них неправомерное психологическое воздействие, побуждая к осуждению подсудимого на основании не проверенных в порядке состязательности сведений[213].

---

[211]Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2634-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерохина Игоря Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» : официальный сайт. Москва, 1992–. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=650328&cacheid=EC8067A37D3D4287D88705B6DCE63CE8&mode=splus&rnd=bKtrfg (дата обращения: 20.11.2025). Режим доступа: ограниченный.

[212]Определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 2035-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борисова Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 и частью первой статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: официальный сайт. Москва, 1992. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=728042&cacheid=BEE2844EB41E82F9D216DD2742C8F082&mode=splus&rnd=bKtrfg (дата обращения: 20.11.2025). Режим доступа: ограниченный.

[213]Определение Кассационной палаты Верховного Суда РФ от 14.07.1999 «Исследование недопустимых доказательств судом с участием присяжных заседателей признано существенным нарушением закона, повлекшим отмену приговора» // Гарант: справочно-правовая система. Москва, 1994–. URL: https://base.garant.ru/1352122/ (дата обращения: 12.11.2025). Режим доступа: ограниченный; Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2025 № 66-УДП24-24СП-А5 // Консультант Плюс: официальный сайт. Москва, 1992. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846849 (дата обращения: 20.11.2025). Режим доступа: ограниченный.

Выявление проблем процессуального доказывания обвинения в суде с участием присяжных невозможно без использования эмпирической основы. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, стабильно высоким является показатель отмены оправдательных приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей. Так, в 2022 году судами апелляционной инстанции отменено 243 оправдательных приговора, что составляет 64 % от общего числа оправдательных приговоров; в 2023 году – 258 (72 %), в 2024 году – 189 (65 %). Таким образом, в среднем два из трех оправдательных приговоров подлежат отмене в апелляционном порядке. При этом удельный вес отмененных обвинительных приговоров значительно ниже: 141 приговор в 2022 году (14 %), 128 – в 2023 году (14 %) и 96 – в 2024 году (12 %)[214].

Динамика количественных показателей на уровне субъектов Российской Федерации не во всех случаях коррелирует с общероссийской динамикой. В частности, судами Ленинградской области в 2022 году было постановлено 8 оправдательных приговоров, каждый из которых был обжалован. В 2023 году судом апелляционной инстанции отменено 5 из них (63 %). В 2024 году отменен 1 оправдательный приговор, постановленный в 2023 году, что составляет 11 % от общего числа реабилитирующих судебных решений. В суде кассационной инстанции в период 2022–2024 гг. приговоры не отменялись. При этом, обвинительные приговоры в период 2022–2024 гг. на территории Ленинградской области не отменялись.

В чем причины постановления оправдательных приговоров, влекущих впоследствии их отмену вышестоящим судом? Связано ли данная статистика с ненадлежащей работой государственного обвинителя?

Если рассуждать об оправдательных приговорах в суде с участием присяжных заседателей, то, как показывает судебная практика, основная причина их постановления заключается не в невиновности обвиняемого, а неполнота и недостатки предварительного расследования, неустранимые в ходе судебного разбирательства, даже при поддержании обвинения грамотным и профессиональным государственным обвинителем. Нередко такой причиной становятся нарушения установленной законом процедуры судопроизводства, допущенные самим председательствующим ввиду недостаточного опыта рассмотрения данной категории уголовных дел.

Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 16 мая 2023 г. отменен оправдательный приговор Выборгского городского суда Ленинградской области от 21 октября 2022 г., в соответствии с которым вердиктом присяжных заседателей Б. оправдан ввиду отсутствия события преступления. Суд признал обоснованными доводы апелляционного представления о допущенных судом при рассмотрении дела нарушениях норм уголовно-процессуального закона[215].

---

[214]Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт [электронный ресурс]. Москва, 2008. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 20.11.2025). Режим доступа: свободный.

[215]Ленинградский областной суд // Официальный сайт. [электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2018. URL: https://oblsud.lo.sudrf.ru (дата обращения: 20.11.2025). Режим доступа: свободный.

На этапе судебного следствия председательствующий осуществил процессуально недопустимое прерывание государственного обвинителя при представлении им экспертного заключения криминалистического характера, что повлекло ущемление процессуальных гарантий стороны обвинения. Вместе с тем председательствующий, обратив внимание присяжных на условную формулировку экспертных выводов («вероятно»), рекомендовал членам коллегии не учитывать предположительный характер экспертного мнения. Указанные действия свидетельствуют о нарушении судом процессуальных особенностей рассмотрения уголовного дела при участии присяжных, поскольку председательствующий в присутствии коллегии без предварительного обсуждения со сторонами производства разрешил вопрос о допустимости доказательства, изложив собственную оценку в отношении надежности экспертного заключения как источника доказательств. Между тем согласно части 6 статьи 335 УПК РФ разрешение вопросов процессуального характера в присутствии присяжных заседателей не допускается.

Однако, в судебной практике достаточно примеров отмены оправдательных приговоров вследствие поверхностного ознакомления государственных обвинителей с совокупностью доказательств по уголовному делу, что обусловливает их неготовность к опровержению альтернативных версий, выдвигаемых стороной защиты в ходе судебного следствия, а также показаний допрашиваемых лиц, которые противоречат ранее изложенным в протоколах следственных действий.

Так, приговором Выборгского городского суда Ленинградской области от 23 ноября 2023 г. Ш. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Согласно предъявленному обвинению, Ш. в ходе совместного распития спиртных напитков с потерпевшим умышленно нанес последнему ножом не менее 4 ударов в область живота, после чего вывез жертву в бессознательном состоянии на участок болотистой местности, где также нанес ножом не менее 3 ударов в область спины. От полученных повреждений потерпевший скончался. С целью сокрытия преступления Ш. сбросил тело в болото[216].

Государственным обвинителем в подтверждение вины Ш. представлены показания сестры очевидца о ставших ей известными от Г. обстоятельствах совершения преступления Ш. и Г., который помогал сокрыть труп. Об аналогичной осведомленности о совершении Ш. преступления (со слов очевидца Г.) сообщили в ходе допросов свидетели – мать Г. и ее супруг. Однако, будучи вызванными государственным обвинителем в судебное заседание для допроса, они сообщили иные, противоречащие показания, в том числе о том, что о причастности Ш. к совершению преступления им стало известно после просмотра видеоролика с участием Г., опубликованного в социальной сети, при этом уже оглашенные показания они не подтвердили. Указанные обстоятельства подорвали доверие присяжных к версии стороны обвинения и ее доказательствам.

[216]Выборгский городской суд Ленинградской области // Официальный сайт Выборгского городского суда Ленинградской области. URL: https://vyborgsky.lo.sudrf.ru (дата обращения: 20.11.2025). Режим доступа: свободный.

Анализ научной литературы и материалов судебной практики позволил выявить достаточно большой комплекс проблем функционирования суда с участием присяжных заседателей (внепроцессуальное воздействие на обвиняемого, формирование коллегии присяжных заседателей ввиду недостаточной явки кандидатов, тенденциозность коллегии присяжных и др.), однако мы подвергнем анализу лишь некоторые из них, связанные с доказыванием обвинения.

Одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем доказывания обвинения является определение его пределов. В практике Верховного Суда Российской Федерации длительное время проявляется устойчивая тенденция к жесткому разграничению вопросов права и факта[217]. Присяжные выступают в качестве судей факта. Их основная функция состоит в объективной оценке представленных доказательств и формировании убеждения о виновности. Однако пределы доказывания здесь отличаются от традиционных подходов. Присяжные не исследуют всю совокупность доказательств, необходимых и достаточных для установления обстоятельств, образующих предмет доказывания. Некоторые категории доказательств исключаются, поскольку могут повлиять на объективность их решений.[218]

С. В. Власова и С. А. Любин исследовали вопрос о том, какая именно информация способна вызвать предубеждение у присяжных, и справедливо отметили, что определенные сведения о личности подсудимого неизбежно становятся известны присяжным в ходе исследования доказательств. Например, показания свидетелей об образе жизни и поведении подсудимого неминуемо содержат информацию о характере и личностных качествах[219].

Так, в деле об убийстве супруга подсудимого засвидетельствовала подготовку им вооружения накануне поездки в лесной массив и отсутствие потребления алкогольных напитков, сделав замечание о том, что у ее мужа нет склонности к систематическому злоупотреблению спиртными напитками. Эта информация о личности подсудимого являлась недопустимой при присяжных заседателях, так как могла повлиять на их мнение. Председательствующий судья сделал замечание свидетелю, объяснил присяжным, что данные сведения не должны приниматься во внимание. Однако этот прецедент демонстрирует практическую сложность разграничения между допустимыми фактическими обстоятельствами и недопустимой информацией о личности[220].

Как справедливо отмечают А. Е. Федюнин и Н. М. Перетятько, механизм, предусмотренный ч. 5 ст. 292 УПК РФ, когда председательствующий останавливает участника процесса и разъясняет присяжным необходимость

---

[217]Масленникова Л. Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве; под ред. Масленниковой Л. Н. Москва: Норма: ИНФРА–М, 2023. 448 с.

[218]Аменицкая Н. А., Урняева Г. Ю. Суд присяжных: проблемы производства в российском уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219). С. 203–205.

[219]Власова С. В., Лубин С. А. К вопросу о том, что может вызывать предубеждение присяжных в отношении подсудимого // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 499–501.

[220]Лыгин А. С., Пачурин Д. В. Некоторые реалии судебной практики Некоторые реалии судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Аграрное и земельное право. 2024. № 6 (234). С. 217–219.

не учитывать недопустимую информацию, является неэффективным. Высказанное мнение неизменно оставляет отпечаток в сознании присяжных, а сторона, соблюдающая юридические нормы, оказывается в менее выгодном положении[221].

Эту же проблему описывают в своих научных трудах Т. П. Бутенко и М. Г. Петров. В ходе анализа судебной практики они приходят к выводу о том, что суды часто применяют ч. 7–8 ст. 335 УПК РФ чрезмерно формально и жестко. В результате происходит необоснованное ограничение прав сторон на представление релевантной информации. В некоторых случаях суды пытаются запретить показания свидетелей об образе жизни подсудимого, его поведении и привычках, что нарушает принцип состязательности[222].

Следовательно, совокупность норм, регулирующих допустимость доказательств (статьи 335, 339 УПК РФ), создает классическое противоречие между двумя правовыми ценностями: необходимостью защиты присяжных от предубеждений, с одной стороны, и необходимостью обеспечения полноты судебного разбирательства и состязательности процесса, с другой.

В этом контексте актуальны рекомендации С. В. Власовой и С. А. Любина по разработке четких критериев отграничения допустимой информации о личности подсудимого от информации, объективно способной вызывать предубеждение[223].

Т. П. Бутенко и М. Г. Петров предлагают следующим образом расширить применение критерия разумности при толковании чч. 7–8 ст. 335 УПК РФ: «…сведения о личности подсудимого должны быть исследованы, если их исключение создаст искаженное понимание обстоятельств дела»[224].

Интересно, что А. О. Машовец и Д. С. Иванов еще в 2021 году акцентировала внимание на неопределенности и расплывчатости формулировки нормы, запрещающей исследование «иной информации, способной вызвать предубеждение», которая в практике позволяет судье произвольно сужать предмет доказывания. Профессор высказывала обоснованное мнение о допустимости включения в пределы доказывания вопросов о степени вины, обстоятельствах, освобождающих от ответственности, а также о личности подсудимого[225].

С учетом изложенного, предлагается ч. 8 ст. 335 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого не подлежат оглашению в их присутствии и не могут быть исследованы с их

---

[221]Федюнин А. Е., Перетятько Н. М. Некоторые организационные и правовые проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей в контексте современной уголовно-процессуальной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 252–261.

[222]Бутенко Т. В., Петров М. Г. Особенности доведения доказательственной информации до сведения присяжных заседателей // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 118–124.

[223] Власова С. В., Лубин С. А. Указ.соч. С. 499–501.

[224]Бутенко Т. В., Петров М. Г. Указ.соч. С. 122–123.

[225]Машовец А. О., Иванов Д. С. Особенности оценки доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Вестник ЮУрГУ. 2021. Том 21. № 1. С. 30–36.

участием, за исключением случаев, когда исключение таких сведений приведет к искажению представления о ключевых обстоятельствах дела. Вопрос о допустимости оглашения или исследования спорных сведений о личности подсудимого рассматривается судьей в отдельном судебном заседании без участия присяжных с обязательным заслушиванием мнения сторон».

При доказывании обвинения с учетом специфики присяжных заседателей как судей факта, государственному обвинителю, несомненно, необходимо использовать технические средства визуализации информации. Как справедливо отмечает М. А. Спасов, в современной судебной практике сложилась неоднозначная ситуация, характеризующаяся процессуальным диссонансом. С одной стороны, суды первой инстанции нередко запрещают государственному обвинителю использовать технические средства визуализации при изложении своей процессуальной позиции, мотивируя такие решения отсутствием прямого нормативного основания в процессуальном законодательстве. С другой стороны, кассационные инстанции систематически квалифицируют указанные ограничения как нарушение конституционно гарантированных процессуальных прав прокурора[226].

Актуальность применения технологий определяется спецификой деятельности государственного обвинителя, который неизбежно сталкивается с объективными затруднениями при процессуальном описании особо сложных обстоятельств дела. Показательным примером является судопроизводство по делам об убийстве, где необходимо надлежащее описание характера, локализации и механизма возникновения телесных повреждений, причиненных потерпевшему, при одновременном соблюдении баланса между убедительностью изложения и психологической защитой присяжных от излишнего эмоционального воздействия. Чрезмерно детальное описание создаёт риск психологического шока, тогда как недостаточно аргументированное представление информации снижает ее убедительность[227].

В современном контексте, когда большинство населения привыкло к «клиповому мышлению», использование средств визуализации приобретает особое значение. Но одновременно это порождает риск эмоционального манипулирования присяжными. И если М. А. Спасов предлагает в этой части дополнить нормы ст. 292 УПК РФ, то мы считаем, что подлежит дополнению ст. 244 УПК РФ «Равенство прав сторон», а именно словами: «…представление доказательств, в том числе с использованием средств визуализации …», закрепив в ст. 336 УПК РФ право председательствующего ограничить их использование, если это может вызвать предубеждение присяжных.

В данном контексте заслуживает поддержки предложение И. П. Пелисовой активно использовать технологии виртуальной реальности при поддержании государственного обвинения и разработать методические рекомендации по их использованию, включая требования к их информативности

[226]Спасов М. А. Проблемные аспекты использования государственным обвинителем средств визуализации в прениях сторон по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 71–77.

[227]Спасов М. А. Особенности выступления государственного обвинителя с вступительным заявлением по уголовным делам об убийствах, рассматриваемым в судах с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 86–92.

и нейтральности. Применение технологий, по ее мнению, позволило бы более наглядно и точно воспроизводить криминальные события, минимизируя риск ошибок.[228] Огромный вклад в данном направлении вносят научные труды А. В. Холопова, в частности, его предложение об использовании 3D-моделирования события преступления как «средство проявления событий в присяжных знаниях в области криминалистики, обеспечивающее познание преступлений»[229].

Государственные обвинители, поддерживающие обвинение в суде с участием присяжных заседателей, отмечают, что процесс взаимодействия с присяжными отличается высокой эмоциональной напряженностью, учитывая общее предубеждение общества к стороне обвинения. В связи с этим актуально проведенное Н. В. Кулик и А. Д. Ким исследование значимости медийной активности государственного обвинителя при рассмотрении уголовных дел судом присяжных. Авторы отмечают, что при поддержании обвинения особенно важно учитывать человеческий фактор и приходят к выводу, что внешний образ обвинителя должен подкрепляться глубоко обоснованным внутренним убеждением в правомерности его слов, действий и решений.[230]

Выявленные проблемы поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей, как показывает судебная практика отмены оправдательных приговоров, связаны в большей части не с недостатками правового регулирования, а с профессионализмом самого государственного обвинителя и необходимостью использования современных технологий в процессе доказывания. Поэтому назрела необходимость принятия отдельного приказа, регулирующего деятельность государственного обвинителя по поддержанию обвинения в суде с участием присяжных заседателей, в котором найдут разрешение процессуальные и тактические аспекты рассматриваемой деятельности с учетом современных технологий.

[228]Пелисова И. П. Применение виртуальной реальности при поддержании государственного обвинения в суде присяжных // Право и государство: теория и практика. 2024. № 41 (49229). С. 213–215.

[229] Холопов А. В. 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // КриминалистЪ. 2023. № 3(44). С. 84-90.

[230]Кулик Н. В., Ким А. Д. К вопросу о медийной активности государственного обвинителя при рассмотрении уголовных дел судом присяжных // Право. 2025. № 2. С. 160–166.

УДК 343.34

С. В. ЦЕДРИК

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ФАКТОВ ОКАЗАНИЯ ОПАСНЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВАМ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

Материалы и методы: Нормативную базу исследования составляют уголовное законодательство – Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), уголовно-процессуальное законодательство – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), административное законодательство – Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), судебный акт толкования норм права – Постановление Пленума Верховного суда от 25 июня 2019 года №18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Методологическую основу работы составляют частнонаучные и общенаучные методы познания, в том числе системность и формально-юридический метод, метод наблюдения.

Результаты исследования:

Автором приведены актуальные вопросы проведения первичных следственных действий в рамках проверки сообщения о преступлении об оказании опасных услуг с применением воздушного транспорта, объективной оценки правоприменителем обстановки на месте происшествия, обозначена необходимость совершенствования данной работы.

Выводы и заключения: обозначенные в статье рекомендации будут способствовать более качественному проведению первичных следственных действий, первичной фиксации признаков преступления.

Введение: лицо, оказывающее заведомо незаконные (небезопасные) туристические и экскурсионные услуги с использованием легкой и сверхлегкой авиации, кроме учета технической, логистической, организационной составляющих стремится обеспечить определенную скрытность такой деятельности и уход из поля зрения провоохранителя.

Субъект стремится придать такой деятельности вид законной, нередко скрыв от потенциального приобретателя услуги проблемы и недостатки в обеспечении безопасности полета. С целью ухода от взора правоохранительных и контролирующих органов применяются такие приемы как сокрытие туристических маршрутов, использование мессенджеров и скрытых аккаунтов, для опровержения факта возмездности услуги применяется расчет электронными каналами на карты подставных лиц, использование подлож-

ной документации, вылет по маршруту из определенных, ранее оговоренных локаций, как-правило труднодоступных для правоохранителей и иные способы[231].

Поэтому, осуществляя выявление, фиксацию и противодействие данному виду правонарушений подготовленный правоохранитель должен обладать особыми навыками и знаниями, иметь четкие представления о предмете доказывания и способах сбора и закрепления доказательств.

Основная часть:

Уголовным законодательством России установлена ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (ст. 238 УК РФ)[232]. Санкция ч. 2 данной статьи закона, в том числе в случае причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека либо его смерть, предусматривает максимальное наказание в виде шести лет лишения свободы.

Как верно отмечено Е. А. Миллеровой, здоровье населения является одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны [1]. Однако нередко погоня за прибылью с пренебрежительным отношением к требованиям безопасности приводит к негативным и порой трагическим последствиям.

Практика деятельности правоохранительных органов свидетельствует о том, что чаще всего встречаются факты регистрации сообщения об уже совершенных событиях с воздушным транспортом с наступлением вреда здоровью либо смерти пассажиров.

Нельзя не согласиться с мнением Грибунова О. П. и Малыхиной Е. А. о том, что процесс расследования преступлений зависит от целого ряда факторов, в который, безусловно, помимо качественного применения научно-технических методов входит определенный уровень умений и навыков следователей, оперативных работников, сотрудников экспертных учреждений [2].

Получив первичные сведения о произошедшем авиационном событии, лицу, проводящему проверку, в первую очередь необходимо обозначить цели и тактику проведения отдельных, в том числе неотложных следственных действий, в том числе определиться с предварительной квалификацией содеянного.

Вне зависимости от предмета доказывания основополагающим для любой проверки сообщения о преступлении следственным действием является осмотр места происшествия, целью которого в соответствии с ч. 1 ст. 176

---

[231] Указанные выводы сделаны на основании мониторинга правоприменительной практики при осуществлении прокурорского надзора в должности Байкало-Ангарского транспортного прокурора Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры в период 2021–2024 гг.

[232] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультатнтПлюс : сайт. URL:https//www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.11.2025).

УПК РФ[233] является обнаружение следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Осмотр места происшествия о событии с воздушным транспортом, по нашему мнению, целесообразно разделить на несколько составляющих:

1) осмотр потерпевших, погибших либо лиц, жизни и здоровью которых причинен вред.

Исходя из предполагаемой причины наступления смерти и вреда здоровью необходимо фиксировать положение трупа (потерпевшего) и имеющиеся телесные повреждения и чужеродные объекты в теле пострадавшего. Положение потерпевшего относительно источника причинения вреда. В случаях наличия данных о перемещении потерпевшего, необходимо детально воссоздать первоначальную картину произошедшего.

2) непосредственный осмотр воздушного судна.

Стоил ли говорить, что это важнейшая составляющая осмотра, позволяющая установить причинную связь между действием (бездействием) субъекта преступления и наступившими негативным последствиями. Как правило при производстве указанного следственного действия необходимо участие специалистов, обладающих узкими познаниями. Однако, когда такое присутствие невозможно обеспечить, лицу, проводящему проверку, необходимо принять исчерпывающие меры к фиксации и изъятию следов, предметов и механизмов.

К таким факторам, подлежащим тщательной фиксации, в первую очередь должны относиться:

– дефекты корпуса судна, авионики воздушного транспортного средства;

– работоспособность двигателя, шасси и иных агрегатов судна, приводящих его в движение, механизмов управления;

– наличие и исправность приборов навигации, бортовой инженерии и средств, фиксирующих алгоритм управления судном и переговоры экипажа.

Проводя общий осмотр воздушного судна, целесообразно применять деление на сектора, такие как корпус, моторный отсек, шасси и т.д.

Наиболее тщательно необходимо осматривать воздушное судно и угрожающие факторы в условиях, когда труп потерпевшего не обнаружен, но есть основания полагать, что наступила смерть.

3) фиксация внешних условий.

К таким немаловажным факторам относятся погодные условия, температура воздуха, направление и сила ветра, предельные и минимальные возможные высоты полета судна, его положение в пространстве как при начале развития внештатной ситуации, так и в ходе всего ее течения. Нередко ра-

[233] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : ред. от 20 марта 2025 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https//www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.11.2025).

ботники правоохранительных органов пренебрегают отражением в протоколе осмотра места происшествия природных факторов, однако, с точки зрения последующего установления формы вины и отношения субъекта к содеянному, они могут иметь определяющее значение.

По нашему мнению, не бесспорным является утверждение Мерецкого Н. Е. о том, что применительно к услугам, не отвечающим требованиям безопасности жизни или здоровья, связанным с транспортными средствами, оценить реальность опасности возможно только в случае наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда или смерти [3], поскольку капитан воздушного судна, осуществляя вылет с пассажирами на воздушном судне, не имеющем сертификата летной годности, с некомплектом пожарно-спасательных средств на борту, с неисправностями двигателя и авионики в заведомых условиях плохой видимости, с превышением предельной взлетной массы судна, то его действия даже при отсутствии опасных последствий могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Как отмечает Степаненко Д. А., лицо, участвующее в договорных отношениях с потерпевшим субъектом, может и добросовестно заблуждаться относительно качества продукции и услуг, считать их качественными [4]. Но именно совокупность вышеописанных опасных факторов, выявленных и зафиксированных следователем, будет свидетельствовать о сознательном поведении субъекта, рискующего жизнями и здоровьем людей, оказывая такого рода услуги.

Кроме того, необходимо принять меры по локализации места происшествия и доставке воздушного судна либо его элементов в случае крушения, данные действия позволят провести повторный осмотр с участием специалистов.

Одним из важнейших элементов доказывания будет и факт возмездности оказанной услуги. Совершенно четко нужно понимать, если лицо осознает, что оказывало экскурсионные или иные услуги незаконно, то существует большая вероятность того, что субъект попытается умолчать об этом, в том числе скрыть факт оплаты услуги, и в этом случае при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, останется вести речь лишь об ответственности по ст. 109 УК РФ. Вместе с тем, санкции ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 238 Уголовного кодекса РФ не сопоставимы, в первом случае мы ведем речь о преступлении небольшой тяжести, в то время как во втором ответственность по специальной норме наступает за тяжкое преступление.

С учетом изложенного необходимо установить лиц, которые оплачивали услугу, суммы и способ оплаты. У пассажиров (потребителей услуги) при себе могут находиться скриншоты денежных переводов, переписка с перевозчиком в мессенджерах, копии договоров об оказании экскурсионных и иных услуг, билеты и иные доказательства оплаты.

Таким образом, от верной оценки и анализа ситуации на месте в значительной степени зависит итог процессуальной проверки и дальнейший про-

цесс доказывания в случаях возбуждения уголовного дела, а владение субъектом доказывания особыми навыками и знание специфики указанной незаконной деятельности позволят эффективно решать данные задачи.

Список использованной литературы

1. Миллерова Е. А. К вопросу об уголовно-правовой оценке по статье 238 Уголовного кодекса РФ фактов сбыта товаров и оказания услуг, противоречащих общественной нравственности / Е. А. Миллерова. EDN TLIWJP // Проблемы права. 2014. № 3(46). С. 139–141.

2. Грибунов О. П. Некоторые особенности расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта / О. П. Грибунов, Е. А. Малыхина // Актуальные проблемы права, экономики и управления (см. в книгах). 2016. № 12. С. 96–97.

3. Мерецкий Н. Е. Проблемы доказывания преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ / Н. Е. Мерецкий, В. Ф. Крючкова, Т. В. Осипова. EDN TVEPMT // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 3(52). С. 79–83.

4. Степаненко Д. А. Проблемы квалификации и определения предмета доказывания преступлений, связанных с реализацией товаров, выполнением работ или оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности / Д. А. Степаненко, Я. В. Гармышев. DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).266–273. EDN KGGOVI // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 2. С. 266–273.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

В. А. АБДУЛЛАЕВ

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **О. А. МАРТЫНОВА**

СИСТЕМА ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Правовое положение свидетелей в уголовном процессе России закреплено в статье 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)[234]. Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. По общему правилу для допроса в качестве свидетеля может быть вызвано любое лицо вне зависимости от пола, возраста, должностного положения, состояния здоровья и других обстоятельств. Часть 3 ст. 56 УПК РФ закрепляет 8 категорий лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, то есть не подлежащих допросу в качестве свидетеля.

Необходимо отметить, что статус свидетеля у лица появляется с момента вызова его для дачи показаний, которые он дает в рамках стадии предварительного расследования и на судебной стадии. Лицо, получившее процессуальный статус свидетеля, а, соответственно, и процессуальные права, должно соблюдать и возложенные на него законом процессуальные обязанности: неразглашение данных предварительного расследования; явка по вызовам дознавателя, следователя и суда; ответственность за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний.

Вследствие особого правового статуса, свидетель имеет право на применение мер защиты, предусмотренных УПК РФ, а также Федеральным законом РФ от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства»[235]. Среди имеющихся мер в УПК РФ можно отметить следующие: сохранение в тайне личности свидетеля (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); контроль и запись телефонных и иных переговоров для обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, близких лиц (ч.2 ст. 186 УПК РФ); предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного

[234] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. № 249. 2001.

[235] Федеральный закон РФ от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства» // Российская газета. №182. 2004.

разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ); допрос свидетеля с помощью системы видео-конференцсвязи (ст. 278.1 УПК РФ).

В 2023 году в рамках круглого стола «Проблемы обеспечения защиты свидетелей в рамках уголовного судопроизводства в РФ» выступил председатель подкомитета по административному праву Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству – А. Д. Башкин[236], который в ходе своего выступления подчеркнул, что действующее российское законодательство предусматривает хорошо разработанный комплекс мер государственной защиты свидетелей, потерпевших и иных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Это позволяет гражданам свободно свидетельствовать и сотрудничать со следствием, не беспокоясь о своей безопасности.

Однако, несмотря на важность свидетельских показаний в уголовном процессе, наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа желающих участвовать в качестве свидетелей. Это обусловлено опасениями за личную безопасность, здоровье и благополучие, а также за сохранность имущества.

Рассуждая об анонимности участия в уголовном дел, Л. В. Брусницын верно отмечает, что дача показаний под псевдонимом должна являться исключительной мерой безопасности, т. е., применяться в случае «серьёзной» угрозы жизни или свободы лица, обладающего «значимой» доказательственной информацией и заслуживающего «доверия»[237].

В свою очередь, И. В. Смолькова подчеркивает, что «включение индивида в уголовное судопроизводство не должно влечь снижение его безопасности» и справедливо полагает, что государство, возлагающее на свидетеля выполнение обязанностей, которые могут повлечь для него опасные последствия, обязано принять меры по обеспечению его безопасности.

Анализируя мнения правоприменителей, нельзя не упомянуть руководителя адвокатского бюро «А-ПРО» В. В. Волоха. По его словам, в ряде судов, особенно в небольших городах, отсутствует техническое оснащение для изменения голоса и отдельные помещения для анонимного допроса. Это вынуждает прибегать к нестандартным методам, чтобы сохранить конфиденциальность, не нарушая норм УПК РФ. Например, свидетелей могут привозить в суд на тонированных машинах, скрывая лица под масками и балахонами, допрос проводить в подвальных помещениях[238].

Порой проблемой становится и человеческий фактор. Так, по мнению управляющего партнера адвокатской конторы «Бородин и партнеры» –

---

[236] Башкин А. Д. Круглый стол «Проблемы обеспечения защиты свидетелей в рамках уголовного судопроизводства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://council.gov.ru/events/news/144381/.

[237] Асалханова, А. Р. Анонимность свидетеля в российском уголовном судопроизводстве / А. Р. Асалханова. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 19 (414). С. 232–235. URL: https://moluch.ru/archive/414/91333.

[238] Михайлова А. А. «Приподнять завесу тайны: как засекречивают участников уголовного процесса» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pravo.ru/story/202810/.

С. В. Бородина, при передаче объемного уголовного дела от одного следователя к другому происходит расширение круга лиц, обладающих информацией об анонимном источнике, что влечет за собой повышение вероятности утечки конфиденциальных сведений. В ряде случаев, суды, ссылаясь на технические сложности и специфику проведения допроса, отказываются от личного присутствия засекреченного лица, ограничиваясь оглашением показаний, зафиксированных в ходе предварительного расследования.

На мой взгляд, не стоит забывать, что все меры защиты действуют до тех пор, пока есть основания, выраженные в ряде процессуальных действий (постановление приговора, применение принудительных мер медицинского характера, вынесение постановления об освобождении от уголовной ответственности). Имеющаяся практика засекречивания свидетелей нередко противоречит целям правосудной деятельности.

Положения, изложенные в ч. 5 ст. 278 УПК, ставят сторону защиты в невыгодное положение по сравнению со стороной обвинения. При этом ст. 16 и 47 УПК РФ обязывают суд обеспечить подсудимому возможность беспрепятственного допроса любого лица, свидетельствующего против него в суде.

Частью 6 ст. 278 УПК РФ установлено, что в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств, суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями. В данном случае обоснованность ходатайства защиты о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, оценивает непосредственно судья, рассматривающий дело, который вправе (но не обязан) удовлетворять подобные ходатайства.

Правительство РФ в 2023 году вынесло постановление «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы». В пояснительной записке указано, что программа рассчитана на пятилетний период с 2024 по 2028 годы. В ней учтен опыт реализации Государственных программ обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы, 2009–2013 годы, 2014–2018 годы и 2019–2023 годы. Ежегодно в ходе расследования уголовных дел к участникам уголовного судопроизводства, выступающим в качестве потерпевших и свидетелей, применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них[239].

На эту проблему, также, обратил внимание зампред Комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Анатолий Выборный.

[239] Постановление Правительства Российской Федерации от 06.09.2023 г. № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.ru/docs/all/149560/.

По его словам, свидетели, потерпевшие или гражданские истцы в уголовных делах нередко полностью отказываются от своих показаний или меняют их, что существенно влияет на ход следствия.

Таким образом, институт свидетельских показаний является значимым и крайне эффективным механизмом в достижении целей уголовного судопроизводства, одной из которых выступает осуществление правосудия и восстановление социальной справедливости. В некоторых случаях личность свидетеля вызывает особый интерес у обвиняемого лица. Для этих целей УПК РФ и специализированный Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства» предусматривает различные способы для обеспечения безопасности личности свидетеля, его близких родственников и сохранности принадлежащего имущества.

Институт анонимного свидетеля сформировался более 20 лет назад, однако с трудностями и проблемами правоприменители сталкиваются и по сей день на разных стадиях уголовного судопроизводства. На мой взгляд, проанализировав нормативную базу и правоприменительную практику, институт анонимного свидетеля имеет достаточную правовую регламентацию и действенные механизмы защиты. Основные недостатки связаны с риском злоупотребления этим инструментом со стороны правоохранительных органов и низким доверием граждан к правосудной деятельности.

УДК 343.1

П. С. АНИСКОВИЧ,
Т.А. БАРШНИКОВА

научный руководитель
канд. юрид. наук, **Д. А. СЫЧЕВ**

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: МЕЖДУ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЬЮ И РЕАЛИЯМИ РОЗЫСКНОЙ МОДЕЛИ

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) декларирует, что принцип состязательности сторон реализуется на всех стадиях уголовного судопроизводства. Сторона обвинения и сторона защиты равны в процессуальных возможностях по отстаиванию своих прав и законных интересов[240]. Но действительно ли данный принцип способен реализоваться в реалиях российской уголовно-процессуальной системы?

[240] По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда от 04 ноября 2004 г. № 430-О : текст с изм. и доп. на 11 апр. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

До настоящего времени между учеными не утихают дискуссии о противоречии возможностей защитника в собирании доказательств состязательности уголовного судопроизводства. По мнению одних авторов, процессуальная самостоятельность адвоката-защитника по собиранию доказательств оказалась фикцией[241]. Другими считается справедливым, что доказательствами по уголовному делу могут являться только сведения, полученные властными участниками уголовного судопроизводства[242].

В доктрине выделяют три исторических типологии уголовного процесса: обвинительная (состязательная), инквизиционная (розыскная) и смешанная, включающая в себя черты первого и второго вида уголовного судопроизводства[243]. Состязательный тип (США, Великобритания) характеризуется равенством стороны обвинения и защиты, их точным разграничением функций, наличием спора между сторонами, который является источником начала уголовного процесса и который обязан разрешить суд в качестве независимой стороны – «арбитра». Розыскной процесс (Франция, Германия), напротив, отличается тем, что предварительное расследование осуществляется государственными органами, которые выполняют и функции защиты, и функции обвинения. Также, возбуждение уголовного дела происходит не только вследствие обращения гражданина за защитой, а путем получения сведений о совершенном преступлении из любых источников информации.

Анализируя уголовно-процессуальную систему РФ, можно утверждать, что она сохранила розыскные черты процесса, поскольку сторона защиты и сторона обвинения не являются равными субъектами доказывания, следователь и дознаватель как были, так и остаются полновластными «хозяевами» дела[244].

Концепция судебной реформы 1991 года (далее – Концепция, Концепция 1991 г.) официально провозгласила цель построения правового государства, независимой судебной власти и состязательного судопроизводства. Однако ряд её положений и их реализация в реальности оказались склонны к сохранению розыскной модели уголовного процесса. Данный аспект обусловлен самой природой континентальной правовой системы и является объективной реальностью, но это является не ее недостатком, а исторически сложившейся особенностью.

Во-первых, в Концепции прямо говорится, что задачей уголовного судопроизводства должно оставаться установление объективной истины (ст. 15 УПК РФ). Это традиционный признак розыскного процесса, где суд

---

[241] Давлетов А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. № 8. 2003. 18 с.

[242] Доля Е. К вопросу стороны защиты собирать и представлять доказательства // Уголовное право. 2007. № 4. 80 с.

[243] Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 127 с.

[244] Чарыков А. В. Место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 57–71.

или следователь несут обязанность раскрывать факты и активно собирать доказательства, а не только оценивать спор сторон. Это делает процесс более ориентированным на реальное выявление преступлений.

В классической состязательной англо-саксонской системе судья – арбитр между сторонами, и установление истины не является обязанностью суда. Напротив, в России, суд обязан сам её устанавливать (ст. 314 УПК РФ). Раздел V Концепции гласит: «Суд, исходя из принципа законности и объективной истины, обязан обеспечивать всестороннее и полное исследование обстоятельств дела»[245]. Данный аспект отражает активную роль суда в доказывании. Таким образом, в России даже при наличии элементов состязательности процесс больше защищает права личности и ориентирован на установление истины, а не только на спор. Суд сохраняет возможность инициировать сбор доказательств, а не только рассматривать представленную информацию сторонами. Это характерная черта розыскного процесса, а не чисто состязательного.

Во-вторых, положения раздела IV Концепции, отражающие активную роль суда в исследовании доказательств, указывают, что российский уголовный процесс «относится к категории континентального, или смешанного, то есть организованного инквизиционно на предварительных стадиях и содержащего элементы состязательности в суде. Реально же и следователь, и прокурор, и даже в какой-то мере суд выполняют функцию обвинения»[246]. Кроме того, «суд наделяется правом разрешать все конфликты между обвинением и защитой в ходе расследования»[247]. Вместе с тем, суд выполняет «функции рассмотрения и разрешения всех вопросов, которые обвинение и защита будут перед ним ставить при проведении расследования. На этой стадии судья вправе признавать доказательствами представленные сторонами материалы, указывать на необходимость их пополнения, проведения дополнительных следственных действий, признавать собранные данные недостаточными для предъявления обвинения в суде»[248]. Данные положения концепции отражаются и в современном уголовно-процессуальном законодательстве[249]. Таким образом, суд фактически сохраняет функцию «первичного исследования доказательств», что типично для розыскной модели.

---

[245] Концепция судебной реформы в РСФСР. Принята Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Раздел V. https://base.garant.ru/6318369/

[246] Концепция судебной реформы в РСФСР. Принята Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Раздел IV. https://base.garant.ru/6318369/

[247] Там же.

[248] Там же.

[249] О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 15 мая 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В-третьих, Концепция уделяет большое внимание развитию письменных процедур и документированию процесса. Письменность как доминирующая форма ведения процесса типична для розыскной модели, где доказательства преимущественно собираются и оцениваются на основе письменных материалов, а не устных состязаний сторон в суде: «Все стадии уголовного процесса должны обеспечиваться надлежащей процессуальной фиксацией»[250].

Таким образом, Концепция 1991 г. провозгласила состязательность как идеал, но предложила механизмы, характерные для розыскной модели. Это противоречие сохранилось в современном УПК РФ, где инициатива доказывания и установления истины сосредоточена в руках государства.

С учетом принадлежности России к континентальной (романо-германской) правовой семье уголовное судопроизводство характеризуется централизованным управлением процессом и активной ролью органов публичной власти. В таких условиях объективная истина остается основной целью, а функция доказывания не может быть разделена между множеством субъектов.

В российском процессе суд активнее защищает права обвиняемого, обязан контролировать соблюдение закона следствием и прокурором. В странах чисто состязательной модели права обвиняемого зависят только от его адвоката – суд не вмешивается, даже если защита плохо организована. Как справедливо отмечает В. Ю. Стельмах: «Главным препятствием в вопросах внедрения тотальной состязательности уголовного судопроизводства выступают прагматические и рациональные соображения. По сути, предлагаемый путь ввергнет российскую правоприменительную практику в абсолютно непродуманный и необоснованный эксперимент»[251].

Участие защитника в процессе усложняет традиционные механизмы установления истины. Информация, которой обладает сторона защиты, не является доказательством в строгом процессуальном смысле до момента ее проверки и надлежащего процессуального оформления. При этом состязательность невозможна без активного вклада обеих сторон в процесс доказывания.

Аналогичной позиции придерживается Л. В. Головко, подчеркивая необходимость обмена доказательственной информацией для реального функционирования состязательных начал[252]. Следовательно, механизм обязательного раскрытия стороной защиты сведений, имеющих доказательственное значение, с последующей проверкой этих данных стороной обвинения мог бы способствовать реальному укреплению состязательных начал.

---

[250] Концепция судебной реформы в РСФСР. Принята Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Раздел V. https://base.garant.ru/6318369/

[251] Стельмах, В. Ю. Некоторые Проблемы состязательности в российском уголовном процессе // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. №3 (26). С. 299. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-sostyazatelnosti-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 16.05.2025).

[252] Головко, Л. В. Состязательность в уголовном процессе: современное понимание и перспективы развития // Государство и право. 2002. № 2. 84 с.

Тем не менее, данная модель не лишена рисков. Одной из ключевых проблем является возможность того, что защитник намеренно или ошибочно приведет следствие к ложным версиям, что способно затруднить достижение процессуальных целей и поставить под угрозу эффективность уголовного судопроизводства.

Таким образом, реальное развитие состязательности в российском уголовном процессе требует не только нормативных преобразований, но и глубокой институциональной перестройки подходов к распределению процессуальных обязанностей между обвинением и защитой с учетом специфики отечественной правовой системы и общепризнанных принципов справедливого правосудия.

Действующий УПК РФ наделил защитника правом собирания доказательств в ходе уголовного судопроизводства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений (ст. 86 УПК РФ)[253]. В ходе предварительного расследования защитник представляет следователю или дознавателю собранные доказательства, которые в дальнейшем при условии значения для уголовного дела должны быть приобщены.

В противоречии с вышеупомянутой нормой ст. 74 УПК РФ гласит, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела[254].

Можно утверждать, что законодатель акцентировал свое внимание на том, что именно доказательства могут быть собраны стороной обвинения, т.е. властными субъектами уголовного процесса. Для закрепления собранной защитником информации необходимо решение следователя или дознавателя, т.е. фактические данные приобретают значение доказательств, когда на их основании следователь устанавливает предмет доказывания, фактические данные, которые были собраны защитником не могут быть доказательствами до тех пор, пока они не будут использованы следователем[255]. Действительно, видна четкая грань между полномочиями стороной защиты и стороной обвинения, которая на стадии предварительного расследования

---

[253] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 11 апр. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[254] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 11 апр. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[255] Макаренко Д. Д. Сбор доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Сборник материалов Крымского студенческого юридического форума «Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты». 2019. 39 с.

имеет исключительные полномочия в собирании, проверке и оценке доказательств. Очевидно, что на данном этапе уголовного процесса защитник не является субъектом доказывания, так как его возможности ограничиваются предложением следователю или дознавателю приобщения к уголовному делу собранных сведений.

Таким образом, законодатель, пытаясь реализовать принцип состязательности уголовного судопроизводства, самостоятельно создал коллизию в законе. Ведь, закрепив право защитника быть «субъектом доказывания», он не обеспечил таковую возможность участия в доказательственной деятельности, которая осуществляется исключительно в рамках властных субъектов. Согласимся с мнением И.В. Косенко: «Защитник, в процессуальном смысле, не является субъектом собирания доказательств, поскольку в законодательстве отсутствует необходимый для этого механизм. Тем самым, он может лишь оказывать некое воздействие на формируемую стороной обвинения систему доказательств»[256]. Анализируя такое положение, следует внести такое изменение в ч. 3 ст. 86 УПК РФ: «Защитник вправе собирать сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу».

Уместно будет привести опыт уголовно-процессуальной системы Франции, где защитник, также, не является самостоятельным субъектом доказывания[257]. Главную роль, как и в национальном уголовном процессе, занимает сторона обвинения и следственный судья. В соответствии со ст. 82-1 УПК Франции защитник имеет право заявлять ходатайства следственному судье, который обязан вынести решение об удовлетворении заявления либо об его отказе[258]. Французский законодатель, осознавая невозможность полной реализации принципа состязательности сторон на стадии предварительного расследования, обеспечил защитника правом ознакомления со всеми процессуальными действиями стороны обвинения. Таким образом, защитник не может являться априори субъектом доказывания, что подтверждается национальным и зарубежным опытом. Сведения об обстоятельствах деяния, собранные адвокатом, могут представляться следователю или дознавателю, которые с помощью уголовно-процессуального инструментария способны проверить и оценить информацию, чтобы в дальнейшем она обладала статусом доказательства.

Важно отметить, что в действительности состязательность российского уголовного судопроизводства в условиях доказательственного процесса

---

[256] Косенко И. В. Защитник как субъект доказывания в уголовном процессе / И. В. Косенко. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 94–96. URL: https://moluch.ru/archive/254/58320/ (дата обращения: 23.04.2025).

[257] Авдонин В.А. Роль защитника в уголовно-процессуальном доказывании стран романо-германской системы права // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: право. 2023. № 4 (том 23). 8 с.

[258] Уголовно-процессуальный кодекс Франции от 23 декабря 1958 г. : [сайт]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006098229/ (дата обращения: 01.04.2025).

ограничена не только по отношению к стороне защиты, но и к стороне обвинения. Так, согласно ст. 217 УПК РФ следователь представляет защитнику материалы уголовного дела, в том числе собранные доказательства[259], защитник, напротив, такой обязанностью не наделен. В такой ситуации положения стороны обвинения и защиты также неравны, ведь защитник имеет возможность до судебного разбирательства узнать, какими сведениями располагает обвинитель, насколько известна следователю или дознавателю роль обвиняемого в совершенном преступлении. Как верно отмечает Ю. М. Новолодский: «Сторона обвинения в лице «властных субъектов» обязана осуществлять доказывание обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, а сторона защиты имеет право осуществлять доказывание, если сочтет это целесообразным и необходимым»[260]. Действительно, защитник может располагать и оправдательными и обвинительными доказательствами в совершении преступления, но представлять их следователю или дознавателю обязанности не имеет. В связи с этим можно утверждать, что состязательность полноценно не реализуется ни по отношению к стороне защиты, ни по отношению к стороне обвинения уголовного судопроизводства.

В заключении необходимо сказать, что соблюдение принципа состязательности на стадии предварительного расследования является сложной задачей у законодателей государств, так как необходимо соблюсти «правовой баланс» между стороной обвинения и стороной защиты. Проведя анализ законодательства РФ и других зарубежных стран, важно отметить, что не существует реализации принципа состязательности в совершенстве по причине того, что первостепенно действия по установлению лица, совершившего преступление, носят публичный характер и связаны с деятельностью государственных органов. Рассматривая действующие нормы процессуального законодательства РФ, можно утверждать, что как такового равенства сторон при собирании доказательств не осуществляется. Только следователи и дознаватели управомочены на совершение следственных действий, сторона защиты, напротив, ограничена в истребовании необходимых документов и в проведении процессуальных мероприятий. Данное положение закона справедливо подчеркивает грань между властными и невластными субъектами процесса, ведь невозможно представить страну, в которой определенные действия производила «негосударственная» сторона путем применения принуждения. Кроме того, при анализе состязательности в России и в зарубежных странах, авторы пришли к тому, что российская уголовно-процессуальная система сохранила розыскные признаки (установление истины), но для достижения цели справедливости установила состязательные черты процесса.

---

[259] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 11 апр. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[260] Новолодский, Ю.М. Доказывание в практической деятельности адвоката-защитника : Монография / Ю. Новолодцкий. СПб. : ООО «Р-КОПИ», 2016. 19 с.

Таким образом, обеспечение принципа состязательности на стадии предварительного расследования является недосягаемой целью в силу особенностей континентально-правовой системы РФ и розыскного характера уголовного процесса. Для исключения противоречий в нынешнем УПК РФ необходимо внести изменения, что защитник собирает не доказательства, а сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Критерии о недопустимости доказательств установленные уголовно-процессуальном законодательстве в полном объеме распространяются и на информацию, предоставляемую стороной защиты.

Список литературы

1. Авдонин В. А. Роль защитника в уголовно-процессуальном доказывании стран романо-германской системы права // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: право. 2023. № 4 (том 23). С. 7–12.

2. Головко Л. В. Состязательность в уголовном процессе: современное понимание и перспективы развития // Государство и право. 2002. № 2. С. 79–87.

3. Давлетов А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. № 8. 2003. С. 16–18.

4. Доля Е. К вопросу стороны защиты собирать и представлять доказательства // Уголовное право. 2007. № 4. С. 79–83.

5. Концепция судебной реформы в РСФСР. Принята Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Раздел V. [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/6318369/.

6. Косенко И. В. Защитник как субъект доказывания в уголовном процессе / И. В. Косенко. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 94–96. URL: https://moluch.ru/archive/254/58320/ (дата обращения: 23.04.2025).

7. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.

8. Макаренко Д. Д. Сбор доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Сборник материалов Крымского студенческого юридического форума «Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты». 2019. С. 37–39.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Госюриздат, 1958. Т. 1. 432 с.

10. Чарыков А. В. Место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 57–71.

11. Новолодский Ю. М. Доказывание в практической деятельности адвоката-защитника : Монография / Ю. Новолодцкий. СПб. : ООО «Р-КОПИ», 2016. 256 с.

Э. Н. АРТЕМЬЕВА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЯ «СЕРИЙНОЕ УБИЙСТВО»

Серийные убийства представляют собой специфический вид преступлений, который требует особого подхода к расследованию. Считается, что «сложность [расследования дел серийных убийц] заключается в том, что преступления совершаются, как правило, в условиях неочевидности. Преступники старательно конспирируются, нападают зачастую именно в малолюдных местах в темное время суток. Бывает и так, что эпизоды нападений растянуты во времени, могут совершаться в разных районах или городах…»[261]. Таким образом, перед следователем стоит непростая задача – обнаружить взаимосвязь между отдельными эпизодами преступлений и объединить их в серию.

Представляется, что для ее решения необходимо установить, какие признаки присущи понятию серийности. Проблема определения содержания понятия «серийных убийств» существует с момента его появления – в XX в. Р. Ресслер, используя аналогию с повторяющимися, последовательно идущими друг за другом эпизодами сериала, сформулировал понятие serial killer (серийный убийца)[262].

В научной литературе, посвященной теме серийных убийств, высказываются различные точки зрения относительно того, какими признаками характеризуется серийность. Эпизодам серийных убийств свойственны повторяемость мотивов, способов, места, времени, обстановки совершения преступлений и т. д.[263]

В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации такой термин, как серийное убийство, отсутствует. В ведом-

[261] Интервью руководителя Главного управления криминалистики Следственного комитета России З. З. Ложиса // РИА Новости. сайт URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1597443/?print=1 (дата обращения: 20.11.2025).

[262] Ресслер Р., Шахтман Т. Кто сражается с чудовищами. Как я двадцать лет выслеживал серийных убийц для ФБР / Р. Ресслер, Т. Шахтман ; перевод с английского О. Перфильева. Москва : Бомбора : Эксмо, 2022. 28 с.

[263] Исаенко В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : дисс. … докт. юрид. наук / Исаенко Вячеслав Николаевич. Москва, 2005. 13 с.

ственных приказах Следственного комитета Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации упоминаются следующие термины: «серийные преступления», «серийные убийства», «насильственные серийные преступления сексуального характера», «иные насильственные серийные преступления», но их сущность не раскрывается[264].

Однако в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» (далее – Приказ № 39/1070/1021/253/780/353/399) упоминается понятие серийности в контексте заполнения форм учета: «… отражаются сведения о преступлении, которое может быть отнесено к серийному преступлению, основным признаком которого является совершение по аналогичному (единому) мотиву одним и тем же лицом (лицами) двух или более не охваченных одним умыслом однородных умышленных преступлений».

Также разъяснение содержания такой категории, как серийное преступление, приводилось в письме Следственного комитета Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 215/2-12386-11 «Об определении серийности преступлений» (далее – Письмо № 215/2-12386-11). Согласно данному документу, серийность устанавливается по совпадению криминалистических признаков, связанных с местом и временем их совершения, характерными особенностями следов на месте преступления, а также другими данными, позволяющими предположить совершение одним лицом (лицами) нескольких преступлений.

Таким образом, термин серийное убийство в законодательстве не раскрывается – в межведомственном Приказе № 39/1070/1021/253/780/353/399 и служебном письме Следственного комитета Российской Федерации перечисляются общие признаки серийности.

Возникает вопрос: насколько имеет значение нормативное закрепление такой категории, как серийное убийство? В частности, посредством дополнения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) соответствующей главой, по аналогии с главами 50, 52 УПК РФ, в которых рассматриваются особенности производства по отдельным категориям дел, определяющимся спецификой субъекта преступления.

Представляется, что термин «серийное убийство» может быть определен в ведомственных актах органов, связанных с процессом расследования

---

[264] О порядке представления в системе Следственного комитета Российской Федерации специальных донесений и иной информации о преступлениях и чрезвычайных происшествиях : Приказ Следственного комитета России от 23.09.2024 № 106. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». О порядке представления специальных донесений и иной обязательной информации : Приказ Генеральной прокуратуры России от 27.05.2021 № 265 : текст с изм. и доп. на 25.11.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета России от 08.08.2013 № 53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступлений. Отвечая на вопрос о необходимости изменения процессуального законодательства, считаем, что УПК РФ имеет достаточное количество общих норм, которые могут быть использованы в процессе расследования серийных убийств, при этом специфика данной категории дел найдет свое отражение в их применении.

Наибольшее значение определение серийности имеет на начальном этапе производства по делу[265]. Однако на практике, в преобладающем большинстве случаев, этого не происходит. Первый эпизод серийных убийств, как правило, расценивается как единичное убийство и расследуется, согласно данной версии.

С одной стороны, это может быть обусловлено тем, что последующие эпизоды, образующие серию, еще не совершены, с другой стороны, с точки зрения обозначенной проблематики, – недостаточностью признаков, которые бы связывали преступления.

Отдельные примеры показывают, что существуют и иные причины, которые позволяют серийным преступникам оставаться «в тени» длительное время. Дело Михаила Попкова, более известного как Ангарский маньяк, называют «черным пятном» на репутации иркутских правоохранительных органов[266]. Ему практически 20 лет удавалось «выходить на охоту»: на счету убийцы более 80 жертв[267]. «…Изначально было достаточно схожих факторов: схожее место обнаружения тел (в районе Ангарска), схожее время расправ, схожие следы на местах происшествий и схожий modus operandi. Достаточно для объединения дел по меньшей мере в руках одного следователя. Но местные сотрудники правоохранительных органов делать это не спешили…» – выдержка из интервью старшего следователя по особо важным делам, В.Е. Костарева, занимавшегося делом М. Попкова[268].

Таким образом, центральной проблемой при расследовании серийных убийств является установление наличия признаков серии в преступлениях; от нее «нитью» будут следовать иные, подлежащие выяснению вопросы: сколько всего эпизодов совершено, кто причастен к ним и т. д.

Раздел VII УПК РФ посвящен такой стадии уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела. Предшествует возбуждению уголовного дела, как правило, проверка сообщения о преступлении, в рамках которой

---

[265] Асатрян Х. А. Типичные следственные ситуации и версии при расследовании серийных убийств / Х. А. Асатрян // Личность, общество и государство в правовом измерении : материалы Национальной научно-практической конференции, Иркутск, 22 марта 2021 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Байкальский государственный университет, Фонд «Право и демократия»; Иркутск : Издательский дом БГУ, 2021. 266 с.

[266] Маньяк Попков в Ангарске. В Улан-Удэ невозможен? // Байкал Daily : сайт. URL: https://www.baikal-daily.ru/blog/85/291546/?ysclid=mibustufmc595827716 (дата обращения: 21.11.2025).

[267] «Намекнул, что не прощается». Следователь раскрыл тайны ангарского маньяка // Аргументы и факты : сайт. URL: https://irk.sledcom.ru/folder/878932/item/2005601/?ysclid=mibtkxc1dq539963719 (дата обращения: 21.11.2025).

[268] Самый страшный убийца России получил новый срок. Как ангарский маньяк совершил 86 убийств и годами скрывался от милиции? // Lenta.ru : сайт. URL: https://lenta.ru/articles/2023/11/22/popkov/?ysclid=mibsz9cwmt659076269 (дата обращения: 21.11.2025).

следователь вправе провести осмотр места происшествия, предметов и трупов. Обращаясь к приведенному в Письме № 215/2-12386-11 определению, можно отметить, что серийность устанавливается в том числе по характерным особенностям следов на месте преступления. В этом ключе, полномочия, которые предоставляются следователю в соответствии со ст. 144 УПК РФ на стадии доследственной проверки, имеют большое значение для формирования версии о серийном преступлении.

Одна из позиций, приведенная в научной литературе относительно признаков серийности, предлагает относить к ним [признакам] особенности повреждений, оставленных на телах жертв. И. А. Гедыгушевым в работе «Судебно-медицинская экспертиза при реконструкции обстоятельств и условий причинения повреждений (методология и практика)» проиллюстрирована данная точка зрения на примере дела Андрея Чикатило: установлено, что он оставлял на телах жертв наиболее часто однотипные множественные колото-резанные раны, которые приходились на области лица и половых органов[269]. Полученные в рамках осмотра трупа сведения о характере повреждений на теле жертвы могут стать «отправной точкой», связать несколько эпизодов преступлений и дать расследованию верное направление.

Указать на то, что преступления совершаются одним и тем же человеком, могут и иные признаки, обнаруженные на месте происшествия, например: Юрий Цюман («Ночной гость», «Таганрогский маньяк») «нападал на женщин, насиловал и убивал их, оставляя на обнаженном теле жертвы черные колготки»[270].

Наиболее явно прослеживается взаимосвязь содержания серийности с таким институтом уголовного процесса, как соединение уголовных дел. А. С. Фомина указывает, что правильное, т. е. своевременное и обоснованное, в соответствии с нормами ст. 153 УПК РФ <…> соединение уголовных дел об убийствах вытекает из требований закона и является важной предпосылкой раскрытия серийных убийств[271].

Для дел о серийных убийствах имеет значение и ст. 153.1 УПК РФ, которая позволяет при выявлении в ходе предварительного расследования нового преступления без выделения в отдельное производство материалов возбудить уголовное дел и соединить его с расследуемым уголовным делом. В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 20.03.2025 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 38), которым введена в действие

---

[269] Гедыгушев И. А. Судебно-медицинская экспертиза при реконструкции обстоятельств и условий причинения повреждений (методология и практика) / И. А. Гедыгушев. Москва, 1999. 129 с.

[270] Специалист по монстрам. Человек, который «вычислил» Чикатило // Wayback Machine : сайт. URL: https://web.archive.org/web/20150416142101/http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/10/24/124997-spetsialist-po-monstramchelovek-kotoryiy-vyichislil-chikatilo.html (дата обращения: 21.11.2025).

[271] Фомина А. С. Основные тактические операции при расследовании серийных убийств : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : дисс. … канд. юрид. наук / Фомина Анна Станиславовна. Воронеж, 2003. 78 с.

ст. 153.1 УПК РФ, указано, что появление данной нормы обусловлено необходимостью сократить сроки осуществления предварительного расследования[272].

Вступив в силу Федеральный закон № 38, дополнил Уголовно-процессуальный кодекс РФ статьей, которая, на наш взгляд, имеет большое значение для расследования серийных убийств. Она позволяет упростить процедуру соединения отдельных эпизодов: сократить количество процессуальных действий, а, значит, и временных затрат на их совершение.

Возбудив уголовное дело, следователь инициирует и производит необходимые следственные действия. В работе, посвященной изучению серийных убийств с позиции теории и практики, В. Н. Исаенко приводит некоторые виды следственных действий, которые, по его мнению, имеют наибольшее значение при расследовании серийных убийств. К ним относятся: «осмотр места происшествия, допросы оставшихся в живых потерпевших и свидетелей, а также подозреваемого, обвиняемого, освидетельствование, предъявление для опознания, проверка показаний на месте»[273].

Несмотря на то, что понятие серийного убийства по большей части рассматривается в рамках криминалистики, оно имеет значение и для уголовно-процессуальной сферы. Установление признаков серийности служит отправной точкой для расследования, позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся у следователя процессуальные средства, в т.ч. применять нормы о соединении уголовных дел, производить необходимые следственные действия – благодаря чему, своевременно установить лицо, причастное к совершению всех эпизодов преступлений.

УДК 343.985.44

И. А. ГРИГОРЬЕВ

научный руководитель
Г. Г. НЕПЕИН

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ АВИАКАТАСТРОФ С УЧАСТИЕМ ГРУППЫ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Из анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующих правила производства следственных действий (главы 24-26 УПК РФ), следует, что любое следственное действие должно производится только одним следователем.

[272] Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 20.03.2025 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/782799-8 (дата обращения: 21.11.2025).

[273] Исаенко В. Н. Указ. соч. С. 252–277.

Вместе с тем, следственная практика показывает, что при расследовании некоторых преступлений, например, катастрофы с воздушным судном, с учетом большого объема работы на месте происшествия производство следственного действия одним следователем не только затруднительно, но и не рационально.

Осмотр места происшествия является одним из наиболее сложных и важных следственных действий находящихся в арсенале органов, осуществляющих предварительное расследование нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Его значение трудно переоценить, поскольку результаты осмотра служат одним из основных источников доказательств по уголовному делу об этом преступлении и фактическим фундаментом формирования информационной картины произошедшего события. Тщательность его проведения – основа успешного расследования авиакатастрофы. При этом, местом происшествия будет являться не только то место, где произошло конечное событие – катастрофа летательного аппарата, но также и иные места, которые в той или иной степени задействованы в работе воздушного транспорта[274]. То есть осмотру будут подвергаться также объекты управления воздушным движением, авиационно-технические базы и иные объекты, задействованные в функционировании данного вида транспорта. Поэтому проведение осмотра места авиационного происшествия несколькими следователями при таких ситуациях не только является оправданным, но и необходимым по ряду причин.

Между тем, законодатель не регламентирует производство отдельных следственных действий следственной группой. Тем не менее, в УПК РФ содержатся положения о производстве предварительного расследования группой следователей (ст. 163 УПК РФ).

Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законом, производство предварительного следствия по уголовному делу, в случае его сложности или большого объема, может быть поручено следственной группе, о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. Создание группы и назначение ее руководителя, в соответствии с ч. 2 ст. 163 УПК РФ, возложено на руководителя соответствующего следственного органа.

В полномочия руководителя следственной группы входит решение основных организационных вопросов, таких как: общее руководство работой всех следователей; производство и последующее составление протокола осмотра места происшествия, в котором содержится описание координат местности, где произошла авиакатастрофа, разрушений, положения воздушного судна, трупов и других объектов, схематический план места происше-

[274] Непеин Г. Г. Анализ прокурором протоколов следственных действий при изучении материалов уголовных дел о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта // Актуальные вопросы прокурорской деятельности (Серия «В помощь прокурору»; вып. 14): лекции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. 218 с.

ствия; организация фотографирования и видеосъемки на месте происшествия[275], а также взаимодействие с комиссией по расследованию авиационного происшествия Межгосударственного авиационного комитета.

Между тем, как показывает практика, нередко на месте авиационного происшествия возникают серьезные затруднения в поиске и обнаружении вещественных доказательств. Так, значительный разброс частей и обломков воздушного судна и других предметов в результате взрыва, засыпание их землей или снегом, попадание в труднодоступные участки (реки, озера, болота, овраги, густые заросли и т.п.) делают подчас невозможным их обнаружение без применения специальных технических средств поиска. Поэтому, после получения информации о катастрофе воздушного судна, еще на стадии подготовки к осмотру места авиапроисшествия, полагаем необходимым незамедлительно включать в состав следственной группы следователей-криминалистов, что в полной мере коррелируется с требованиями организационно-распределительных документов Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России).

Так, приказом СК России от 08.08.2013 № 53 предусмотрено, что следователи-криминалисты осуществляют криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета. При этом в ходе криминалистического сопровождения производства осмотра места происшествия, следователи-криминалисты должны обеспечивать надлежащее функционирование передвижных криминалистических лабораторий и эффективное использование технико-криминалистических средств, применять при производстве следственных действий криминалистическую и специальную технику, в том числе с целью отыскания орудий, следов преступления и других вещественных доказательств в различных средах, средства аудиовизуальной фиксации[276].

Осуществляя руководство следственной группы, ее руководитель, при производстве осмотра места авиапроисшествия, как и любого иного места происшествия, должен заниматься координацией деятельности всех следователей, занимающихся таким осмотром. Координация предполагает под собой рациональное распределение обязанностей среди следователей и обязательную организацию их работы на месте происшествия.

Поскольку следователи, работающие в группе, имеют одинаковые процессуальные права при осмотре места происшествия, то каждый из них должен активно участвовать в исследовании всей территории или ее части. Если место происшествия разделено на участки, то осмотр конкретного участка поручается определенному следователю.

---

[275] См. : Памятка «Проведение первоначальных проверочных мероприятий (следственных действий) при рассмотрении сообщения (расследовании уголовного дела) по факту авиационного происшествия (авиационной катастрофы)». Северо-Западное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации. 2017.

[276] См. : Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации : Приказ СК России от 08.08.2013 № 53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Такие ситуации на практике, когда один из следователей проводит осмотр, а другой – только фиксирует сообщаемые ему сведения в протоколе (производит фото-, видеосъемку места происшествия и т. п.), по нашему мнению, являются недопустимыми и не рациональными. Поскольку в этом случае второй следователь, фактически, оказывает первому следователю только техническую поддержку.

Как отмечает С. Д. Долгинов «в практике выделяют наиболее целесообразный вариант организации работы в следственной группе на месте происшествия, когда каждый следователь осматривает только вверенный ему участок. При организации работы на месте происшествия руководитель группы по согласованию с остальными следователями разбивает место происшествия на участки и распределяет их между всеми следователями. Каждый следователь самостоятельно выбирает начальную точку осмотра, наиболее целесообразное направление передвижения по осматриваемому участку и метод исследования отдельных элементов обстановки места происшествия. В таких ситуациях тактика осмотра отдельного участка авиакатастрофы в целом не отличается от тактики осмотра всего места происшествия одним следователем»[277].

Осмотр места происшествия требует не только правильной организации работы группы следователей, но и специфического подхода к выбору оптимального способа протоколирования данного следственного действия. Не все научные рекомендации по составлению протокола осмотра применимы к фиксации хода и результатов осмотра места авиакатастрофы, который проводит группа следователей.

Решение о выборе способа составления протокола осмотра места авиапроисшествия при проведении данного следственного действия группой следователей, по нашему мнению, должно в каждом случае приниматься индивидуально, с учетом обстоятельств преступления, характера места происшествия и условий производства осмотра.

Наиболее предпочтительным, по мнению ряда ученых[278], является следующий способ протоколирования хода и результатов осмотра места происшествия, когда руководителем группы заполняется вводная часть протокола, в которой должно быть указано: место и дата составления протокола, время начала и окончания осмотра, персональный состав группы следователей. Далее приводятся общие сведения о месте происшествия в целом (его расположение, характер, пути подхода и отхода, привязка к окружающей его обстановке). После этого в тексте протокола руководитель группы отмечает, что место происшествия было разбито на участки, участки пронумерованы, и указывает, кем из следователей и какой именно участок будет осматриваться. Обязательным приложением к этой части протокола должен

[277] Долгинов С. Д. Осмотр места происшествия: Учеб. пособие: в 2 ч. / ч. 1: Организационные и тактические основы осмотра места происшествия. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2016. 47 с.

[278] Мамонов В. С., Степанов В. В. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения. М.: Юрлитинформ. 2010. 131 с.

являться план места происшествия, на котором наглядно продемонстрирована общая картина места происшествия и расположение всех его участков.

Каждый следователь по результатам осмотра участка места происшествия составляет отдельный протокол осмотра участка места происшествия, который составляется по общим правилам составления протокола следственного действия. По окончании осмотра места происшествия все составленные протоколы прилагаются под соответствующими номерами к вводной части протокола.

Подводя итог сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

1. С учетом того, что УПК РФ не требует обязательного проведения осмотра места происшествия группой следователей, практика показывает, что в сложных и масштабных делах, таких как авиакатастрофы, это необходимо. Большое количество работы и необходимость распределения обязанностей делают коллективное расследование более эффективным.

2. Следователи в группе имеют равные права при осмотре места происшествия, однако руководитель должен грамотно распределить обязанности и обеспечить координацию действий во избежание дублирования действий следователей между собой. Важно заранее определить состав группы, необходимое оборудование и транспорт для повышения эффективности работы.

3. При осмотре места происшествия группой следователей важно тщательно фиксировать результаты. Для этого место происшествия делят на участки, которые осматривают разные следователи. Каждый участок фиксируют в отдельном протоколе, который затем включают в общий протокол осмотра. Это позволяет детально документировать все данные и избежать ошибок.

Список источников

1. Непеин Г. Г. Анализ прокурором протоколов следственных действий при изучении материалов уголовных дел о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта // Актуальные вопросы прокурорской деятельности (Серия «В помощь прокурору»; вып. 14): лекции / Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 214–231.

2. Долгинов С. Д. Осмотр места происшествия: Учеб. пособие: в 2 ч. / ч. 1: Организационные и тактические основы осмотра места происшествия. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2016. 296 с.

3. Мамонов В. С., Степанов В. В. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения. М.: Юрлитинформ. 2010. 184 с.

УДК 340

Н. С. ДАКОВ
А. Д. МИХАЙЛОВ

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ

Актуальность исследования вопроса необходимости правовой регламентации лиц с неопределённым процессуальным статусом обусловлена объективными изменениями современной уголовно-процессуальной практики и нарастающим разрывом между формально-нормативной моделью уголовного судопроизводства и реальными формами вовлечения лиц в уголовный процесс. В условиях расширения объёма процессуальных и квазипроцессуальных действий, осуществляемых до возбуждения уголовного дела и на первоначальном этапе расследования, всё большее число лиц фактически участвует в уголовно-процессуальных отношениях без чёткого и системного закрепления их правового положения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Такая неопределённость порождает правовую фрагментарность, допускает произвольное толкование объёма прав и обязанностей вовлечённых в уголовное судопроизводство лиц, способствует формированию неоднородной правоприменительной практики и создаёт предпосылки для ограничения процессуальных гарантий.

Значимость исследования рассматриваемого вопроса заключается прежде всего в её прямой связи с реализацией принципов законности, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также справедливости уголовного судопроизводства. Отсутствие четкого процессуального статуса у заявителей, лиц, дающих объяснения, очевидцев, опознаваемых и иных фактически вовлечённых в сферу уголовно-процессуальной деятельности субъектов приводит к тому, что процессуальные гарантии применяются к ним непоследовательно либо формально, а полученные от них сведения нередко используются без надлежащего правового режима. Это негативно отражается как на защите прав личности, так и на качестве доказывания, устойчивости судебных решений и доверии к правосудию в целом.

Изучение лиц с неопределенным процессуальным статусом в уголовном процессе необходимо также для устранения концептуальных пробелов уголовно-процессуальной теории. Научный анализ позволяет выявить критерии отнесения лица к числу участников уголовного судопроизводства, определить минимальный объём процессуальных гарантий, подлежащих обеспечению вне зависимости от формального наименования статуса,

и выработать единый подход к классификации вовлечённых лиц. Это создаёт основу для последовательного и непротиворечивого правового регулирования.

В этой связи актуальным является вопрос о целесообразности внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на нормативное закрепление правового положения лиц с неопределённым процессуальным статусом либо на формирование универсальной модели так называемого минимального процессуального статуса, обеспечивающей базовые гарантии при любом фактическом участии лица в уголовном процессе. Научное осмысление данной проблемы необходимо для подготовки обоснованных законодательных предложений, совершенствования правоприменительной практики и обеспечения баланса публичных интересов и прав личности в уголовном судопроизводстве.

В результате анализа нормативных правовых актов, различных научных точек зрения следует выделить следующие виды лиц с неопределенным процессуальным статусом:

1. Заявитель (о преступлении) – лицо, непосредственно обратившееся с сообщением о преступлении и принимающее участие на стадии возбуждения уголовного дела, чьи показания, в свою очередь, становятся поводом для возбуждения уголовного дела[279].

Отсутствие в УПК РФ процессуального статуса заявителя о преступлении образует правовой пробел, поскольку такое лицо фактически участвует в уголовном процессе на стадии проверки сообщения о преступлении (ст. 144–145 УПК РФ), однако не наделено закреплёнными правами и обязанностями. Несмотря на то, что именно заявитель инициирует уголовное преследование (ст. 140–141 УПК РФ), процессуальные гарантии его статуса выводятся лишь из расширительного толкования норм и судебной практики. Это противоречит принципам правовой определённости и обеспечения прав личности (ст. 6, 11 УПК РФ)

2. Лицо, дающее объяснение (лицо, обладающее сведениями о преступлении / очевидец) - лицо, которому могут быть известны обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; при этом его правовой (процессуальный) статус часто близок к статусу свидетеля, но в законе не всегда формализован (особенно при проверке сообщения о преступлении).[280] Несмотря на то, что такое лицо нередко является очевидцем преступления и предоставляет сведения, имеющие доказательственное значение, на него не распространяются гарантии, предусмотренные для свидетеля (ст. 56 УПК РФ). Это создает риск обхода процессуальных гарантий и подмены допроса получением объяснений без установленной процедуры.

---

[279] Морозова Н. А. Проблемы правового положения участников уголовного судопроизводства с неопределённым процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 62–69.

[280] Дубоносов Е. С. Процессуальное положение лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство вне статуса участников процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 18–24.

3. Лицо, подвергнутое задержанию для выяснения обстоятельств до возбуждения уголовного дела. Это фактически задержанное лицо, в отношении которого применена мера процессуального принуждения до придания ему статуса подозреваемого, с целью выяснения обстоятельств возможного совершения преступления и решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо о процессуальном статусе этого лица. Отдельные ученые указывают на то, что данный статус законодательно не закреплен, что влечет за собой существенное «сокращение» и нарушение охраняемых законом прав и свобод[281].

4. Отдельную категорию лиц с неопределённым процессуальным статусом образуют лица, как правило, не являющиеся гражданами Российской Федерации, объявленные в международный либо межгосударственный розыск и задержанные на территории Российской Федерации. Несмотря на фактическое применение к ним мер уголовно-процессуального принуждения, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает самостоятельного процессуального статуса для данной категории лиц и не относит их ни к подозреваемым, ни к обвиняемым, ни к иным участникам уголовного судопроизводства, закреплённым в разделе II УПК РФ[282].

5. Лицо, ответившее на запрос (или предоставившее информацию по запросу) – это лицо, обратившееся в правоохранительный орган с заявлением, сообщением либо запросом, в связи с чем проводится проверка в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ, до придания ему какого-либо процессуального статуса (заявителя, потерпевшего, свидетеля и др.). Отсутствие правовой регламентации такого участия снижает уровень процессуальных гарантий и допускает произвольное истребование сведений вне четких пределов[283].

6. Близкие родственники и близкие лица участников уголовного судопроизводства. Нормативное определение таких лиц, закреплено в статье 5 УПК РФ. Близкие родственники - супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки, а близкие лица в свою очередь – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Вышеперечисленные лица нередко вовлекаются в процесс при производстве обыска, выемки, наложении ареста на имущество либо при решении вопроса об избрании меры пресечения, однако УПК РФ не закрепляет за ними

[281] Смолькова И. В. Участники уголовного судопроизводства: проблемы классификации и процессуального статуса. М.: Юрлитинформ, 2016. 224 с.

[282] Кузнецов П. В. О процессуальном статусе лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора // CYBERLENINKA URL: clck.ru/3RCCmf [Электронный ресурс] (дата обращения: 25.12.2025).

[283] Корякин В. М. Стадия возбуждения уголовного дела: процессуальные гарантии прав личности // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 97–104.

самостоятельного процессуального статуса. Несмотря на то, что соответствующие процессуальные действия непосредственно затрагивают их права и законные интересы (ст. 182, 183, 115, 108 УПК РФ), такие лица формально остаются вне круга участников уголовного судопроизводства. В научной доктрине обоснованно выделяется данная категория лиц как фактически участвующих в процессе без надлежащих процессуальных гарантий.[284] Закрепление их специального статуса позволило бы обеспечить защиту конституционных прав, правовую определённость и предотвратить необоснованное вмешательство в сферу частной и семейной жизни.

7. Руководитель экспертного учреждения, экспертное учреждение. Подобные участники нередко вовлекаются в уголовный процесс при назначении и производстве судебных экспертиз и иных процессуальных действий, однако их процессуально-правовой статус в УПК РФ урегулирован фрагментарно. Несмотря на закрепление статуса эксперта и специалиста (ст. 57, 58 УПК РФ), правовое положение руководителя экспертного учреждения и самого учреждения как участника процесса остается неопределённым, хотя именно на них возлагаются организационные обязанности и ответственность за условия проведения экспертизы (ст. 195–198 УПК РФ). Такая неопределённость затрудняет разграничение процессуальной и административной ответственности и ослабляет гарантии независимости экспертной деятельности. Закрепление их самостоятельного процессуального статуса позволило бы повысить качество экспертных исследований, обеспечить прозрачность процессуальных отношений и укрепить доказательственную базу в уголовном судопроизводстве[285].

8. Частный детектив. Выделение данного лица с неопределенным статусом является одним из дискуссионных в научной доктрине по рассматриваемой теме. Частный детектив, участвуя в собирании сведений по поручению заинтересованных лиц и нередко взаимодействуя с органами предварительного расследования, фактически вовлекается в уголовный процесс, однако УПК РФ не закрепляет за ним самостоятельного процессуального статуса. Несмотря на то, что результаты его деятельности могут быть приобщены к материалам проверки либо уголовного дела, правовой режим получения, оценки и процессуального использования таких сведений остается неопределённым. Это порождает проблемы допустимости доказательств и правовой ответственности частного детектива. Закрепление его процессуального статуса в уголовном процессе позволило бы установить чёткие пределы допустимой деятельности, повысить прозрачность взаимодействия с органами расследования и обеспечить соблюдение принципа законности.[286]

---

[284] Смолькова И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределённым процессуальным статусом // Вестник Саратовского университета. Серия: Право. 2017.

[285] Морозова Н. А. Проблемы правового положения участников уголовного судопроизводства с неопределённым процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 62–69.

[286] Бурмистров В. В. Частный детектив в уголовном процессе: правовой статус и проблемы допустимости доказательств // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 34–41.

9. В уголовном процессе нередко используются статисты – лица, привлекаемые следователем для участия в следственных действиях (например, в предъявлении для опознания, реконструкции и других процессуальных действиях), чья роль формально связана с фиксацией восприятия опознающих или с воспроизведением обстановки. УПК РФ не содержит самостоятельного статусного закрепления для статиста как участника уголовного судопроизводства. Это порождает правовую неопределённость в части прав, обязанностей и процессуальных гарантий таких участников и требует дальнейшего анализа и унификации в науке уголовного процесса, законодательной кодификации[287].

10. Статус законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего в УПК РФ действительно закреплён фрагментарно, поскольку нормы, регулирующие его участие, рассредоточены по разным главам и зависят от процессуального положения самого несовершеннолетнего (ст. 48, 54, 191, 426 УПК РФ). Законный представитель формально признаётся участником процесса, однако объём его прав и обязанностей не образует единой, системной модели и нередко. Это порождает неопределённость в вопросах пределов участия, самостоятельности процессуальных прав и соотношения с процессуальным статусом защитника. Подобная фрагментарность ослабляет гарантии защиты прав несовершеннолетних и требует нормативного уточнения и систематизации статуса законного представителя в УПК РФ[288].

На основании системного анализа нормативных положений, судебно-следственной практики и научной литературы сделан вывод о том, что существующая конструкция процессуального статуса не обеспечивает должной регламентации взаимодействия органов расследования и широким кругом фактически вовлекаемых лиц. Это обстоятельство порождает правовую неопределённость, ослабляет гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве и снижает качество доказательственной базы по уголовным делам. Отсутствие регламентированных прав и обязанностей, а также процессуальных гарантий этих лиц обуславливает неоднородность правоприменения, повышает риск злоупотреблений и снижает доказательственную достоверность результатов следственных и иных процессуальных действий, произведенных с их участием.

Минимальный набор гарантий прав таких участников в рамках изменения УПК РФ в части урегулирования прав и свобод участников уголовного судопроизводства без определенного процессуального статуса, должен включать, как минимум, обязательное уведомление лица о факте его вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность и о целях процессуального

---

[287] Сухорукова А. Н., Аршинов А. С. К вопросу о процессуальном положении статиста как участника уголовного судопроизводства // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). [электронный ресурс]. Доступ: https://eurasialaw-journal.ru/2021g/12-163-2021g.html (дата обращения: 18.12.2025).

[288] Шадрин В. С. Процессуальные гарантии прав личности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 312 с.

взаимодействия; разъяснение основных прав, в частности права на квалифицированную юридическую помощь и права отказаться от дачи показаний, влекущих самоинкриминацию; обеспечение документарной фиксации сведений, получаемых от таких лиц (в письменной форме, при возможности с аудио/видеофиксацией); предоставление возможности уведомить законных представителей и/или защитника; и реализацию процедур обжалования процессуальных действий, затрагивающих права указанного лица. Отсутствие документарной фиксации или отказ следственных органов от соблюдения перечисленных требований должен рассматриваться как фактор, снижающий доказательственную силу соответствующих материалов и открывающий путь к их исключению из числа доказательств в установленном законом порядке.

Реализация указанной концепции требует принятия комплекса нормативных, организационно-технических и институциональных мер. Нормативная составляющая предусматривает внесение точечного дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предусматривающего определение и закрепляющего минимальный набор прав и обязанностей. Необходимо также конкретизировать порядок информирования лица, формы фиксации и последствия несоблюдения процедурных требований. Организационно-техническая составляющая включает разработку унифицированных форм нормативных актов, создание реестров и требований к аккредитации экспертных учреждений и частных детективов. Институциональный аспект предполагает учет предлагаемых нововведений повышения квалификации и профессиональной переподготовки следственных и прокурорских работников, а также усиление надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования с учетом необходимости соблюдения установленных стандартов. На основании полученных данных методические и нормативные акты будут подлежать корректировке по мере их применения на практике.

Ожидаемые результаты реализации предложенных мер носят как правозащитный, так и процессуальный характер. На правозащитном направлении ожидается повышение предсказуемости процедурного поведения процессуальных участников со стороны обвинения, снижение практики произвольного ограничения прав граждан. В процессуальном аспекте – повышение качества фиксации доказательственной информации, снижение количества процессуальных оснований для исключения материалов и, как следствие, рост устойчивости судебных решений, в институциональном отношении – усиление доверия общества к правоохранительным институтам за счёт большей прозрачности и ответственности за их действия.

В перспективе законотворчества и научного описания данной проблемы развитие новых стандартов – институтов, на наш взгляд приведет к формированию, так называемого, минимального процессуального статуса, для вышеуказанных лиц с неопределенным процессуальным статусом, то есть, разработке определенного базового пакета законодательно закрепленных прав, свобод и гарантий, а также механизма их защиты.

В заключение целесообразно отметить, что преодоление проблемы правовой нерегламентированности лиц с неопределённым процессуальным статусом не может быть сведено к точечным или разрозненным изменениям уголовно-процессуального законодательства. Требуется комплексный, системный подход, предполагающий нормативное закрепление минимального объёма процессуальных гарантий, создание условий для их фактической реализации. Описанные новеллы, на наш взгляд, выступят сбалансированным правовым инструментом, позволяющим обеспечить необходимое соотношение между оперативностью и эффективностью расследования, с одной стороны, и защитой базовых прав лиц, фактически вовлекаемых в уголовное судопроизводство, – с другой. Его внедрение способствовало бы устранению существующих пробелов в правовом регулировании, повышению качества и достоверности доказательственной базы.

Список литературы

1. Бурмистров В. В. Частный детектив в уголовном процессе: правовой статус и проблемы допустимости доказательств // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 34–41.

2. Давыдов В. А. Лица, не имеющие определённого процессуального статуса в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 15–22.

3. Дубоносов Е. С. Процессуальное положение лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство вне статуса участников процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 18–24.

4. Морозова Н. А. Проблемы правового положения участников уголовного судопроизводства с неопределённым процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 62–69.

5. Морозова Н. А., Смолькова И. В. Участие лиц, не наделённых процессуальным статусом, в следственных действиях: проблемы и пути решения // Закон и право. 2018. № 6. С. 41–46.

6. Смолькова И. В. Участники уголовного судопроизводства: проблемы классификации и процессуального статуса. М.: Юрлитинформ, 2016. 224 с.

7. Сухорукова А. Н., Аршинов А. С. К вопросу о процессуальном положении статиста как участника уголовного судопроизводства // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). [электронный ресурс]. доступ: https://eurasialaw-journal.ru/2021g/12-163-2021g.html (дата обращения: 18.12.2025).

8. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2020. 784 с.

9. Корякин В. М. Стадия возбуждения уголовного дела: процессуальные гарантии прав личности // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 97–104.

10. Кузнецов П. В. О процессуальном статусе лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора // Cyberleninka URL: clck.ru/3RCCmf [Электронный ресурс] (дата обращения: 25.12.2025).

11. Гаврилов Б. Я. Проверка сообщений о преступлениях в уголовном процессе Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с.

12. Шадрин В. С. Процессуальные гарантии прав личности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 312 с.

УДК 343.1

Д. Д. ЖИЛЯЕВ

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Н. В. КУЛИК**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ АНИМАЦИИ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Конституция Российской Федерации устанавливает право граждан участвовать в отправлении правосудия[289]. В целях реализации данного положения в 1993 в Российской Федерации был возрождён институт суда присяжных. В 2016 году был выработан комплекс мер, направленный на расширение данного института. Это привело к неминуемому росту числа уголовных дел, рассматриваемых судом присяжных заседателей. Вместе с тем не утратила актуальности общая тенденция вынесения присяжными заседателями значительно большего количества оправдательных вердиктов в сравнении с количеством оправдательных приговоров, вынесенных при рассмотрении уголовного дела традиционным судом. На это влияет множество факторов:

– процессуальные нарушения, допущенные при сборе доказательств по делу;

– недостаточная подготовленность государственного обвинителя к судебному разбирательству;

– отсутствие криминологических, криминалистических, процессуальных знаний у присяжных заседателей;

– дефицит внимания присяжных при заслушивании большого объёма фактической информации, направленной на создание представления о событии преступления;

[289] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: текст с изменениями на 4 октября 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

- многочисленные отступления стороны защиты от предмета доказывания (акцентирование внимания на личностных характеристиках подсудимого и обвиняемого).

Указанные факторы демонстрируют, что для достижения необходимого результата (в виде обвинительного вердикта) государственному обвинителю необходимо выстраивать особую модель воздействия на присяжных заседателей, направленную на реальное убеждение в виновности подсудимого.

В настоящее время существуют исследования, указывающие на то, что большинство людей получают информацию из внешнего мира преимущественно через органы зрения. Также исследования в этой области подтверждают, что такая информация лучше запоминается большему количеству людей. Всё это говорит о необходимости наиболее наглядной визуализации доказательств, представляемых государственным обвинителем присяжным заседателям[290].

В целях осуществления наглядной визуализации события преступления на практике уже применяются различные графики, схемы, фото- и видеоматериалы. Однако некоторые исследователи указывают, что представляется возможным и применение на практике криминалистической анимации[291]. Криминалистическая анимация – визуализация события преступления посредством создания его компьютерной 3D – модели. Вместе с тем такая модель для выполнения основной задачи (убеждение присяжных в виновности лица) должна выглядеть максимально правдоподобно. Компьютерные модели, физика движений, освещение – всё это должно выглядеть максимально реалистично, чтобы у присяжных заседателей создавалось полное впечатление, что представленное в компьютерной визуализации событие действительно имело место в реальном мире.

Проблема создания реалистичной криминалистической анимации состоит в том, что абсолютное большинство государственных обвинителей не обладает знаниями, необходимыми для этого. Данные лица имеют юридическое образование, но не обладают знаниями в сфере программирования. Потому гособвинитель может создать лишь довольно примитивную анимацию в общедоступных программах, затратив на это большое количество времени[292]. Кроме того, на работника прокуратуры традиционно возложена большая трудовая нагрузка, что ведет к отсутствию времени на создание компьютерных анимаций. Всё это указывает на необходимость привлечения специалиста по программированию, обладающего всеми необходимыми знаниями и способного создавать анимации быстро и качественно.

---

[290] Кулик Н. В. Специфика подготовки государственного обвинителя прокуратуры районного звена к поддержанию обвинения в суде с участием присяжных заседателей / Н. В. Кулик, М. А. Спасов // Право и практика. 2019. № 3. 129 с.

[291] Холопов А. В. Компьютерные программы 3D-визуализации события преступления // КриминалистЪ. 2021. № 3 (36). 71 с.

[292] Крысин В. В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей // Следственная практика. 2020. Вып. 210. 95 с.

Наиболее качественная графическая анимация сейчас применяется при разработке научных 3D моделей. Вместе с тем, в России есть компании, занимающиеся разработкой таких моделей. Представляется, что сотрудник такой компании без особого труда способен составить и криминалистическую анимацию по представленным фактическим данным. Именно этот факт говорит о целесообразности привлечения таких специалистов органами прокуратуры для создания необходимых анимаций. Это может быть реализовано в форме долгосрочного соглашения между прокуратурой субъектового звена и соответствующей компанией. Такое соглашение предусматривало бы плату за выполненные работы. Государственный обвинитель, в случае необходимости, мог бы обратиться в прокуратуру субъектового уровня с соответствующим запросом. Дальнейшее взаимодействие происходило бы между прокуратурой субъекта (или приравненной к ней прокуратурой) и непосредственно самой компанией – разработчиком. Отдельное внимание следует уделить проверке криминалистической анимации, составленной специалистом, прокурорским работником, с целью исключить отхождения от фактически собранных доказательств по делу.

Введение в действие такой практики, конечно, понесёт дополнительные затраты бюджетных средств, а также возложит на прокурорских работников дополнительную нагрузку. Однако это позволит вывести качество государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей на новый уровень и уменьшить количество оправдательных вердиктов. Учитывая указанные выше недостатки, начать применение такой практики можно частично – по уголовным делам о совершении особо тяжких преступлений.

Также стоит упомянуть, что применение криминалистической анимации в суде с участием присяжных заседателей потребует предварительного предъявления председательствующему судье, чтобы исключить возможные отхождения от фактических данных, содержащихся в материалах уголовного дела со стороны государственного обвинителя.

Таким образом, криминалистическая анимация может серьёзно помочь государственному обвинителю при участии в рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Для наиболее эффективного использования такого инструмента необходимо взаимодействовать со специалистами, имеющими соответствующую профессиональную подготовку для разработки такой анимации. Также необходимо обеспечить полное соответствие криминалистической анимации фактическим доказательствам по уголовному делу, получить разрешение на использование такого средства от председательствующего судьи.

Список источников

1. Крысин В. В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей // Следственная практика. 2020. Вып. 210. С. 95–99.

2. Кулик Н. В. Специфика подготовки государственного обвинителя прокуратуры районного звена к поддержанию обвинения в суде с участием присяжных заседателей / Н. В. Кулик, М. А. Спасов // Право и практика. 2019. № 3. С. 127–131.

3. Холопов А. В. Компьютерные программы 3D-визуализации события преступления // КриминалистЪ. 2021. № 3 (36). С. 70–76.

С. Ю. КОЧЕВИНОВ

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

«Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана…». В этой фундаментальной норме Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) значится ключевой аспект не только доказательственного права, но и магистральная линия всего уголовного судопроизводства – vis probandi (с лат. «сила доказательств»). Другими словами, именно от способности и возможности доказать те или иные обстоятельства уголовного дела зависит непосредственный результат уголовного судопроизводства. Исходя из этого, именно доказательственное право необходимо считать краеугольный камнем всего уголовного процесса.

На наш взгляд, познание и доказывание соотносятся как общее и частного одного феномена. С целью обоснования данного подхода обратимся к Р. Декарту с его принципом «Cogito ergo sum» (Я мыслю, следовательно, существую), то есть дедуктивно обосновывать положения, отталкиваясь от аксиом – положений, истинность которых прямо или косвенность очевидна для разума. Но также стоит оговориться, что если, например, в геометрии аксиомы имеют безусловные исходные положения, разработанные еще Эвклидом, то в нашем случае мы будем руководствоваться иными константами.

Итак, доказывание – это познание, но едва ли можно отождествить познание и доказывание. В данной части познание является скорее родовым понятием, а доказывание, соответственно, видовое. Обратное же нарушает закон логики о недостаточном основании – всё, что относится к роду, относится и к виду – признак признака вещи есть признак самой вещи. Так, если познание подчиняется гносеологическим правилам, то, соответственно, доказывание тоже существует в их рамках. Подобную позицию разделяют Божко А. П. и Каленьева Т. А., указывая, что доказывание – особая разно-

видность познания[293], а Томин В. Т. обосновывает, что из-за этого доказывание нельзя рассматривать только в разрезе правовых норм[294]. Также данной логике не противоречит факт наличия в доказывании своих специфических качеств, свойственных уголовному процессу.

Исходя из этого, резюмируем начало точки отсчёта или определенную аксиому: доказывание – это определенная разновидность познания, которая также подчиняется гносеологическим правилам. Исходя из этого следует вопрос: если доказывание является частью познания со своими специфическими свойствами, то какие качества мы придаем, во-первых, познанию, во-вторых, почему не происходит отождествления познания и доказывания.

Как исходя из этого, мы решительным образом подходим к проблеме истины (абсолютной, объективной, процессуальной и иной) как цели доказывания в уголовном судопроизводстве. С целью обоснования противоречивости рассматриваемой позиции и экономии времени кратко изложим основные тезисы, критикующие истину как цель доказывания.

Во-первых, как было указано выше, логически обосновывается то, что доказывания, будучи видом познания, обладает всеми признаками и свойствами познания как родового понятия (закон о необходимом основании), следовательно, познание, обладающее гносеологическими правилами, само по себе отрицает возможность достижение абсолютной, объективной и иной истины.

Во-вторых, было обосновано выше, что нельзя познать любое преступление полностью как невозможно расследовать любое преступление. Хоть постановка цели как установление всех значимых для уголовного дела обстоятельств и можно считать обоснованной, но постановка рассматриваемой цели для всего доказывания не видится целесообразным, в виду того…

В-третьих, введение объективной истины как цели доказывания является нарушением принципа состязательности сторон, так как сам предикат «объективный» определяет свойство предмета, лежащего вне сознания наблюдателя. В рамках уголовного процесса и доказывания этого явно недостаточно, в виду того, что любое доказательство подвергается обязательной оценке, как со стороны обвинения, так и сто стороны защиты и суда. В подобных обстоятельствах, возникает вопрос, какую точку зрения считать истинной, ведь доказательствами являются не факты объективного мира, а их интерпретация через призму сознания субъектов доказывания.

В-четвертых, объекты познания, будучи предметами прошлого, субъекты познания не могу познать объективна, так как сама по себе деятельность указанных субъектов носит именно субъективный характер. Исходя из этого, невозможно установить объективную истину в каждом конкретном деле.

---

[293] Божко А. П., Калентьева Т. А. Истина в уголовном процессе: нужна ли она нам сегодня? // Вестник ВУиТ. 2019. №2. 141 с.

[294] Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 217 с.

Таким образом, к установлению истины как цели доказывания стоит относится осторожно, ибо истина в рамках процесса доказывания обладает дуальностью своих свойств: с одной стороны, истина объективна, так как воспринимает феномены материального мира, лежащих вне сознания человека, с другой стороны, истина – понятие субъективное, являющиеся свойством человеческого знания. Злоупотребление истины, как цели доказывания, приведет, как писал Александров А. С.: «…если судебный приговор разрушает солидарность общества, раскалывает его, противопоставляет власть народу, то содержащееся в нем знание является неверным»[295], но, тем не менее, из сложившегося тупика необходимо найти выход.

В таком случае, опираться на истину как цель доказывания не представляется возможным? В подобном случае необходимо основываться на получении достоверного знания. Понятия истина и достоверность имеют ряд общих черт, если истина – это соответствие между знанием и действительностью (объективная истина), то достоверность, по мимо этого, обладает свойством обоснованности и доказанности полученного знания, что, конечно, отвечает цели доказывания в уголовном судопроизводстве. Как указывает Гришина Е.П. «замена истины как цели доказывания на достоверную доказанность фактических обстоятельств вполне оправдана, ибо категория достоверность более приемлема для судопроизводства, нежели категория истины».

В подобной концепции, ссылаясь на Гордея Я. В. и Архипова М. В., истина также считается целью доказывания, но это не объективная, не абсолютная, не процессуальная и т. д. истина в виду того, что истина в любом случае буде относительной в уголовном процессе, иное знание с иными свойства и качествами не представляется возможным установить в процессе доказывания[296]. Так, цель доказывания – истина, результат – достоверное знание. В подобной диалектической борьбе одно основывается и вытекает из другого: истина является достоверным знанием, но и достоверное знание необходимо с целью установления истины по делу.

Подтверждение подобной позиции можно найти и в материалах судебной практики, где высшие судебные инстанции оперируют термином «истина» в контексте того или иного метода доказывания обстоятельств по уголовному делу. Так, в апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации № 18-АПУ14-9[297] указывается следующее: «…в качестве смягчающих обстоятельств…суд признал наличие на иждевении пятерых несовершеннолетних детей, способствование установлению истины по делу и раскаяние в содеянном…». Далее, в ином апелляционном определении

---

[295] Александров А. С. Новая теория доказательств / Материалы Международной ассоциации содействия правосудию [Электронный ресурс] // URL: https://www.iuaj.net/node/406?ysclid=mkomlbo54z371152878 (дата обращения: 11.11.2025).

[296] Гордея Я. В. и Архипова М. В. Истина и достоверность в уголовном процессе / Казань: ООО «Бук». 74 с.

[297] Апелляционном определение Верховного Суда Российской Федерации № 18-АПУ14-9 от 14.09.2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Верховного Суда Российской Федерации № 31-АПУ19-8[298] отмечено следующее: «…не чинил препятствия в ходе предварительного и судебного рассмотрения дела, оказывал содействие в установлении истины по уголовному делу…».

К тому же, сами нормы УПК РФ, хоть прямо не указывают, но направляют субъектов доказывание именно на установление всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела в соответствии с целями ст. 6 УПК РФ.

Другими словами, истина, как цель доказывания, сводится, по мнению автора настоящих строк, не к установлению «объективной», «абсолютной», «процессуальной» и иной истины, а к получению достоверного знания об обстоятельствах, имеющих значения для разрешения уголовного дела. Иное бы, как было обосновано выше, отрицает вообще установление истины по уголовному делу. Истина, как цель доказывания, – это процесс установлении доказанного, достоверного знания об обстоятельствах уголовного дела. Едва ли можно с уверенность сказать, что в каждом уголовном деле рассматриваемая цель доказывания достигается, существует множество уже описанных проблем, поэтому истина как цель доказывания является не чем иным как декларативным принципом, к которому необходимо стремится, до достичь в полной мере ее реализации не представляется возможным.

Напоследок стоит ответить на тривиальный вопрос о необходимости введения настоящей дискуссии: в чем смысл поиска цели доказывания? Ответ на это исходит из тех начал, что в зависимости от того, какие исходные координаты мы берем, так и будем производить текущий расчет. Например, в зависимости от того, является ли истина абсолютной целью доказывания, то от этого будет зависеть и те свойства, которые мы придаем доказательствам (допустимость, достоверность, достаточность). От этого зависят пределы доказывания, пределы суверенитета личности, в терминологии Полякова А. В.[299] Исходя из этого, вопрос истины – несомненно практический вопрос, требующий дальнейшей научной разработки.

Список источников

1. Александров А. С. Новая теория доказательств / Материалы Международной ассоциации содействия правосудию [Электронный ресурс] // URL: https://www.iuaj.net/node/406?ysclid=mkomlbo54z371152878 (дата обращения: 11.11.2025).

2. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации № 31-АПУ19-8 от 12.11.2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[298] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации № 31-АПУ19-8 от 12.11.2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[299] Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.

3. Апелляционном определение Верховного Суда Российской Федерации № 18-АПУ14-9 от 14.09.2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Божко А. П., Калентьева Т. А. Истина в уголовном процессе: нужна ли она нам сегодня? // Вестник ВУиТ. 2019. №2. С. 138–145.

5. Гордея Я. В. и Архипова М. В. Истина и достоверность в уголовном процессе / Казань: ООО «Бук». 192 с.

6. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 254 с.

В. С. НИКИТИНА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Вопрос о правовой природе и доказательственном значении признания вины обвиняемым остается одним из самых актуальных и вызывающих живой интерес в уголовно-процессуальной науке и практике. Данная тема тесно связана не только с такими принципами уголовно-процессуального законодательства, как законность и презумпция невиновности, но и с назначением уголовного судопроизводства. Более того, отношение к рассматриваемой проблеме служит показателем профессиональной компетентности и уровня нравственных качеств правоприменителя. Как отмечают исследователи, на практике не редки случаи получения признания в результате незаконных действий следователя, при использовании им психического и физического насилия[300]. Закономерно возникает вопрос: для следователя обвиняемый виновен или не виновен? Однозначного ответа нет ни в научной литературе, ни в практике. Полагаем, субъективное отношение следователя к каждому из обвиняемых может быть различным, однако в своей работе он обязан неукоснительно следовать «букве закона».

В юридической доктрине до настоящего времени отсутствует единство в определении признания вины как уголовно-процессуального института. Одни исследователи определяют признание вины как сообщаемые (даваемые) подозреваемым, обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства све-

[300] Баев О. Я. Методика расследования принуждения к даче показаний, подкупа или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний: научно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2014. 39 с.

дения против самого себя, в которых он изобличает себя в совершении преступления и сознает его противоправность[301]. Другие акцентируют внимание прежде всего на внутренне отношение лица к тем обстоятельствам, участником которых он являлся[302]. На наш взгляд, под признанием вины следует понимать добровольное сообщение лицом, совершившим преступление, конкретных изобличающих его сведений правоохранительным органам на определенной стадии уголовного процесса и придание этим сведениям соответствующей процессуальной формы. Мотивами, побудившие лицо к признанию своей вины, могут быть разнообразными. В частности, к ним относятся: осознание того, что преступление всё равно будет раскрыто и последующее наказание неизбежно, расчёт на смягчение наказания, а также иные мотивы[303].

В соответствии с ч. 2 ст. 77 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) признание обвиняемым своей вины признается доказательством лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств[304]. Закон рассматривает признание обвиняемым своей вины как одно из доказательств, не имеющее приоритета перед другими. Важно отметить, что доказательством по уголовному делу следует считать не само признание вины, а информацию, содержащуюся в показаниях подозреваемого, обвиняемого, признающего свою вину, если они отвечают требованиям относимости, допустимости и достоверности[305]. Тем самым, требуется, чтобы вина обвиняемого была доказана независимо от его признания в совершении преступления. Несмотря на это, подобная формулировка в УПК РФ невольно побуждает правоприменителя закрыть дело как можно скорее, ограничившись формальным признанием вины и приобщения уже имеющихся доказательств. В результате, дело расследуется поверхностно и без всестороннего анализа всех доказательств, что в конечном счёте приводит к нарушению не только прав личности, но и принципов уголовного судопроизводства. Другими словами, признание вины, фактически, позволяет стороне обвинения снять с себя бремя доказывания. В связи с этим возникает объективная необходимость пересмотра отношения правоприменителя к признанию вины обвиняемым

[301] Соловьева Н. А., Перекрестов В. Н. Доказательственная функция признания // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 55–58.

[302] Андросенко Н. В. Признание лицом своей вины в совершении преступления и его правовые последствия: автореферат диссертации кандидата юридических наук: 12.00.09. Москва, 2008. 8 с.

[303] Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Вышэйш. школа, 1973. 210 с.

[304] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 №174-ФЗ: текст с изм. и доп. на 27 октября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[305] Андросенко Н. В. Признание лицом своей вины в совершении преступления и его правовые последствия: автореферат диссертации кандидата юридических наук: 12.00.09. Москва, 2008. 8 с.

с помощью внесения изменений в рассматриваемую норму. В частности, путём установления не дозволения, а запрета: «признание обвиняемым своей вины не может быть положено в основу обвинительного приговора без подтверждения его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Такой подход успешно применяется в ряде бывших союзных республик. Например, в УПК Республики Таджикистан ч. 2 ст. 76 говорится о том, что «признание обвиняемым своей вины не может быть положено в основу признания его виновным, если оно не подтверждено совокупностью имеющихся в деле доказательств»[306].

Не исключено, что вина лицом может быть признана полностью или частично. Иными словами, лицо фактически может признавать свою вину относительно того или иного совершенного им деяния, но не во всех случаях обвиняемый может осознавать юридическую сторону (квалификацию) конкретного преступления[307]. В связи с этим следует отличать признание вины от согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением. По нашему мнению, признание вины отражает субъективное (психическое) отношение лица к содеянному, в то время как согласие с обвинением означает, что обвиняемый принимает официальную версию следствия, изложенную в процессуальных документах. При согласии с предъявленным обвинением он понимает суть инкриминируемого ему деяния и согласен с его юридической квалификацией. Помимо этого, признание вины может быть получено в любой момент производства по уголовному делу, а согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением может быть высказано только после вынесения постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого. Различие заключается и в процессуальных последствиях. При согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением судебное решение принимается в особом порядке, а при признании вины такое требование отсутствует. Однако, сложившаяся судебная практика допускает особый порядок судопроизводства лишь в тех случаях, когда подсудимый не только соглашается с обвинением, но и полностью признаёт вину[308]. При отсутствии в материалах дела доказательств признания вины дело рассматривается судом в общем порядке.

Отдельно следует рассмотреть соотношение таких категорий, как признание вины и явка с повинной. Целесообразно обратится к позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который пришел к выводу, что ст. 142 УПК РФ определяет явку с повинной лишь как повод для возбужде-

---

[306] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: Закон от 3 дек. 2009 г.: с изм. и доп. по сост. на 3 января 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304.

[307] Днепровская М. А. Процессуальное значение признания вины и согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением в истории науки российского уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2009 г. № 4. 114 с.

[308] Смолькова И. В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) / И. В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 3 (32). 35 с.

ния уголовного дела, но не регламентирует её использование в качестве доказательства. Данная статья не противоречит нормам УПК РФ о доказывании и не отменяет обязательность их соблюдения при оглашении в суде заявления о явке с повинной[309]. При явке с повинной следует говорить о признании вины заявителем. Следовательно, рассматриваемые понятия соотносятся как содержание и форма, где признание вины является содержанием, а явка с повинной – одной из его процессуальных форм.

Таким образом, признание вины при соблюдении всех требований УПК РФ служит полноценным доказательством по уголовному делу, которое стоит наравне с иными доказательствами. Данный правовой институт играет важную роль как для доктрины, так и для правоприменительной практики, которая в условиях пробелов в правовом регулировании нередко обращается к положениям науки.

Список источников

1. Андросенко Н. В. Признание лицом своей вины в совершении преступления и его правовые последствия: автореферат диссертации кандидата юридических наук: 12.00.09. Москва, 2008. 24 с.

2. Баев О. Я. Методика расследования принуждения к даче показаний, подкупа или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний: научно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2014. 242 с.

3. Днепровская М. А. Процессуальное значение признания вины и согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением в истории науки российского уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2009 г. № 4. С. 110–115.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 г. № 326-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Вышэйш. школа, 1973. 367 с.

6. Смолькова И. В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) / И. В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 3 (32). С. 33–40.

7. Соловьева Н. А., Перекрестов В. Н. Доказательственная функция признания // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 55–58.

[309] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 г. № 326-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 №174-ФЗ: текст с изм. и доп. на 27 октября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: Закон от 3 дек. 2009 г.: с изм. и доп. по сост. на 3 января 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/ ?doc_id=30594304.

К. Д. ОСМОНОВ
М. СЕЗИМ

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Введение

Особенности производства следственных действий, включая удостоверение их хода и результатов, является одним из важных элементов уголовного судопроизводства, поскольку именно от верной фиксации процессуальных действий зависит допустимость и доказательственная сила полученных сведений. Следственные действия выступают основным инструментом собирания, проверки и закрепления доказательств, а их процессуальное оформление обеспечивает соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В условиях развития уголовно-процессуального законодательства и цифровизации общественных отношений особую актуальность приобретает сравнительно-правовой анализ особенностей удостоверения следственных действий в различных правовых системах. Интерес в этом контексте представляет соотнесение законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики, поскольку в уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики (далее по тексту- УПК КР) даже в результате реформы уголовного процесса были введены принципиально новые институты и подходы к фиксации и контролю следственных действий.

Основная часть

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ[310] следственные действия относятся к иным процессуальным действиям и средствам доказывания, необходимым для установления обстоятельств совершенного преступления. «Процесс доказывания сопровождает уголовное судопроизводство на всех его

[310] "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2025).

стадиях и является одной из его системообразующих составляющих»[311]. Следственные действия характеризуются направленностью на получение фактической информации, ее проверку, оценку и надлежащее процессуальное закрепление.

Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит легального определения понятия «следственные действия», что неоднократно становилось предметом научных дискуссий. В научной литературе отсутствует единство подходов к пониманию их сущности, состава и субъектного характера. Ряд ученых связывают следственные действия исключительно с деятельностью следователя, в то время как другие указывают на необходимость учета современных реалий уголовного судопроизводства и участия в них иных уполномоченных лиц.

Субъектом производства следственных действий в российском уголовном процессе признается следователь, а в отдельных случаях – орган дознания при наличии соответствующих полномочий. При этом специалисты (эксперты, врачи, психологи) не являются лицами, проводящими следственное действие, а выполняют вспомогательную функцию содействия расследованию[312]. Полученные в ходе следственных действий сведения подлежат обязательной фиксации в установленной законом процессуальной форме, прежде всего в протоколе, который удостоверяет как сам ход действия, так и его результаты.

По мнению Ю. С. Камягиной основной признак следственного действия заключается в ориентированности «на собирание и последующее использование всех необходимых и достаточных доказательств по уголовному делу»[313]. О. Я. Баев в своей научной работе отдельно отмечает в качестве значимых признаков следственных действий их направленность на собирание доказательств и регламентацию уголовно - процессуальным законом. Осуществление их должно быть направлено на формирование, последующее исследование, использование и оценку всех имеющихся доказательств[314].

Значительное внимание в УПК РФ уделяется вопросам судебного контроля. Следственные действия, затрагивающие конституционные права и свободы граждан (обыск, выемка, эксгумация, осмотр жилища и др.), производятся на основании постановления суда. Таким образом, судебное разрешение становится дополнительной гарантией законности и достоверности результатов следственных действий.

---

[311] Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.

[312] Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 10. С. 115–127

[313] Комягина Ю. С. Принципы следственных действий // Право и образование. 2016. № 11. С.135–145.

[314] Баев О. Я. Теория и практика следственных действий. Научно-практическое издание. М.: Прометей, 2022. 360 с.

В Кыргызской Республике уголовно-процессуальное законодательство претерпело кардинальные изменения с принятием нового УПК, вступившего в силу с 28 октября 2021 года. Так, в Республике Кыргызстан отказались от стадии возбуждения уголовного дела. Эта стадия является эксклюзивным институтом советского уголовного процесса и не существует в уголовном процессе западных стран[315], а уголовный процесс инициируется с момента внесения сведений в Единый реестр преступлений и проступков. В данном реестре фиксируются все процессуальные действия и решения, что обеспечивает дополнительную прозрачность и прослеживаемость уголовного производства. Следовательно, согласно новому уголовно-процессуальному кодексу стадиями уголовного процесса являются досудебное производство, предание суду, судебное разбирательство, апелляционное производство, исполнение приговора, кассационное производство, производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

УПК КР предусмотрено новое следственное действие – депонирование показаний (ст.205 УПК КР), в ходе которого следственный судья производит допрос потерпевшего, свидетеля, если имеются основания полагать, что более поздний допрос будет не возможет (например, по состоянию здоровья лица), в этом случае по общему правилу такие лица повторно в суде не допрашиваются.

Следовательно, институт следственного судьи представляет собой принципиально новый элемент уголовного судопроизводства Кыргызской Республики, который прямо указан в ст. 32 УПК КР[316]. Следственный судья осуществляет судебный контроль за законностью следственных и специальных следственных действий, принимает решения о применении мер процессуального принуждения и санкционирует действия, ограничивающие конституционные права личности. Удостоверение хода и результатов следственных действий в данной модели осуществляется с активным участием суда, что усиливает гарантии соблюдения прав участников процесса. В то же время в УПК РФ не предусматривает такого участника как «следственный судья» и аналогичными функциями в Российской Федерации наделяется **судья** в ходе досудебного производства, а именно при **рассмотрении ходатайств** о проведении следственных действий, требующих судебного решения, таких как обыск или арест. В отличие от стран, где есть институт следственных судей, в Российской Федерации эта функция разделена: следователь, руководитель следственного органа, дознаватель проводит расследование, а **судья** осуществляет **судебный контроль** над ними.

Особенностью уголовного процесса Кыргызской Республики является выделение группы специальных следственных действий, которые осуществляются без уведомления лиц, чьи интересы они затрагивают. К таким

---

[315] Махов В. Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 3 (25) Изд-во: Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь) 2014. Стр.180–185.

[316] Кодекс КР от 28 октября 2021 года № 129 "Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики".

действиям отнесены прослушивание переговоров, снятие информации с технических устройств, скрытое наблюдение, внедрение в преступную среду и другие. В Кыргызской Республике специальные следственные действия закреплены в УПК КР как самостоятельный вид процессуальных действий. Производство специальных следственных действий допускается, как правило, по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и осуществляется в рамках досудебного производства под контролем следственного судьи. В Российской Федерации аналогичные по содержанию мероприятия не относятся к следственным действиям и не регулируются УПК РФ как таковые. Они осуществляются в рамках оперативно-розыскной деятельности на основании Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[317]. Результаты ОРД не владеют статусом доказательств и могут быть применены в уголовном процессе только после их процессуального оформления посредством производства соответствующих следственных действий.

И еще одним новым участником уголовного процесса Кыргызской Республики является представитель юридического лица, в отношении которого применяются меры уголовно-правового воздействия, который должен принимать участие в уголовном процессе для обеспечения прав и интересов юридического лица. В качестве представителя может участвовать адвокат, а также физическое лицо, которому полномочиями предоставлены по доверенности или документами, регулирующими деятельность организации, за исключением лиц, личные интересы которых противоречат интересами представляемого юридического лица. В отличие от этого, в УПК РФ юридическое лицо является самостоятельным участником уголовного судопроизводства и реализует свои права через представителя. Представителем юридического лица может выступать его руководитель либо иное лицо, действующее на основании доверенности, при этом он вправе заявлять ходатайства, участвовать в следственных действиях и обжаловать процессуальные решения.

Важной особенностью кыргызского уголовного процесса является отказ от института понятых и переход к обязательному использованию технических средств фиксации. Применение аудио- и видеозаписи позволяет более полно и объективно отразить ход и результаты следственных действий, снижает риск процессуальных нарушений и повышает достоверность доказательств. Вместе с тем отказ от института понятых при обязательном использовании технических средств фиксации имеет и недостатки, поскольку при отсутствии надлежащего контроля за сохранностью и целостностью аудио- и видеозаписей возрастает риск манипулирования результатами следственных действий и ограничения гарантий прав участников процесса.

[317] Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025).

Тем временем как в российском уголовном процессе предусмотрен отдельный участник - «понятой», процессуальный статус которого регламентируется статьей 60 УПК РФ.

Заключение

Анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики позволяет сделать вывод о том, что особенности производства следственных действий, включая удостоверение их хода и результатов, в обеих правовых системах направлено на обеспечение законности, достоверности и допустимости доказательств. Вместе с тем подходы к процессуальной фиксации и судебному контролю существенно различаются.

Российская модель уголовного процесса в большей степени сохраняет традиционные положения, уделяя основное внимание протоколированию следственных действий и судебному санкционированию отдельных процессуальных мер. В Кыргызской Республике реализована реформированная модель, характеризующаяся расширением судебного контроля, динамичным использованием технических средств фиксации и цифровизацией уголовного судопроизводства.

Сравнительно-правовой анализ подтверждает о целесообразности дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации с учётом положительного опыта Кыргызской Республики, прежде всего в части цифровизации удостоверения следственных действий и расширение механизмов судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Осуществление указанных направлений может содействовать повышению эффективности расследования преступлений, укреплению гарантий прав личности и гарантией баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе.

Список источников

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 28.11.2025).

2. Кодекс КР от 28 октября 2021 года № 129 "Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики" URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-37/edition/2086/ru (дата обращения: 27.11.2025).

3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) "Об оперативно-розыскной деятельности" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76736/ (дата обращения: 29.11.2025).

4. Баев О. Я. Теория и практика следственных действий. Научно-практическое издание. М.: Прометей, 2022. 360 с.

5. Комягина Ю. С. Принципы следственных действий // Право и образование. 2016. № 11. 346 с.

6. Махов В. Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестник Перм-

ского университета. Юридические науки. 3 (25) Изд.: Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь) 2014. 185 с.

7. Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.

8. Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 10. 127 с.

Т. Р. РАДЖАБОВА

научный руководитель
Е. А. КУХТЯЕВА

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ НАРУШЕНИЯХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА, ВЫСТУПАЮЩИХ ОСНОВАНИЯМИ ДЛЯ ОТМЕН ПРИГОВОРА, ПОСТАНОВЛЕННОГО НА ОСНОВЕ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Юбилейная дата для суда присяжных в России наступила в 2023 году, который ознаменовал три десятилетия с момента его восстановления в 1993 году. По мнению специалистов-практиков, траектория развития этого возрожденного института правосудия была неравномерной и сложной. Институт прошел через трансформации: значительное ограничение юрисдикции. Сначала произошёл возврат к декларированию приверженности традиционной форме присяжного судопроизводства, при этом его юрисдикция была распространена и на судебные органы районного уровня; этому предшествовала практически успешная попытка преобразований, ориентированных на шеффенскую судебную систему[318].

После реформирования института в 2016 году ежегодный объём судебных разбирательств с участием коллегии присяжных заседателей стабилизировался на уровне приблизительно двух тысяч уголовных производств[319], что подтверждается статистикой минувшего года, на которую ссылается исследователь С.А. Насонов[320].

В уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в статье 389.27 УПК РФ, установлены особенности пересмотра судебных решений по делам с участием присяжных. Когда приговор выносится на основе вердикта коллегии присяжных, его можно отменить или изменить только при обстоятельствах, указанных в пунктах 2-4 статьи 389.15 УПК РФ.

---

[318] Насонов С. А. Суд присяжных: итоги 2023 года и прогноз на 2024 год. URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения 30.05.2024).

[319] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 7.05.2025).

[320] Насонов С. А. Суд присяжных: итоги 2023 года и прогноз на 2024 год. URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 30.05.2024).

Законодательство предусматривает апелляционный механизм, позволяющий оспорить решение суда присяжных в трех ключевых случаях: при значительных процессуальных нарушениях, неправильном применении норм Уголовного кодекса или явной несправедливости вынесенного приговора. Процессуальные нарушения возникают в случаях, когда председательствующий судья не обратил внимание присяжных заседателей на несогласованность или противоречия в их вердикте и не направил их на повторное обсуждение для уточнения занятой позиции. Также основанием для пересмотра дела в апелляционном порядке может стать воздействие на формирование перечня вопросов, адресованных присяжным, либо на содержание их ответов.

Право на апелляцию возникает и в обстоятельствах, связанных с нарушением правомерных интересов участников судопроизводства со стороны обвинения – представителей прокуратуры, пострадавших лиц, их адвокатов или свидетельствующих граждан.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»[321] предусматривает достаточно объемный перечень нарушений, которые могут выступать основанием для отмены приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей. Анализ данного Постановления показывает, что список процессуальных нарушений носит открытый характер.

Юристами, осуществляющими адвокатскую деятельность, был составлен и представлен аналитический материал, раскрывающий судебные прецеденты. В рамках настоящей работы рассматриваются причины аннулирования судебных решений, вынесенных с участием коллегии народных заседателей. Авторами выделено пять групп процессуальных ошибок, способных повлечь пересмотр подобных вердиктов[322]:

1. Нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта.

2. Нарушения, связанные с формированием коллегии присяжных заседателей.

3. Нарушения, связанные с ведением протокола судебного заседания.

4. Нарушения, связанные с формированием вопросного листа.

5. Нарушения, связанные с вынесением итогового судебного решения.

Вкратце, рассмотрим каждое из нарушений.

Нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта

---

[321] О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 22.11.2005 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru.

[322] Арутюнян О. Обзор судебной практики с основаниями для отмены приговора суда, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей (часть 3). // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://fparf.ru (дата обращения: 08.05.2025).

В постановлении 1КСОЮ, датированном 16 июля 2020 года, зафиксировано следующее: протокольные материалы свидетельствуют о том, что судебный помощник не просто присутствовал в совещательной комнате, а принимал активное участие в дискуссиях с присяжными относительно доказательств по предъявленным обвинениям еще до того, как был официально оформлен их вердикт. Более того, судья, ведущий процесс, фактически навязывал присяжным определенное решение и оказывал на них противоправное давление, что является грубым нарушением процедуры[323].

Ошибки при формировании состава присяжных. 29 мая 2013 года Президиум Верховного Суда Российской Федерации вынес постановление об отмене судебного решения Курского областного суда, вынесенного по итогам оправдательного вердикта присяжных. Основанием послужило выявление факта участия в составе коллегии гражданина П., имеющего диагноз эпилепсия. При формировании коллегии председательствующий судья интересовался у кандидатов, имеются ли у них физические либо психические ограничения, препятствующие полноценному участию в судебном разбирательстве, такие как инвалидность или какие-либо заболевания. Гражданин П. сообщил лишь о наличии у него третьей группы инвалидности, заверив суд, что это не препятствует исполнению обязанностей присяжного заседателя. Таким образом, П. утаил сведения о наличии у него эпилепсии.

Один из членов коллегии присяжных скрыл от председателя суда информацию о наличии у него неснятой судимости. Данное обстоятельство делало невозможным его участие в судебном процессе в качестве присяжного[324]. (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 82-О12-39сп).

Нарушения, связанные с ведением протокола судебного заседания. Апелляционным определением Ставропольского краевого суда от 2 июля 2020 г. отменен приговор Кировского районного суда Ставропольского края ввиду того, что протоколе судебного разбирательства обнаружены серьезные недостатки: многочисленные фразы участников процесса обрываются многоточиями, что делает показания неполноценными; отсутствие в материалах дела письменных текстов ходатайств и неотражение их сути в протоколах создает невозможность определения их содержания, мотивировки и проверки обоснованности решений, принятых судом первой инстанции по данным ходатайствам.

Исследование материалов дела выявило существенные несоответствия. Аудиозапись процесса, которая должна была прилагаться к бумажному про-

[323] Определение 1КСОЮ от 16 июля 2020 г. № 77-1110/2020 // URL: https://судебныерешения.рф/56367805. (дата обращения: 13.05.2025).

[324] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 82-О12-39сп // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/14386/ (дата обращения: 08.05.2025).

токолу, не обнаружена на приложенном диске. Кроме того, в деле присутствуют два идентичных листа протокола (л. д. 51, 52), содержащие противоречивую информацию относительно времени, когда присяжные удалились в совещательную комнату для формирования вердикта[325].

Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 2 июля 2020 г. № 22-2961/2020.

Нарушения, связанные с формированием вопросного листа. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор Верховного Суда Республики Калмыкии. Анализируя ответы на седьмой и четвертый вопросы, обнаружила несоответствие в выводах относительно действий А. в рамках инкриминируемого деяния. При ответе на вопрос № 4 коллегия присяжных признала недоказанным не только сам факт выстрела из пистолета в описанных обвинением условиях, но и причастность А. к производству этого выстрела. Однако в ответе на вопрос № 7 присяжные утверждают, что А. произвел нажатие на спусковой крючок оружия, что явно противоречит их предыдущему заключению. Проблема кроется в изначально некорректной формулировке обоих вопросов, структура которых неизбежно приводила к противоречивым ответам независимо от позиции присяжных[326].

Нарушения, способные вызвать предубеждение присяжных заседателей либо повлиявшие на содержание данных ими ответов. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор Кемеровского областного суда в том числе ввиду того, что ответы присяжных были искажены из-за неоднократных нарушений процессуального законодательства со стороны обвиняемого. Несмотря на множественные замечания, подсудимый продолжал злоупотреблять своими правами, игнорируя требования статьи 336 УПК РФ. Председательствующему пришлось более 25 раз прерывать выступление обвиняемого во время прений. Обвиняемый систематически обвинял судью в предвзятости и необоснованном отклонении его ходатайств об отводе, что могло сформировать у присяжных предубеждение и повлиять на их решение[327].

Судебная практика демонстрирует систематические случаи, когда нарушаются процессуальные нормы при рассмотрении дел с участием коллегии присяжных. Э. М. Меликов, Т. В. Зеленская характеризуют эти действия как закономерные явления, оказывающие существенное влияние на

---

[325] Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 2 июля 2020 г. № 22-2961/2020 // https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-_-22-2961_20-ot-02.07.2020-stavropolskogo-kraevogo-suda-(stavropolskiy-kray) (дата обращения: 10.05.2025).

[326] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2022 г. № 42-УД22-5сп-А3 // https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23062022-n-42-ud22-5sp-a3/ (дата обращения: 10.05.2025).

[327] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2013 г. № 44-АПУ13-4сп // https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-23052017-n-81-apu17-4sp/(дата обращения: 10.05.2025).

восприятие дела непрофессиональными судьями. Многочисленные примеры из зала суда свидетельствуют о попытках неправомерного манипулирования мнением присяжных вопреки требованиям уголовно-процессуального законодательства[328].

Анализируя факторы, приводящие к таким нарушениям, приходится признать, что одной из ключевых проблем, как отмечают некоторые исследователи, выступает недостаточная квалификация судей на муниципальном уровне. Многие из них никогда не сталкивались с ведением процессов в подобном судебном формате. Специалисты в юридической сфере указывают на системные причины отмены оправдательных решений по делам с участием присяжных. В первую очередь, это пробелы в законодательной базе и отсутствие четких директив от высшей судебной инстанции – Пленума Верховного Суда Российской Федерации – касательно особенностей данного судопроизводства[329].

В связи с трудностями, которые встречаются в реальной судебной деятельности, целесообразно расширить официальные комментарии высшей судебной инстанции страны по вопросам рассмотрения дел с привлечением присяжных заседателей. Требуется скорректировать существующее решение Пленума в части толкования уголовно-процессуальных положений, уделив особое внимание тем моментам, которые вызывают наибольшие затруднения у правоприменителей.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 18. 12. 2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // «Собрание законодательства РФ». 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2025г.).

2. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 22.11.2005 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru.

3. Арутюнян О. Обзор судебной практики с основаниями для отмены приговора суда, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей (часть 3). URL: https://fparf.ru (дата обращения: 08.05.2025).

[328] См.: Меликов Э. М. Суд присяжных: типичные ошибки адвокатов, формирующие предубеждение присяжных заседателей // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф.. Вологда, 2019. С. 39–41 ; Зеленская Т. В. Некоторые вопросы, связанные с отменой приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2. С. 18–28.

[329] Зеленская Т. В. Некоторые вопросы, связанные с отменой приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2. С. 18–28.

4. Зеленская Т. В. Некоторые вопросы, связанные с отменой приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей / Т. В. Зеленская // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2. С. 18–28.

5. Меликов Э. М. Суд присяжных: типичные ошибки адвокатов, формирующие предубеждение присяжных заседателей / Э. М. Меликов // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф.. Вологда, 2019. С. 39–41.

6. Насонов С. А. Суд присяжных: итоги 2023 года и прогноз на 2024 год. URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 30.05.2024).

8. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 07.05.2025).

9. Определение 1КСОЮ от 16 июля 2020 г. № 77-1110/2020 // URL: https://судебныерешения.рф/56367805. (дата обращения: 13.05.2025).

10. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 82-О12-39сп // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/14386/ (дата обращения: 08.05.2025).

11. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 2 июля 2020 г. № 22-2961/2020 // https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-_-22-2961_20-ot-02.07.2020-stavropolskogo-kraevogo-suda-(stavropolskiy-kray) (дата обращения: 10.05.2025).

12. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2022 г. № 42-УД22-5сп-А3 // https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23062022-n-42-ud22-5sp-a3/ (дата обращения: 10.05.2025).

13. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2013 г. № 44-АПУ13-4сп // https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-23052017-n-81-apu17-4sp/ (дата обращения: 10.05.2025).

Д. А. СЕНЬКИНА

научный руководитель
канд. юрид. наук **С. П. КУШНИРЕНКО**

СЛОЖНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ НАЛИЧИЯ ПРЯМОГО УМЫСЛА ЛИЦА ПО ДЕЛАМ О ПРЕДНАМЕРЕННЫХ БАНКРОТСТВАХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Экономическая безопасность государства и стабильность рыночных отношений являются стратегическими приоритетами Российской Федерации. Однако, как показывают результаты проведённых исследований, институт несостоятельности (банкротства), изначально созданный для финансового «оздоровления» рынка от экономически неэффективных компаний и защиты интересов кредиторов, в современных условиях часто используется недобросовестными участниками рыночных отношений как инструмент незаконного обогащения и уклонения от исполнения денежных обязательств.

Преднамеренные банкротства юридических лиц представляют собой одну из наиболее серьёзных угроз экономической безопасности государства, характеризующихся высокой латентностью. Криминальный характер банкротства часто замаскирован под обычную хозяйственную деятельность. Несмотря на очевидную угрозу, эффективность борьбы с преднамеренными банкротствами обусловлено рядом правовых и практических проблем. В частности, существенные сложности вызывает доказывание субъективной стороны преступления, а именно, наличия прямого умысла лица.

Преднамеренное банкротство юридических лиц, уголовная ответственность за которое предусмотрена в статье 196 Уголовного кодекса Российской Федерации, относится к преступлениям в сфере экономической деятельности и представляет собой умышленное совершение действий (бездействия), приводящих к созданию или увеличению неплатежеспособности должника и причиняющих крупный ущерб кредиторам.

Критериальной особенностью конструкции состава данного преступления является то, что банкротство – это законный правовой инструмент, однако преступлением его делает специфическое сочетание двух признаков: во-первых, умышленной формы вины и, во-вторых, характера последствий – причинения крупного ущерба. Данная законодательная конструкция создаёт основную сложность в доказывании, поскольку необходимо установить не только объективные признаки деяния (отчуждение имущества, сокрытие активов и т.д.), но и психическое отношение лица к совершаемым действиям и их последствиям.

Эмпирической основой данного исследования служат результаты проведённого анкетирования 195 следователей 36 следственных управлений МВД России из 37 субъектов Российской Федерации, посвящённого мето-

дике расследования преднамеренных банкротств юридических лиц. Согласно результатам анкетирования, значительная часть следователей испытывает сложности при установлении наличия или отсутствия прямого умысла лица на совершение данного преступления.

Сложность доказывания умысла при преднамеренном банкротстве обусловлена комплексом факторов:

Во-первых, банкротство само по себе является гражданско-правовым инструментом и не всегда может быть однозначно классифицировано как преступное деяние. В частности, на практике иногда достаточно сложно разграничить преступный умысел и предпринимательский риск при осуществлении законной хозяйственной деятельности.

Во-вторых, преднамеренное банкротство часто замаскировано под обычную хозяйственную деятельность, что затрудняет выявление преступного умысла и требует проведения всестороннего экономического анализа совершённых операций.

В-третьих, в доктрине уголовного права отсутствует единое мнение относительно формы умысла при совершении преднамеренного банкротства; в то время как на практике доминирует подход, согласно которому преднамеренное банкротство может быть совершено исключительно с прямым умыслом.

В теории уголовного права существуют различные позиции относительно формы умысла лица, совершившего преднамеренное банкротство [1, с. 31]. Некоторые учёные, в частности Б. В. Волженкин, указывают на то, что умысел может быть любым – как прямым, так и косвенным [3, с. 131]; другие же, в частности И. Ю. Михалёв, убеждены в том, что умысел может быть исключительно прямым; при этом никто из представителей научного сообщества не высказывает мнение о том, что совершение преднамеренного банкротства возможно исключительно с косвенным умыслом [4, с. 110].

Представляется более обоснованным мнение сторонников позиции о возможности совершения преднамеренного банкротства исключительно с прямым умыслом, поскольку использование законодателем слова «преднамеренное» в диспозиции статьи 196 Уголовного кодекса Российской Федерации указывает на то, что лицо осознаёт общественную опасность своих действий (бездействия); предвидит как объективную возможность, так и неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде банкротства; желает наступления этих последствий.

По результатам проведённого анкетирования можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство следователей (свыше 85 процентов) указали, что преднамеренное банкротство может быть совершено исключительно с прямым умыслом и не может быть совершено с косвенным умыслом. Данный подход представляется обоснованным и полностью соответствует позиции автора настоящей статьи.

Существенной сложностью по делам о преднамеренных банкротствах также является обоснование наличия причинно-следственной связи между

действиями (бездействием) лица и наступившей неплатежеспособностью юридического лица. Необходимо различать: если финансово-хозяйственная деятельность организации привела к убыткам в результате объективных экономических факторов [2, с. 51], а не целенаправленных действий руководителя компании, то состав преступления отсутствует.

Для квалификации деяния по статье 196 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо установить, что деяние причинило крупный ущерб, размер которого определен в примечании к статье 170.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Важной проблемой, возникающей на практике, является доказывание того, что размер причинённого ущерба «охватывался» умыслом лица. Как показывает судебно-следственная практика, лицо, совершающее преднамеренное банкротство, может не знать точный размер ущерба в денежном выражении, но осознавать, что его действия неизбежно приведут к причинению крупного ущерба кредиторам, должно.

В судебно-следственной практике особое внимание уделяется следующим фактическим обстоятельствам, потенциально свидетельствующим о наличии прямого умысла на совершение преднамеренного банкротства:

Во-первых, заключение юридическим лицом сделок на условиях, не соответствующих рыночным, или экономически невыгодных или нецелесообразных сделок. Например, заключение договора по цене, заведомо ниже рыночной стоимости или безвозмездное отчуждение имущества, рассматриваются как свидетельство намерения лица причинить ущерб кредиторам. Кроме того, оценивается объективная экономическая целесообразность заключения сделки для организации.

Во-вторых, заключение сделок, приводящих к невозможности осуществления юридическим лицом основной деятельности. В частности, отчуждение основных производственных активов, необходимых для функционирования организации, также рассматривается как одно из доказательств наличия прямого умысла.

В-третьих, заключение юридическим лицом сделок с аффилированными лицами, в частности, если указанные сделки приводят к переводу активов на подконтрольные организации. Схемы, при которых лицо, действующее через подконтрольные ему организации, может скрывать свой прямой или опосредованный контроль и манипулировать активами в целях доведения основной организации до банкротства, рассматриваются в качестве одного из наиболее очевидных свидетельств намеренного доведения до банкротства.

В-четвёртых, неосуществление юридическим лицом мер по взысканию дебиторской задолженности. Особое внимание уделяется анализу наличия либо отсутствия аффилированности между юридическим лицом-банкротом и его должником. Если дебитор является аффилированным лицом, неуплата задолженности может быть связана с попыткой вывести активы из основной организации.

В-пятых, тщательному анализу подвергается вопрос о том, кто был заявителем – лицом, обратившимся в арбитражный суд с заявлением о признании юридического лица банкротом. Это важное обстоятельство, так как особое внимание требуют случаи, когда заявителем являлись аффилированные лица должника или сам должник.

Вышеуказанные фактические обстоятельства на практике часто трактуются как доказательства наличия прямого умысла на совершение преднамеренного банкротства.

Кроме того, также в качестве доказательства наличия прямого умысла может являться процессуальное поведения лица в ходе процедуры банкротства, в частности, когда лицо умышленно создает препятствий для работы арбитражного управляющего, уклоняется от предоставления документов, скрывает имущество и так далее.

На основе проведённого исследования можно сделать вывод о том, что доказывание наличия прямого умысла на совершение преднамеренного банкротства юридического лица остаётся одной из наиболее сложных и актуальных проблем по данной категории дел. Основные сложности обусловлены многоаспектностью состава преступления, необходимостью проведения сложного финансово-хозяйственного анализа деятельности юридического лица.

В связи с вышеизложенным, по мнению автора, представляется необходимым проведение дальнейших научных исследований по данной теме и разработка унифицированных методических рекомендаций для выявления наличия или отсутствия прямого умысла на совершение преднамеренного банкротства юридического лица.

Список источников

1. Бертовский Л. В., Гаврилова Н.А. Методика расследования преднамеренных банкротств: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 184 с.

2. Губко В. А. Установление умысла на совершение преднамеренного банкротства (ст. 196 УК) // Законность. 2024. № 5. С. 51–56.

3. Коренная А. А. Субъективная сторона предусмотренных ст. 195, 196, 197 УК РФ // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 131–132.

4. Русяев И. Н. Криминальное банкротство (ст. ст. 195–197 УК РФ) : уголовно-правовой анализ составов преступлений и вопросы дифференциации ответственности : дис. ... кандидата юридических наук. Казань, 2025. 259 с.

УДК 340.6

М. А. СТЕПИНА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ СПОСОБА УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

В настоящее время понятие особой жестокости не нашло законодательного закрепления, что создает проблему толкования данного понятия правоприменителем. Выдвинуто множество точек зрения по поводу того, что будет свидетельствовать о наличии или отсутствии такого обстоятельства, подлежащего установлению, как особая жестокость.

Многие исследователи при толковании понятия «особая жестокость» отсылают к толковым словарям русского языка. В частности, в словаре Ожегова С. И. жестокость раскрывается через понятие «жестокий», т. е. крайне суровый, безжалостный, беспощадный [1, с. 195].

Питерцев С.К. считает, что убийство, признаваемое особо жестоким, «должно характеризоваться крайней степенью жестокости – жестокостью сверхобычной, из ряда вон выходящей, исключительной» [2, с. 18].

«Особая жестокость – это сопровождающее или следующее за насильственным преступлением, не обязательное для его совершения и наступления обычных для него последствий, умышленное действие (или бездействие), состоящее в причинении потерпевшему или его близким дополнительного, как правило, тяжелого, физического или психического страдания» [3, с. 8].

Однако, несмотря на ряд предлагаемых признаков, все они являются оценочными и будут иметь место только в их общей совокупности.

Так, одной из ключевых характеристик для квалификации данного рода преступлений является использование такого способа, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т. д.)[330].

В тоже время ключевым доказательством, на которое ориентируется правоприменитель, для установления наличия или отсутствия у потерпевшего особых страданий, является заключение судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ).

Законодатель в статье 196 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) установил перечень ситуаций, когда проведение экспертизы будет

[330] О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1: текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. П. 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;

иметь обязательный характер. К ним относятся, в частности, необходимость установления:

1. причины смерти;
2. характер и степень вреда, причиненного здоровью;
3. психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания и др.[331].

В данном случае характер и степень причинения вреда, а также определение времени наступления смерти помогут установить прижизненность и локализацию нанесенных повреждений, а выяснение психического состояния потерпевшего поможет установить факт причинения ему особых страданий при совершении убийства с особой жестокостью.

По мнению Яни П.С., «…важное значение имеет заключение эксперта, который определит прижизненность нанесенных ударов…» [4, с. 28].

Безусловно, само по себе заключение эксперта не будет являться неоспоримой гарантией причинения лицу особых страданий, так как о наличии квалифицирующего признака «особой жестокости» может свидетельствовать лишь совокупность ряда признаков, часть из которых найдет отражение в заключении СМЭ.

Данная позиция находит своё подтверждение в работе Серовой Е. Б., по мнению которой «бесспорно, что в каждом случае причинно-следственную связь необходимо устанавливать совокупностью доказательств по уголовному делу, однако ядром этих доказательств, их выражением с точки зрения индивидуально-психологических особенностей потерпевшего и обвиняемого являются выводы экспертизы» [5, с. 50].

Яни П. С. полагает, что «…необходима конкретизация действий, причиняющих особое страдание и мучения жертве, подтверждение которых будет получено в заключение эксперта...» [4, с. 31].

Нередки ситуации обжалования осужденными приговоров судов, согласно которым они признаны виновными в преступлении, предусмотренном п. «д» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса (далее – УК), требуя признать результаты СМЭ недопустимым доказательством вследствие нарушения процедуры ее проведения, ее осуществления некомпетентными лицами, так как они понимают особую роль заключения эксперта[332].

Помимо помощи в определении способа совершения преступления, заключение эксперта будет играть ключевую роль при определении и мотива лица, совершившего преступление, так как при необходимости определения

---

[331] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ: текст с изм. и доп. на 1 сентября 2025 г. ст. 196. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

[332] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 20 мая 2021 г. по уголовному делу № 75-УД21-9-А2 // Верховный суд Российской Федерации: сайт. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-20052021-n-75-ud21-9-a2/ (Дата обращения: 20.09.2025).

наличия основания для возбуждения уголовного дела будет иметь значение психическое состояние как виновного лица, так и жертвы.

Так, по мнению Попова А. Н., «убийство может рассматриваться как совершенное в отношение лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (т. е. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), в тех случаях, когда потерпевший не осознавал характер происходящего, а виновный никаким иным образом при совершении преступления не проявил особой жестокости» [6, с. 51].

Установление психического состояния жертвы играет порой ключевую роль при возникновении спорных моментов. Так, для определения степени вменяемости жертвы на момент совершения преступления перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Страдает ли потерпевший каким-либо психическим расстройством сейчас и на момент совершения в отношении него инкриминируемых деяний?

2. Какова степень развития данного расстройства (если страдает/страдал)?

3. Выражаются ли вовне симптомы имеющегося заболевания? Если да, то каким образом, могут ли окружающие это распознать?

4. Мог ли потерпевший во время преступных событий в силу своего психического состояния осознавать характер совершаемых в отношении него действий?

Описываемая процедура будет иметь центральную роль при определении признаков преступления, а в дальнейшем предмета доказывания содеянного, так как в ситуации, когда лицо физически не может сопротивляться, однако при этом осознает характер всех совершаемых с ним действий и испытывает при этом особые страдания, данное деяние будет рассматриваться как убийство с особой жестокостью в случае установления умысла виновного лица на причинение таких страданий и дополнительно квалифицирующий признак «совершенное в отношение лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» вменять не потребуется.

Нередки случаи, когда способ убийства и наступления смерти свидетельствует с первого взгляда о причинении смерти с особой жестокостью, однако общая обстановка совершения преступления, а также психическое отношение лица, наносящего множественные удары жертве, говорят о наличии у лица состояния аффекта.

Необходимо установить цель нанесения множества ударов при конкретной следственной ситуации. В случае самозащиты предполагаемым виновным лицом или же совершения преступления в состоянии сильного душевного волнения признак особой жестокости однозначно будет отсутствовать.

По мнению А. Н. Попова, «…при отсутствии оснований для квалификации по ст. 107 УК РФ и наличии признаков особой жестокости применению подлежит п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ…» [7, с. 111].

19 октября 2017 года Советским районным судом г. Уфы был вынесен приговор в отношении женщины, убившей свою 25-летнюю дочь. Находясь

в состоянии сильного душевного волнения (кумулятивного аффекта), возникшего на фоне длительной психотравмирующей ситуации, связанной с особенностями поведения дочери(ранняя беременность, разгульный образ жизни, отсутствие денежных средств) по субъективному восприятию мать с целью причинения смерти дочери, взяла в свои руки находящийся в кладовке квартиры кухонный топор, после чего подошла к ней и, действуя в состоянии кумулятивного аффекта, нанесла кухонным топором, используя его в качестве орудия преступления, не менее 40 ударов по различным частям тела, а в том числе по жизненно-важным органам – голове, шее и в область верхних конечностей, причинив дочери множественные телесные повреждения которые по признаку опасности для жизни расцениваются как тяжкий вред здоровью и состоят в прямой причинной связи со смертью[333].

Здесь наличие кумулятивного аффекта было подтверждено заключением комплексной психолого-психиатрической экспертизы, в ходе которой перед экспертом ставятся следующие вопросы:

1. Находилось ли лицо в период совершения инкриминируемых ему деяний в состоянии физиологического аффекта или иного эмоционального состояния, существенно повлиявшего на его сознание и характер действий?

2. Что явилось для лица психотравмирующей ситуацией? Носила она внезапный характер или длительный, продолжаемый?

3. Имела ли место симуляция обследуемым состояния сильного душевного волнения в момент совершения им инкриминируемых деяний?

Судебно-психиатрическая экспертиза при расследовании рассматриваемых преступлений играет двойственную роль. С одной стороны, выводы, сделанные экспертом, помогают сложить в единое целое все доказательства, имеющиеся по делу, свидетельствующие о наличии квалифицирующего признака, с другой же, при процессуальных ошибках, допущенных в процессе ее назначения и проведения, результаты проведенной СМЭ могут быть признаны недопустимыми и исключены из числа доказательств по делу.

Список источников

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. 917 с.

2. Питерцев С. К. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь // Советская юстиция. 1973. № 19. С. 18.

3. Закалюк А. П., Жарый В. Д., Ковальский В. С. и др. Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования). Киев, 1989. 8 с.

4. Яни П. С. Убийство, сопряженное с особой жестокостью: вопросы квалификации // Законность. 2022г. №10. С.27–32.

[333] Приговор Советского районного суда г. Уфы от 19 октября 2017 г. по делу № 1-467/2017 // ЮРКОНСУЛЬТ: сайт.URL:https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-107-uk-rf-ubijstvo-sovershennoe-v-sostojanii-affekta/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-107-uk-rf--1-4672017--ubijstvo-sovershennoe-v-sostojanii-affekta.html (дата обращения: 20.09.2025).

5. Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против личности: учебное пособие. Часть I: Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против жизни / Е. Б. Серова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 56 с.

6. Попов А. Н. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 года № 1 с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 года № 7, 3 апреля 2008 года № 4, 3 декабря 2009 года № 27 / А. Н. Попов. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. с.51.

7. Попов А. Н. Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 111.

К. В. ФРАНЧАК

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Н. В.КУЛИК**

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ПРОКУРОРОМ ОСНОВАНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 237 УПК РФ

Институт возвращения уголовного дела прокурору позволяет устранять выявленные существенные нарушения закона и обеспечивает справедливость судебного процесса. Особое значение состоит в устранении недостатков, наличие которых влияет не только на возможность объективного установления обстоятельств дела, на оценку обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и на характер уголовного преследования.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в случае, если обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления судья возвращает дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения.

Оценивая основания, предусмотренные статьей 237 УПК РФ, необходимо устанавливать возможность устранения нарушений во время судебного разбирательства и дальнейшего рассмотрения дела по существу с последующим вынесением обоснованного, законного приговора.[334]

[334] Возвращение уголовного дела судом прокурору в российском уголовном процессе : учебное пособие / Н. П. Дудин, В. А. Шиплюк. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009 72 с.

К существенным недостаткам, которые препятствуют рассмотрению дела в суде и требуют возвращения дела для их устранения прокурору, можно отнести: неустановление размера ущерба, причиненного потерпевшему; отсутствие или неполное, неточное изложение обстоятельств совершения преступления; несоответствие события преступления его описанию в обвинительном заключении и постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. А также «Недостаточное описание действий подсудимого, относящихся к объективной стороне преступления…Отсутствие четкой диспозиции части статьи или недостаточное определение признаков преступления… Противоречия в данных о личности обвиняемого, которые могут привести к тому, что обвинение направлено не по адресу»[335].

Как отмечалось раннее, необходимо обращать внимание на сущность и устранимость недостатков. На практике следователи и дознаватели совершают технические опечатки, описки, влекущие ненадлежащее оформление доказательств. Среди них опечатки в дате рождения, фамилии, имени, отчестве лиц, квалификации деяний.[336]

Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» не является препятствием для дальнейшего рассмотрения дела допущение в обвинительном заключении, акте, постановлении очевидных технических ошибок, «исправление которых не влияет на существо предъявленного обвинения, не нарушает пределов судебного разбирательства и права обвиняемого на защиту»[337].

До принятия вышеуказанного постановления имели место случаи, когда суды возвращали уголовное дело по такой причине. Так, суд первой инстанции счел основанием для возвращения дела в порядке ст. 237 УПК РФ наличие в обвинительном заключении технических ошибок в фамилиях и инициалах обвиняемых, и несоответствие их тексту постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.[338] Суд апелляционной инстанции справедливо указал, что данные недостатки не являются неустранимыми и не влекут возвращения дела прокурору.

---

[335] Ибрагимов С. И., Асадуева С. А. Проблемы возвращения уголовного дела прокурору // Закон и право. 2024. №3. С. 239–243.

[336] Юрков Н. С. Технические ошибки при оформлении доказательств по уголовному делу, влекущие возвращение уголовного дела судом прокурору // Научный компонент. 2022. №2 (14). С. 87–93.

[337] О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 39 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 2.

[338] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-3441/2019 от 18 июня 2019 г. по делу № 22-3441/2019 URL : https://sudact.ru/regular/doc/9HIhLtQIu0bN/?ysclid=mibuhn57fp460705788 (дата обращения: 02.10.2025 г.)

Вернемся к рассмотрению существенных недостатков, которые подлежат устранению прокурором. В частности, если установлены не все обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со статьей 73 УПК РФ либо они установлены, изложены неполно, то это означает то, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ. Соответственно и вынесенный по этому делу приговор суда не будет отвечать требованиям законности и обоснованности.

Интерес представляет в этой связи механизм устранения нарушений в части доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК РБ) государственный обвинитель наделён правом ходатайствовать о приостановлении производства по делу в двух случаях:

1. Если во время судебного разбирательства установит недостаточность доказательств для постановления приговора судом;

2. Если для предъявления нового обвинения необходимо устранить препятствия.

В порядке 310 статьи УПК РБ по ходатайству государственного обвинителя судья приостанавливает производство по рассматриваемому делу сроком на 1 месяц. Также предусматривается возможность продления этого срока по ходатайству государственного обвинителя до двух месяцев. С целью получения новых доказательств на государственного обвинителя возлагается обязанность организовать проведение дополнительных следственных и иных процессуальных действий. По окончании необходимых проведенных мероприятий он предоставляет в суд полученные материалы и суд ознакамливает с ними участников процесса. Если же государственный обвинитель не представляет материалы, то суд принимает решение, основываясь на исследованных в судебном заседании доказательствах.

В научной литературе, некоторые авторы высказывают мнение относительно имплементации данного порядка устранения нарушений в уголовно-процессуальное законодательство России. А. А. Тришева изучая этот вопрос, изложила предложение о использовании опыта Беларуси.[339] Также А. И. Гаевой, Л. Р. Муллагалеева и С. А. Вецкая придерживаются того же мнения.[340]

Однако стоит отметить, что в Республике Беларусь судья приостанавливает производство по делу исключительно по ходатайству государственного обвинителя. Поскольку основополагающим принципом уголовного процесса является принцип состязательности сторон, то является целесообразным предоставить право ходатайствовать о приостановлении производства по делу не только стороне обвинения, но и стороне защиты. Так,

[339] Тришева А А. Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Тришева Антонина Александровна; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. Москва, 2010. 210 с.

[340] Гаевой А. И., Муллагалеева Л. Р., Вецкая С. А. Сравнительно-правовой анализ института возвращения прокурором уголовного дела следователю по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 63–67

А. В. Баженов предлагает: «возможность дополнения судебного следствия по заявлению ходатайства одной из стороны с последующим приостановлением судебного разбирательства на установленный судом срок с целью собирания доказательств...»[341].

Представляется, что с данными тезисами можно согласиться в части, поскольку введение такого механизма действительно позволит, не нарушая разумные сроки, получить необходимые недостающие сведения путем проведения следственных действий. При этом, проведение дополнительных следственных и иных процессуальных действий должно иметь целью не «дособирание» доказательств для подкрепления или дополнения обвинения, а устранение нарушений, препятствующих разбирательству в суде и постановлению приговора.

Итак, нарушения, служащие основаниями возвращения уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ, оцениваются с точки зрения их существенности и невозможности устранения непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Б. О. ШЕЛКОВНИКОВ

научный руководитель
доктор юрид. наук, профессор **Т. С. ВОЛЧЕЦКАЯ**

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В настоящее время на досудебной стадии уголовного судопроизводства имеется целый ряд проблем, связанных с реализацией функций прокурорского надзора. Для того, чтобы проанализировать их причины и предложить пути решения, проанализируем генезис законодательных реформирований этой стадии.

Так, с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ[342] прокурор лишился властных и организационно-распорядительных полномочий по проведению предварительного следствия и контроля за ним, которые были переданы руководителю следственного органа.

Для отмены незаконного и необоснованного постановления следователя об отказе возбуждении уголовного дела, вместо прокурор стал направлять в адрес руководителя следственного органа мотивированное постановление для решения этого вопроса.

---

[341] Баженов А. В. Реформирование института возвращения уголовного дела судом прокурору в системе правосудия России и стран СНГ: текущее состояние и перспективы развития // Труды Академии управления МВД России. 2024. №3 (71). С. 95–103.

[342] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [Электронный ресурс] : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2025).

Также же этим законом прокурору было предоставлено право выносить постановление о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, которое рассматривалось в общем порядке как иные сообщения о преступлении (п. 2 части 2 статьи 37 УПК РФ в ред. от 05.06.2007).

На протяжении последующих нескольких лет правовой статус прокурора в уголовном судопроизводства претерпевал изменения, поскольку законодатель осознал, что фактически органы следствия были выведены из-под надзора прокурора, а указание прокурора в качестве субъектов уголовного преследования в п.55 статьи 5 и статье 21 УПК РФ носило более декларативный характер, поскольку за ним закреплялось лишь руководство дознанием и подержание государственного обвинения.

Так, в этой связи Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ[343] были закреплены следующие полномочия прокурора: постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании стало не просто правом, а поводом к возбуждению дела (ч. 4 статьи 140 УПК РФ). При этом, если по результатам рассмотрения такого постановления прокурора принимал решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть согласовано с руководителем следственного органа (ч. 1.1. статьи 148 УПК РФ).

Также Законом № 404-ФЗ были расширены и надзорные полномочия прокурора за органами предварительного следствия – возвращено право на отмену незаконных и необоснованных постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ в ред. 28.12.2010), также прокурор получил право истребовать материалы проверок, по которым следственными органами принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела и проверять их законность и обоснованность (ч. 5.1. ст. 37 УПК РФ в ред. 28.12.2010) и др.

За последние годы правовой статус и полномочия прокурора мало изменились с 2010 года, а эффективность предоставленных ему законом способов осуществления надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства вызывает немало вопросов как со стороны научного сообщества, так и со стороны практических работников.

Не углубляясь в теоретическое обоснование дуалистической функции прокурора в уголовном судопроизводстве, отметим, что возложение на прокурора одновременно надзорной и обвинительной функций следует из системного толкования ст. 1 и 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» и ст. 6, 21 и 37 УПК РФ.

---

[343] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ [Электронный ресурс] : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2025).

Отметим, что ни одна из этих функций не является главенствующей, они равнозначны и не могут быть отделены друг от друга.

Мы основываемся на толковании статьи 6 УПК РФ, в которой указано, что защита прав и интересов лиц, потерпевших от преступления, и невиновных лиц от незаконного обвинения в равной степени отвечают задачам уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование виновных и назначение им справедливого наказания.

Исходя из положений п.55 статьи 5 и статьи 21 УПК РФ, прокурор возглавляет систему уголовного преследования, поскольку анализ его полномочий как в досудебном, так и в судебном производстве свидетельствует о том, что вопрос об эффективности средства уголовного преследования, закрепленного в п.2 части 2 статьи 37 УПК РФ, в науке является дискуссионным. Так, О. В. Левченко[344] указывает, что действующий механизм инициирования прокурором уголовного преследования является полумерой, чуждым отечественному процессу элементом, а возвращение полноценного права на возбуждение преследования является единственно верным решением, которое позволит избежать злоупотребления со стороны властных участников процесса.

Д. Е. Едигарьев[345] подчеркивает, что возвращение прокурору права на возбуждение уголовного дела только после отмены им постановления следователя (дознавателя) об отказе в возбуждении уголовного дела не может быть равнозначно полноценному праву на возбуждение дела, поскольку прокурор является главенствующим участником стороны обвинения, и он должен иметь возможность своевременно и самостоятельно возбудить преследование для достижения целей, указанных в статьях 6 и 6.1 УПК РФ.

Соглашаясь с позицией указанных авторов и отталкиваясь от нее, полагаем, что действующий механизм, закреплённый в п.2 части 2 стать и 37 УПК РФ, все же не отвечает требованиям эффективности. Поскольку даже в случае вынесения мотивированного постановления прокурором следователь может отказать в возбуждении дела, несмотря на то, что прокурор уже установил наличие признаков состава преступления в действиях установленного лица при проведении общенадзорной проверки или при изучении материалов уголовного дела.

Проанализируем статистические данные прокуратур субъектов Российской Федерации. Так, согласно статистике Прокуратуры Архангельской области и Ненецкого автономного округа[346] за 2023 год органами прокуратуры субъекта: отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 7615; возбуждено уголовных дел после отмены прокурорами –

---

[344] Левченко О. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: дис…д-ра. юрид. наук: 5.1.4. У., 2024. С. 400–402.

[345] Едигарьев Д. Е. Проблемы подготовки и применения актов прокурорского реагирования при надзоре за органами предварительного следствия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 5. С. 27–32.

[346] Статистические данные о работе органов Прокуратуры Архангельской области и Ненецкого автономного округа за 2024 год [Электронный ресурс]: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_29/activity/statistics/office/result/e5632911/

1265. За 2024 год органами прокуратуры субъекта: отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 9943; возбуждено уголовных дел после отмены прокурорами – 1324. Согласно статистическим данным Прокуратуры Республики Коми[347] за 2023 год органами прокуратуры субъекта: отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 8 519; возбуждено уголовных дел после отмены прокурорами – 1 149. За 2024 год органами прокуратуры субъекта: отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 8 285; возбуждено уголовных дел после отмены прокурорами – 1 165.

Показатели нарушений указывают на некачественный уровень проведения проверочных мероприятий, нарушение сроков проведения проверок сообщений о преступлениях, а также на мотив искусственного «улучшения» статистических показателей. Уровень дел, возбужденных после отмены незаконных и необоснованных постановлений органов предварительного расследования, свидетельствует о том, что имеются систематические нарушение не только при проведении проверочных мероприятий, но при ведении учетно-регистрационной дисциплины.

Таким образом, мы полагаем, что в случае возвращения прокурору права на возбуждение уголовного дела у надзорных органов появится возможность оперативнее принимать решение об уголовном преследовании, при этом не быть в зависимости от итогового решения поднадзорного органа.

Также отметим еще одну проблему, напрямую связанную с реализацией надзорных полномочий по проверке законности и обоснованности решений – это возможность получить материалы проверки в случае, если прокурор реализует полномочие, предусмотренное п. 5.1 части 2 статьи 37 УПК РФ и частью 6 статьи 148 УПК РФ.

Из положений указанных норм следует, что прокурор должен запрашивать материалы проверки, которые явились основанием для принятия процессуального решение об отказе в возбуждении уголовного дела, в целях проверки законности и обоснованности решения, при этом законодатель не устанавливает конкретный срок, в течение которого следственный орган обязан предоставить материалы для проверки.

Данный пробел устранен путем ведомственного нормотворчества: согласно п. 1.3 Приказа Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 17.09.2021 № 544[348], орган предварительного следствия обязан обеспечить поступление копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24-часов с момента его вынесения, при этом приказ возлагает на следственный орган обязанность по незамедлительному предоставлению

[347] Статистические данные о работе органов Прокуратуры Республики Коми за 2024 год [Электронный ресурс]: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_11/activity/statistics/office/result/e5626158/

[348] Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

материалов проверки к надзирающему прокурору. Полагаем, что незамедлительное предоставление означает максимально ускоренное предоставление материалов, а по аналогии с положениями УПК РФ, в течение суток.

Проведем сравнительное исследование института прокурорского надзора в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь[349]. Согласно п. 1 части 5 статьи 34 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ), прокурор вправе письменно истребовать от следователя материалы проверки, которые послужили основанием для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. После вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следователь в течение 24 часов направляет копию постановления прокурору, который вправе направить запрос о предоставлении материалов, после чего материалы направляются ему в течение 72 часов с момента поступления запроса. В случае отсутствия запроса прокурора – материалы проверки вместе с постановлением направляются прокурору в течение месяца. При этом запрос носит обязательный характер для следователя, что позволяет говорить об эффективности данного механизма.

Полагаем, что закрепленный в белорусской юрисдикции механизм прокурорского надзора за органами предварительного следствия является удачным, поскольку позволяет прокурору сразу после поступления копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии сомнений в законности и обоснованности вынесенного решения оперативно получить по запросу все материалы проверки для осуществления надзорных мероприятий.

Более того, в соответствии с п. 5 статьи 179 УПК РБ прокурор имеет право отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и направить материалы на дополнительную проверку, а в соответствии с п. 6 статьи 179 УПК РБ прокурор при наличии достаточных оснований отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и выносит новое постановление о возбуждении уголовного дела.

Уверены, что внедрение подобного механизма истребования материалов в отечественное уголовно-процессуальное законодательство позволило бы улучшить положение надзирающего прокурора. Однако, на наш взгляд, с учетом организационных особенностей работы органов прокуратуры РФ, стоило бы изменить сроки представления материалов: необходимо нормативно закрепить, что следователь и дознаватель помимо направления копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обязаны направить материалы проверки в течение 72 часов без какого-либо запроса прокурора в целях проведения объективного и всестороннего надзора по принятому следователем решению. Введение подобного механизма представления материалов также поддерживает Е. В. Коломеец[350].

---

[349] Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь: Закон РБ от 16 июля 1999 г. № 295-З [Электронный ресурс]: https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK9900295

[350] Коломеец Е. В. Указ. соч. 91 с.

Также стоит обратить особое внимание на еще одну проблему реализации прокурором надзорных полномочий. В соответствии с п.6 части 2 статьи 37 и частью 6 статьи 148 УПК РФ только прокурор вправе отменить незаконное постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом непосредственный руководитель дознавателя – начальник подразделения дознания имеет право лишь ходатайствовать перед прокурором об отмене такого постановления, указав выявленные нарушения, согласно п. 4 части 1 статьи 40.1 УПК РФ.

Нами были изучены по 70 материалов проверок с процессуальными решениями органов дознания ОМВД России по Центральному району г. Калининграда за период июль–сентябрь 2025 года. По результатам изучения было установлено, что из 70 материалов за каждый месяц от 15 до 32 поступают с мотивированным ходатайством об отмене. Отметим, что такой порядок установлен только для решений дознавателя, в то время как руководитель следственного органа имеет полное право отменять решения следователя.

Указанная проблема негативно оказывает влияние на работу органов прокуратуры, повышая нагрузку на них в несколько раз. Полагаем, что в продолжение тенденции унификации форм предварительного расследования, следовало бы наделить начальника органа дознания, как главного руководителя производством дознания, полномочиями по отмене незаконных и необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела. Действующие полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания должны быть пересмотрены с целью достижения баланса процессуального статуса, в том числе для достижения оперативности реагирования на выявленные самим органом нарушения.

Отдельно остановимся на мерах прокурорского реагирования на нарушения, допущенные в досудебном производстве. В УПК РФ предусмотрено лишь одно средство реагирования – требование, которое закреплено в п. 3 части 2 статьи 37 УПК РФ.

По своему свойству это акт прокурорского реагирования не является универсальным, поскольку напрямую не указан в Федеральном законе «О прокуратуре РФ». Прокурор вправе требовать от следственных органов и органов дознания устранения нарушений порядка регистрации, рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях и (или) допущенных в ходе предварительного следствия и дознания, согласно п.3 части 2 статьи 37 УПК РФ.

При этом прокурор выносит требование в отношении нарушений, допущенных следователем, и направляет его в адрес руководителя следственного органа, который обязан в течение 5 суток требование прокурора и может выразить несогласие с ним, согласно части 4 статьи 39 УПК РФ. Также несогласие с требованием прокурора может быть обжаловано вышестоящему руководителю следственного органа и так далее, пока окончательное

решение не примет Генеральный прокурор РФ, согласно части 6 статьи 37 УПК РФ.

Полагаем, что существование возможности обжалования акта прокурора на выявленное нарушение законодательства не отвечает задачам уголовного судопроизводства и принципу разумного срока. Как мы указывали ранее, прокурор наделен не только полномочиями по уголовному преследованию, но и по надзору за деятельностью участников уголовного судопроизводства.

При системном толковании статей 1 и 6 Федерального закона «О прокуратуре РФ» мы видим, что деятельность прокурора направлена на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, верховенства закона и единства и укрепления законности. При этом требования прокурора, направленные на восстановление законности и правопорядка, являются обязательными и подлежат безусловному исполнению.

Однако только в правоотношениях прокурора, следователя и руководителя следственного органа законодатель сделал отступление и закрепил возможность несогласия и обжалования требований прокурора об устранении допущенных нарушений, в то же время как указания прокурора обязательны для дознавателя и могут быть обжалованы лишь вышестоящему прокурору без приостановления их исполнения, согласно части 4 статьи 41 УПК РФ.

Мы убеждены, что такой акт прокурорского реагирования как требование не может быть обжалован вплоть до Генерального прокурора РФ, поскольку является мерой воздействия на лицо, которое нарушило положения закона, и указанные в нем предписания подлежат безусловному исполнению, иное, на наш взгляд, свидетельствует об ущербности данного акта, поскольку с его помощью невозможно обеспечить восстановление нарушенного правопорядка.

Также полагаем, что действующий механизм обжалования должен быть изменен: у следователя должно остаться право обжаловать с согласия руководителя следственного органа требование прокурора вышестоящему прокурору (прокурору субъекта или приравненному к нему), решение которого является окончательным, при этом исполнение требования при обжаловании не приостанавливается.

Мы убеждены, что прокурор был и остается главенствующей фигурой стороны обвинения, ведь именно на нем лежит ключевая обязанность по поддержанию государственного обвинения в суде. Процессуальный статус прокурора в настоящий момент является противоречивым, ввиду чего и существуют проблемы, которые необходимо решить для создания эффективного механизма уголовного преследования без ущерба для другой немало важной функции – защиты прав и свобод граждан.

Н. М. ШКРЯБИН

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цифровые технологии с каждым днем все больше и больше проникают в различные сферы жизнедеятельности общества. Сфера уголовного судопроизводства не стала исключением.

На сегодняшний день в научной среде активно обсуждается вопрос разработки и введения в практику следственных органов электронного уголовно дела. Оно позволяет существенно облегчить работу сотрудников следственных органов, а также снизить на них нагрузку, особенно в условиях острого дефицита кадров. Кроме того, создание указанной системы позволит ужесточить контроль за их деятельностью, что приведет к снижению количества совершаемых ими ошибок, а также позволит эффективнее обнаруживать коррупционные преступления и предотвращать их.

В. В. Конин, А. В. Кудрявцева и А. В. Петров в этой связи отмечают ряд положительных сторон разработки и введения данной системы. В частности, они отмечают возможность отказа от бумаги, что приведет к экономии как ресурсов, так и денежных средств, а также они обращают внимание на существенную экономию времени при проведении расследования[351].

Необходимо также отметить, что дискуссию в научной среде порождает применение термина «система» непосредственно к электронному уголовному делу. Есть мнение о том, что формулировка «система электронного уголовного дела» является не совсем точной и корректной. Однако, по мнению В. Г. Афанасьева «система – это организованный комплекс средств достижения целей»[352]. Так, на наш взгляд, сам факт возбуждения уголовного дела необходимо считать целью, которая имеет своей сущностью привлечение виновного в совершении преступления лица к уголовной ответственности, восстановление социальной справедливости и нарушенных преступлением прав. Само же электронное уголовное дело является онлайн-платформой, на которой собраны необходимые для осуществления указанной цели средства. Таким образом, на наш взгляд, с этой позиции применение термина «система» непосредственно к электронному уголовному делу является целесообразным, поскольку отражает именно факт того, что данная цифро-

[351] Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В. Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. №45. 94 с.

[352] Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 32 с.

вая платформа содержит в себе не только совокупность документов, относящихся к совершенному преступлению, но и совокупность средств, способствующих его расследованию.[353]

Между тем, указанная система уже разработана в некоторых странах и показывает свою эффективность на практике. В пример можно привести такие страны как Австрия, Германия, Южная Корея, Казахстан, Саудовская Аравия, Сингапур[354].

Несмотря на высокую роль цифровых технологий в современном обществе, а также на то, что во многих странах, включая СНГ, уже существует система электронного уголовного дела, в нашей стране она отсутствует. Некоторые исследователи связывают это с тем, что действующее законодательство на сегодняшний день в полной мере не предусматривает законодательной возможности разработки и использования на практике такой системы.

Действительно, такая проблема существует, однако относительно недавно в УПК РФ были внесены изменения. Так, федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ[355] в УПК РФ была введена ст. 474.1 УПК РФ, предусматривающая возможность использования электронных документов в ходе судебного производства. Кроме того, еще одни изменения в УПК РФ были внесены федеральным законом от 25.12.2023 № 672-ФЗ[356]. Указанным законом УПК РФ был дополнен статьей 474.2, которая регламентирует порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства.

Данные положения можно охарактеризовать как предпосылки будущих реформ уголовно-процессуального законодательства, направленных на создание основ к разработке и введению на практику системы электронного уголовного дела. Они регламентируют и закрепляют порядок использования электронных документов в ходе судебного и досудебного производства. Здесь следует согласиться с мнением С. А. Рябчикова, который отмечает, что внесение подобных изменений в уголовно-процессуальное законодательство свидетельствует о том, что в данной отрасли зарождается и развивается институт использования электронных документов.[357]

---

[353] См. : Шкрябин Н. М. К вопросу о перспективах внедрения электронного производства по уголовным делам в рамках научной организации труда следователя // Санкт-Петербургская школа криминалистики VI Всероссийский криминалистический форум Санкт-Петербург, 17–19 октября 2024 года. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. С. 452–460.

[354] Шкрябин Н. М. К вопросу о перспективах внедрения электронного производства по уголовным делам в рамках научной организации труда следователя // Санкт-Петербургская школа криминалистики VI Всероссийский криминалистический форум Санкт-Петербург, 17–19 октября 2024 года. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. 459 с.

[355] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.

[356] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672 ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 53.

[357] Рябчиков С. А. Институт использования электронных документов в уголовном процессе: предпосылки становления и развития // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. №2 (45). 76 с.

Зарождение указанного института стало следствием острой необходимости в силу весьма быстрого развития компьютерных технологий. Использование электронных документов в уголовном судопроизводстве является важным шагом на пути к цифровизации уголовного процесса. Однако рассматриваемые нормы имеют и ряд недостатков.

Так, ст. 474.1 УПК РФ закрепляет право подачи ходатайств, заявлений, жалоб или представлений в судебном производстве заинтересованными лицами в электронной форме. Здесь можно отметить, что данное право хоть и закрепляется уголовно-процессуальным законодательством, но его реализация ставится под вопрос. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ в случае подачи таких документов, они должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП). Если рассматривать это с позиции государственных органов, то проблем никаких не возникает, поскольку должностные лица обладают такими подписями. Если же рассматривать это с позиции обычных граждан, то данное право реализовать им представляется весьма сложным, поскольку они в основном не имеют УКЭП, а многие даже и не знают, что это такое. С. А. Кузора верно отмечает, что УКЭП на сегодняшний день не пользуется популярностью у обычных граждан в силу трудностей оформления УКЭП, а также ее стоимости и срока действия.[358] Если провести параллель с гражданским процессуальным законодательством, то в нем подобные нормы закрепляют, что лица имеют право подать электронные документы, подписав их простой электронной подписью, что закрепляется, например, в ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ.

На наш взгляд, необходимо изменение указанной нормы и предоставление гражданам возможности подавать в электронном виде документы, указанные в ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ посредством подписания их простой электронной подписью. Это существенно упростит данную процедуру обычным гражданам и предоставит им возможность в полной мере реализовать рассматриваемое право.

В этой связи также следует согласиться с мнением А.Ю. Чуриковой, которая верно отмечает, что наличие такого требования является неприемлемым, поскольку непрофессиональные участники уголовного судопроизводства не имеют УКЭП, а их получение влечет дополнительные финансовые затраты и создает существенные неудобства для таких участников.[359]

Между тем, также следует обратить внимание на то, что ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ закрепляет, что подаваемые в электронном виде документы не должны содержать в себе сведения, составляющие охраняемую законом тайну. Данная формулировка представляется не точной и весьма размытой,

---

[358] Кузора, С. А. Электронные документы в уголовном судопроизводстве: понятие, проблемы, пути решения / С. А. Кузора // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : Сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 12 апреля 2024 года. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2024. 223 с.

[359] Чурикова А. Ю. Электронный документооборот в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. 199 с.

поскольку фактически любые документы, подаваемые в суд, могут содержать в себе сведения, составляющие охраняемую законом тайну. Так, например, они могут содержать в себе персональные данные каких-либо лиц, а кроме того, в них может содержаться информация, представляющая тайну следствия.

На наш взгляд, это также является существенным недостатком указанной нормы, поскольку фактически препятствует реализации гражданами права на подачу электронных документов в суд. А.Ю. Чурикова верно отмечает, что данная проблема может привести к излишне широкому толкованию указанной нормы судами.[360] Так, одни суды на основании этого могут отказывать в приеме документа в электронной форме на основании того, что в нем, например, содержится информация, составляющая тайну следствия, а другие суды – будут принимать их.

В качестве еще одной проблемы следует выделить наличие технической возможности суда как обязательное условие для подачи указанных ранее документов в электронном формате. Проблема заключается в том, что на сегодняшний день в судах не всегда имеется техническая возможность приема и обработки таких документов, особенно в отдаленных местностях. Несмотря на то, что компьютерные технологии быстро развиваются и распространяются, к сожалению, не все правоохранительные и судебные органы на сегодняшний день обладают возможностью использовать их в своей деятельности.

Кроме того, это также предполагает возможность злоупотребления. Так, некоторые суды, обладая информацией о слабой технической оснащенностью судебных органов, могут целенаправленно ограничить лицо в этом праве, путем отказа в принятии этих документов в виду отсутствия технической возможности, хотя таковая у них имеется.

По нашему мнению, следует больше внимания уделять цифровому и материально-техническому обеспечению как правоохранительных, так и судебных органов. На сегодняшний день это уже стало необходимостью и только таким путем можно избавиться от указанного выше злоупотребления.

Между тем, ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ закрепляет право подачи ходатайств, заявлений (за исключением заявления о преступлении), жалоб, представлений и требований прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в электронном виде. Опять же, указанная норма предполагает только возможность подачи электронных документов, подписываемых УКЭП. Данное ограничение также является неприемлемым и его также следует изменять, поскольку граждане в ходе досудебного производства лишаются права на взаимодействие с органами предварительного расследования путем электронного документооборота.

---

[360] Чурикова А. Ю. Электронный документооборот в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. №3. 198 с.

Помимо этого, указанная норма не предусматривает возможности подачи заявления о преступлении в виде электронного документа. Хотя предоставление гражданам такого права существенно упростит и ускорит данный этап.[361] Так, на сегодняшний день техническая возможность осуществления данного процессуального действия в электронной форме уже существует. В качестве примера можно привести Приказ МВД РФ от 04.04.2025 № 200[362], который закрепляет возможность подачи сообщений о происшествиях (преступлениях, административных правонарушениях и т.д.) в электронной форме, а Приказом МВД РФ от 29.08.2014 № 736[363] закрепляется, что сообщения об определенных преступлениях, поданных в электронной форме, подлежат регистрации в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях.

Однако, в этой связи стоит согласиться с мнением О. И. Андреевой и О. А. Зайцева, которые отмечают, что указанные документы регламентируют возможность подачи заявления в электронном виде, но не способствуют введению электронного документооборота в сферу уголовного судопроизводства, поскольку данные акты предусматривают, что сотрудники должны распечатать обращение на бумажном носителе и осуществлять работу с ними как с письменными заявлениями.[364] Подобного мнения также придерживаются М. Р. Глушков и С. Ю. Мелихов, отмечая, что установленная в приказах форма является единой как для преступлений, так и для иных правонарушений, а их рассмотрение осуществляется в соответствии с законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан»[365].

Следует также отметить, что данная норма более проработана в отличие от первой, поскольку в ней уже конкретно указывается на то, какие сведения не должны содержать документы, подаваемые в электронном виде,

---

[361] Шкрябин Н. М. К вопросу о перспективах внедрения электронного производства по уголовным делам в рамках научной организации труда следователя // Санкт-Петербургская школа криминалистики VI Всероссийский криминалистический форум Санкт-Петербург, 17–19 октября 2024 года. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. 454 с.

[362] Об установлении особого порядка направления гражданами обращений в форме электронного документа и направления ответов на обращения, поступившие в форме электронного документа, уведомлений в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации № 200 от 4 апреля 2025 г. [электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2025).

[363] Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России № 736 от 29 августа 2014 г. [электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой систеы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2025).

[364] Андреева О. И. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных документов / О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Правовые проблемы укрепления российской государственности : Сборник статей, Томск, 25–27 января 2018 года / Научные редакторы О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. Том Часть 79. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 8 с.

[365] Глушков М. Р., Мелихов С. Ю. О законодательном регулировании электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. № 3 (102). 149 с.

в частности, это сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, затрагивающие безопасность государства и т. д. Представляется, что в ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ необходимо прибегнуть к подобной формулировке.

В целом, сегодня можно наблюдать положительную динамику развития уголовно-процессуального законодательства, в которой прослеживается стремление законодателя к созданию нормативных основ электронного уголовного дела. Так, федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ[366] в УПК РФ была введена статья 189.1, которая закрепляет возможность проведения допроса, очной ставки и опознания при помощи систем видео-конференц-связи. Федеральным законом от 29.12.2022 № 610-ФЗ[367] введена статья 281.1, закрепляющая возможность проведения допроса и иных судебных действий при помощи указанных выше систем.

Однако, несмотря на вышесказанное, данных норм недостаточно для создания устойчивых правовых основ системы электронного уголовного дела. В данном случае видится необходимость дальнейшей разработки и закрепления иных правовых норм, а также доработки уже имеющихся. Непосредственно следует рассмотреть возможность законодательного закрепления права участников уголовного судопроизводства на подачу любых документов в электронной форме. Это станет более весомой предпосылкой к созданию электронного уголовного дела, поскольку лица смогут осуществлять взаимодействие с органами предварительного расследования, а также судом в электронном виде.

Помимо этого, на сегодняшний день в УПК РФ до сих пор отсутствуют нормы, позволяющие инициировать уголовное судопроизводство на основании информации, поданной в электронном виде. Ранее уже отмечалось, что необходима регламентация возможности подачи заявления о преступлении в электронной форме. Видится необходимым также нормативная регламентация возможности подачи и явки с повинной в электронном виде с целью упрощения данной процедуры. Изменения предлагается внести в ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ.

Кроме того, обращая внимание на возможность законодательного закрепления электронного взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства, следует решить проблему того, как будут отправляться документы в электронной форме и как они будут удостоверяться. Решение указанной проблемы возможно путем создания отдельного раздела на портале «Госуслуги», посвященного уголовному судопроизводству, где граждане смогут отправлять документы. Отдельно следует обратить внимание на то, как эти документы будут подписываться, поскольку далеко не все

[366] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ. [электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2025).

[367] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ. [электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2025).

граждане имеют электронную подпись. На портале «Госуслуги» пользователи обладают определенными цифровыми сертификатами, которые, в целом, успешно заменяют электронную подпись. На наш взгляд, данный вариант считается наиболее оптимальным, поскольку большая часть граждан на сегодняшний день уже имеет аккаунт на этом сервисе и активно использует возможности, предоставленные сервисом. Взаимодействие в рамках статей 474.1 и 474.2 УПК РФ можно также осуществлять на основании предложенного варианта, поскольку это существенно упростит процедуру подачи документов в электронной форме и позволит гражданам реализовывать в полной мере свое право.

Таким образом, на основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что введение в УПК РФ статей 474.1 и 474.2 действительно создало законодательные предпосылки для создания и введения на практику системы электронного уголовного дела. Данные нормы предоставили участникам уголовного судопроизводства возможность взаимодействия в электронном виде. Однако нельзя сказать о том, что эти нормы создали основу для введения данной системы. Так, следует вносить постепенные изменения в УПК РФ, которые поэтапно будут создавать основу электронного уголовного дела. Необходимо также устранять и различные законодательные пробелы. Все это в совокупности приведет в первую очередь к цифровизации уголовного судопроизводства, а затем и к введению на практику системы электронного уголовного дела.

Между тем, за основу для будущих изменений можно взять положительный опыт Республики Казахстан, в которой данная система уже реализована. В частности, следует обратить внимание на то, как реализована в их государстве система электронного уголовного дела, какие изменения были внесены в законодательство перед ее апробацией на практике. Также интересным может послужить и опыт Эстонии, где реализована система электронного документооборота через систему e-File. Помимо этого, данная система интегрирована в сервис их онлайн сервис государственных услуг, который весьма схож с сервисом «Госуслуги» в нашей стране. Опыт Германии в этой сфере также представляет определенный интерес. В Германии огромное внимание уделено в первую очередь обеспечению конфиденциальности информации и защите данных.

В заключение следует отметить, что для проведения всех реформ и разработки системы электронного уголовного дела необходимо рассмотреть возможность разработки и принятия федерального закона «Об электронном уголовном деле», который будет регламентировать все необходимые аспекты работы этой системы. Также встает вопрос необходимости разработки Концепции создания, развития и введения на практику данной системы, в рамках которой будут регламентированы этапы создания системы электронного уголовного дела.

Список источников

1. Андреева О. И. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных документов / О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Правовые проблемы укрепления российской государственности : Сборник статей, Томск, 25–27 января 2018 года / Научные редакторы О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. Том Часть 79. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 4–17.

2. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.

3. Глушков М. Р., Мелихов С. Ю. О законодательном регулировании электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. №3 (102). С. 145–152.

4. Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В. Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 88–99.

5. Кузора С. А. Электронные документы в уголовном судопроизводстве: понятие, проблемы, пути решения / С. А. Кузора // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : Сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 12 апреля 2024 года. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2024. С. 220–224.

6. Рябчиков С. А. Институт использования электронных документов в уголовном процессе: предпосылки становления и развития // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2 (45). С. 74–79.

7. Чурикова А. Ю. Электронный документооборот в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 197–201.

8. Шкрябин Н. М. К вопросу о перспективах внедрения электронного производства по уголовным делам в рамках научной организации труда следователя // Санкт-Петербургская школа криминалистики VI Всероссийский криминалистический форум Санкт-Петербург, 17–19 октября 2024 года. СПб : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. С. 452–460.

Сведения РИНЦ

АЙТЖАНОВА Айжана Гадилбековна прокурор апелляционно-кассационного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Астраханской области, Астрахань, Россия	**AITZHANOVA Aizhana G.,** Prosecutor of the Appeals and Cassation Department of the Criminal and Judicial Department of the Prosecutor's Office of the Astrakhan Region. Astrakhan, Russia
Научный руководитель профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **ИСАЕНКО В. Н.**	**Scientific Supervisor** Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor **ISAENKO V. N.**
ТАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОКУМЕНТОВ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, СОПРЯЖЕННОМ С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	**TACTICS OF USING DOCUMENTS IN CRIMINAL CASES OF FRAUDULENT MISUSE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE FIELD OF BUSINESS ACTIVITIES**
В статье рассматриваются особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств. Обращается внимание на то, что содержание нарушенных условий договора определяет предмет судебного разбирательства, направленность и содержание доказывания, осуществляемого стороной обвинения. Подчеркивается обязанность прокуроров – государственных обвинителей знать перечень нормативных правовых актов и иных документов, которые помимо договора должны быть исследованы в суде наряду с другими доказательствами.	The article discusses the features of maintaining the state prosecution in criminal cases involving fraud. This involves the deliberate non-fulfillment of contractual obligations in the field of entrepreneurial activity. Attention is drawn to the fact that the content of the violated contractual terms determines the subject of the trial, the focus, and the content of the evidence provided by the prosecution. The duty of public prosecutors to know the list of regulations and other documents that must be examined in court along with other evidence is emphasized.
Ключевые слова: государственное обвинение, мошенничество, договор, предпринимательская деятельность, неисполнение договора, представление доказательств	**Keywords:** public prosecution. fraud, contract, business activity, non-performance of a contract, presentation of evidence
АНДРЕЕВА Валентина Александровна, старший помощник прокурора Центрального района г. Волгограда	**ANDREEVA Valentina A.**, Senior Assistant Prosecutor of the Central District of Volgograd
Научный руководитель заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **СЕРОВА Е. Б.**	**Scientific supervisor** Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Candidate of Legal Sciences **SEROVA E. B.**
ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, С КОТОРЫМИ ЗАКЛЮЧЕНО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ	**FEATURES OF PROOF IN CRIMINAL CASES INVOLVING INDIVIDUALS WITH WHOM A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT HAS BEEN CONCLUDED**
В статье рассматриваются проблемы уголовно-процессуального доказывания по уголовным де-	The article discusses the problems of criminal procedural proof in criminal cases involving individuals who have entered into a pre-trial

лам в отношении лиц, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также особенности представления доказательств государственным обвинителем при рассмотрении уголовного дела, поступившего в суд с представлением прокурора	cooperation agreement, as well as the specifics of presenting evidence by the public prosecutor when a criminal case is submitted to the court by the prosecutor.
Ключевые слова: доказывание, прокурор, досудебное соглашение о сотрудничестве, тактика представления доказательств	**Keywords:** proof, prosecutor, pre-trial cooperation agreement, evidence presentation tactics
АРЖАДЕЕВА Кристина Игоревна, старший помощник прокурора г. Нижний Новгород	**ARZHADEEVA Kristina I.** Senior Assistant Prosecutor of Nizhny Novgorod
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **БАРКАЛОВА Е. В.**	**Scientific adviser** Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Candidate of Legal Sciences **BARKALOVA E. V.**
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ	**ON THE OPTIMIZATION OF CRIMINAL AND OTHER FORMS OF COURT PROCEEDINGS, TAKING INTO ACCOUNT THE INTRODUCTION OF ELECTRONIC DOCUMENT CIRCULATION**
В статье проводится комплексный анализ проблем обеспечения фундаментальных принципов уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации. На основе сравнительно-правового подхода исследуются коллизии между традиционными процессуальными гарантиями и требованиями электронного документооборота. Рассматриваются такие аспекты, как обеспечение состязательности, презумпции невиновности, права на защиту и оценки доказательств в цифровой среде. Автор приходит к выводу о необходимости разработки сбалансированной правовой модели, интегрирующей технологические инновации в систему уголовно-процессуальных гарантий.	The article is devoted to the application of electronic document management in the judicial system of the Russian Federation, as well as to the optimization of the judicial system as a result of the introduction of elements of electronic justice. The article discusses the positive and negative aspects of the application of electronic document management.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронный документооборот, принципы уголовного процесса, цифровизация, электронные доказательства, право на защиту, состязательность, презумпция невиновности	**Keywords:** electronic justice, electronic document management, judicial system
БАРКАЛОВА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**BARKALOVA Elena V.,** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences
ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ЭЛЕКТРОННЫМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ВНЕСЕННЫМИ В КАЧЕСТВЕ АВАНСА ЗА УСЛУГИ СВЯЗИ (СТ. 115.2 УПК РФ)	**SUSPENTION OF TRANSACTIONA WITH CASH, ELECTRONIC CASH AND CASH DEPOSITED AS AN ADVANCE PAYMENT FOR COMMUNICATION SERVICES (ART. 115.2 CPC RF)**

В статье рассматривается новая мера пресечения – приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи, анализируются сроки, механизм ее применения, иные особенности.	The article examines a new preventive measure - the suspension of transactions with cash, electronic money, and cash deposited as an advance payment for communication services, and analyzes the timing, mechanism for its application, and other features.
Ключевые слова: уголовный процесс, мера пресечения, наложение ареста на имущество, возмещение ущерба, приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи	**Keywords:** criminal proceedings, preventive measure, seizure of property, compensation for damages, suspension of transactions with funds, electronic funds, funds deposited as an advance payment for communication services
ДАНИЛОВА Наталья Алексеевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**DANILOVA Natalia A.**, Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ…	**CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS: CONTRADICTIONS AND INTERPENETRATION...**
В статье рассматриваются различные аспекты взаимосвязи, взаимопроникновения уголовного процесса и криминалистики, а также существующие между ними противоречия.	The article examines various aspects of the relationship and interpenetration between criminal proceedings and criminology, as well as the contradictions that exist between them.
Ключевые слова: криминалистика, уголовное судопроизводство, уголовный процесс	**Keywords:** forensics, criminal proceedings, criminal process, study of criminal case materials
ЕЛАГИНА Елена Владимировна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университет прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ELAGINA Elena V.,** Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
ЗАМЕНИТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?	**WILL ARTIFICIAL INTELLIGENCE REPLACE AN INTERPRETER IN A CRIMINAL CASE?**
В статье рассмотрены отдельные вопросы института перевода в уголовном процессе, актуальные в современных условиях, в частности, проанализированы преимущества и недостатки использования возможностей искусственного интеллекта для осуществления автоматизированного перевода. Уделено внимание проблемам, возникающим при использовании искусственного интеллекта в уголовном процессе для перевода или сурдоперевода. Аргументируется потенциальная перспективность, но невозможность полноценного замещения переводчика автоматизированным переводом.	The article discusses certain issues of the institution of translation in criminal proceedings that are relevant in modern conditions, including the advantages and disadvantages of using artificial intelligence for automated translation. It also focuses on the challenges that arise when using artificial intelligence in criminal proceedings for translation or sign language interpretation. The article argues for the potential benefits of automated translation, but also highlights the limitations of fully replacing a translator with automated translation.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, язык уголовного судопроизводства, переводчик, сурдопереводчик, искусственный интеллект	**Keywords:** criminal proceedings, language of criminal proceedings, translator, sign language interpreter, artificial intelligence

ИБРАГИМОВА Алиса Мансуровна, доцент кафедры основ управления организации и цифровизации прокурорской деятельности Казанского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**IBRAGIMOVA Alisa M.**, Associate Professor of the Department of Fundamentals of Management of the Organization and Digitalization of Prosecutorial Activity of the Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences
ФУНКЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	**FUNCTIONS OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS**
Статья посвящена исследованию роли и значения внедрения цифровых технологий в процессы расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел. Автором выделяются некоторые функции цифровизации уголовного судопроизводства.	This article examines the role and significance of digital technologies in the investigation, trial, and resolution of criminal cases. The author highlights several functions of digitalization in criminal proceedings.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, прокурорская детальность	**Keywords:** criminal proceedings, digitalization, prosecutorial detail
ИСАЕНКО Вячеслав Николаевич, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор	**ISAENKO Vjacheslav N.,** Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty of Law of the State University of Education, Doctor of Law, Professor
ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРЕДМЕТЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	**ADMISSIBILITY OF EVIDENCE AS A SUBJECT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие в результате некритичного отношения прокурора к оценке доказательств, содержащихся в направляемом в суд уголовном деле.	The article discusses the problems that arise as a result of the prosecutor's uncritical attitude towards the assessment of evidence in a criminal case submitted to the court.
Ключевые слова: досудебное уголовное судопроизводство, прокурорский надзор, допустимость доказательств, достаточность доказательств, оценка доказательств, критерии оценки доказательств	**Keywords:** pre-trial criminal proceedings, prosecutorial supervision, admissibility of evidence, evaluation of evidence, sufficiency of evidence, criteria for evaluating evidence
КИРУША Галина Николаевна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)	**KIRUSHA Galina N.,** senior lecturer of the Department of Criminal Law Sciences of the North-West Institute (branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA)
ГРАЖДАНСКИЙ ИСК ПРОКУРОРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ЗАЩИТУ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО	**CIVIL CLAIM OF THE PROSECUTOR IN A CRIMINAL CASE IN DEFENSE OF THE INTERESTS OF A JUVENILE**
В статье рассматриваются некоторые проблемы регламентации предъявления прокурором гражданского иска по уголовному делу в интересах несовершеннолетнего. По мнению автора, в ситуации, когда имеются основания для предъявления гражданского иска по уголовному делу и он не предъявлен несовершеннолетним или его законным представителем, на прокурора должна возлагаться обязанность заявить иск в интересах несовершеннолетнего лица.	This article examines some issues related to the regulation of prosecutor’s filing a civil claim in a criminal case on behalf of a juvenile. The author believes that in situations where there are grounds for filing a civil claim in a criminal case and it is not filed by the juvenile or they legal representative, the prosecutor should be obligated to file the claim on behalf of the juvenile.

Ключевые слова: несовершеннолетний, прокурор, уголовное судопроизводство, гражданский иск	**Keywords:** juvenile, prosecutor, criminal proceedings, civil claim
КОМАРОВА Елена Александровна, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**KOMAROVA E. A.,** associate Professor of Criminal Procedure, Criminalistics and Participation of the Prosecutor in the Criminal Justice of the Crimean Institute of Law (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	**TOPICAL ISSUES OF SUSPENDING THE PRELIMINARY INVESTIGATION**
В статье рассматриваются вопросы приостановления предварительного следствия в контексте необходимости соблюдения ряда гарантий с целью принятия законного и обоснованного решения. Затрагиваются вопросы реализации прокурорского надзора и ведомственного контроля на рассматриваемом этапе предварительного следствия.	The article discusses the issues of suspending the preliminary investigation in the context of the need to comply with a number of guarantees in order to make a lawful and reasonable decision. It also addresses the issues of implementing prosecutorial supervision and departmental control at this stage of the preliminary investigation.
Ключевые слова: приостановление предварительного следствия, основание, прокурор, гарантии	**Keywords:** suspension of the preliminary investigation, grounds, prosecutor, guarantees
КОРСАКОВ Константин Александрович, Доцент кафедры уголовно-процессуального права. Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия	**KORSAKOV Konstantin A.,** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law at the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint Petersburg, Russia
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СИСТЕМА (тезисы)	**CRIMINAL PROCEEDINGS AS A SYSTEM**
В данной статье представлен глубокий анализ уголовно-процессуального судопроизводства, рассматривая его как комплексную систему, направленную на достижение специфической цели. В рамках исследования проводится тщательное изучение структурных компонентов и функциональных аспектов данной системы, а также их взаимосвязей и влияния на достижение поставленных задач.	This article provides an in-depth analysis of criminal procedural proceedings, viewing it as a complex system aimed at achieving a specific goal. The study thoroughly examines the structural components and functional aspects of this system, as well as their interconnections and impact on achieving the set objectives.
Ключевые слова: уголовный процесс, цель, система	**Keywords:** criminal proceedings, purpose, system
КОРШИКОВА Елена Олеговна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KORSHIKOVA Elena O.**, Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ	**CRIMINAL PROCEDURAL REMEDIES THE RIGHTS OF MINOR VICTIMS FROM SEXUAL VIOLENCE**
В статье анализируются уголовно-процессуальные гарантии прав несовершеннолетних потерпевших от посягательств сексуального харак-	The article analyzes the criminal procedural guarantees of the rights of minor victims of sexual assaults. The advantages and disadvantages of legal regulation and the practice of

тера. Отмечаются как достоинства, так и недостатки правового регулирования и практики применения уголовно-процессуального законодательства	applying criminal procedure legislation are noted
Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, процессуальные гарантии, представительство несовершеннолетних потерпевших	**Keywords:** crimes against the sexual integrity of minors; procedural guarantees, representation of minor victims
КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович, профессор кафедры Уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент	**KUDRYAVTSEV Vladislav L.,** Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Doctor of Law, Associate Professor
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	**CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH: SOME IMPLEMENTATION ISSUES**
В данной статье уголовно-процессуальное доказывание рассматривается в контексте междисциплинарного исследования, а именно: наук уголовно-процессуального права и криминалистики. Автор выделяет и рассматривает в рамках одного из междисциплинарных подходов три концепции соотношения указанных наук в исследовании доказывания. В заключении работы формулируются выводы о реализации междисциплинарности в доказывании.	In this article, criminal procedural evidence is considered in the context of interdisciplinary research, namely: sciences criminal procedure law and criminalistics. The author identifies and examines, within the framework of one of the interdisciplinary approaches, three concepts of the correlation of these sciences in the study of evidence. In the conclusion of the work, conclusions are formulated on the implementation of interdisciplinarity in evidence
Ключевые слова: уголовный процесс; криминалистика; междисциплинарное исследование; концепция; доказывание	**Keywords:** criminal proceedings; criminalistics; interdisciplinary research; concept; proof
ЛОГВИНЕНКО Вероника Юрьевна, генеральный директор юридической компании ООО «КонсенсусПро»	**LOGVINENKO Veronika Yu.** General director of OOO «ConsensusPro»
ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ПЕРЕДАЧИ И СБЫТА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ С ЦЕЛЬЮ МАЙНИНГА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**PROBLEMS OF INVESTIGATION AND CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF ELECTRICITY TRANSMISSION AND DISTRIBUTION FOR THE PURPOSE OF MINING DIGITAL CURRENCIES IN THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-процессуального доказывания и расследования преступлений, связанных с незаконным потреблением электроэнергии для майнинга криптовалют. Автор анализирует специфику данного вида преступной деятельности, которая объединяет в себе признаки хищения энергоресурсов и высокотехнологичной киберпреступности. Выявляются ключевые сложности, возникающие на этапах возбуждения уголовного дела, производства следственных действий и формирования доказатель-	The article examines current problems of criminal procedural proof and investigation of crimes related to the illegal consumption of electricity for cryptocurrency mining. The author analyzes the specifics of this type of criminal activity, which combines signs of theft of energy resources and high-tech cybercrime. The key difficulties arising at the stages of initiating a criminal case, conducting investigative actions and forming an evidence base are identified. Special attention is paid to such aspects as proving the subjective side of the

ственной базы. Особое внимание уделяется таким аспектам, как доказывание субъективной стороны состава преступления, квалификация действий виновных лиц, применение специальных знаний и взаимодействие с профильными организациями для оптимизации процесса расследования и преодоления выявленных процессуальных и криминалистических барьеров.	crime, qualifying the actions of the perpetrators, applying special knowledge and interacting with specialized organizations for optimization the investigation process and overcoming the identified procedural and forensic barriers.
Ключевые слова: майнинг, криптовалюта, незаконное потребление электроэнергии, расследование преступлений, уголовно- процессуальное доказывание, хищение, киберпреступность	**Keywords:** mining, cryptocurrency, illegal electricity consumption, crime investigation, criminal procedural proof, theft, cybercrime
МИХАЙЛОВ Владимир Владимирович, старший прокурор уголовно-судебного управления прокуратуры Ленинградской области	**MIKHAILOV Vladimir V.,** Senior Prosecutor of the Criminal and Judicial Department of the Prosecutor's Office of the Leningrad Region
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОКУРОРА И СБОРА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	**PROBLEMS OF PREPARING A PROSECUTOR AND COLLECTING ADDITIONAL EVIDENCE DURING A JURY TRIAL**
В статье осуществляется комплексный анализ уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов, связанных с подготовкой прокурора к представлению доказательств в суде присяжных. Особое внимание уделяется вопросам, касающимся процесса сбора дополнительных доказательств и их последующего предъявления перед коллегией присяжных заседателей.	The article provides a comprehensive analysis of the criminal procedure and forensic aspects related to the prosecutor's preparation for presenting evidence in a jury trial. Special attention is given to the process of collecting additional evidence and its subsequent presentation to the jury.
Ключевые слова: суд присяжных, подготовка прокурора, сбор дополнительных доказательств	**Keywords:** jury trial, prosecutor's preparation, collection of additional evidence
МОЗГОВАЯ Дина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России	**MOZGOVAYA Dina A.,** candidate of law, associate professor, associate professor of the department criminal procedure Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation
НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ	**URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS: REGULATION ISSUES**
В статье рассматривается понятие неотложных следственных действий. На основе анализа нормативных правовых актов и научных работ автор приходит к выводу о том, что при отсутствии законодательно определенного перечня неотложных следственных действий в подзаконных актах имеет место их расширительное толкование.	The article discusses the concept of urgent investigative actions. Based on an analysis of regulatory legal acts and scientific works, the author concludes that in the absence of a legally defined list of urgent investigative actions, their expansive interpretation takes place in by-laws.
Ключевые слова: орган дознания; неотложные следственные действия; допрос; расследование	**Keywords:** investigative body; urgent investigative actions; interrogation; investigative experiment; investigation
ПОЛЯКОВ Семен Алексеевич, исполняющий обязанности заведующего кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук	**POLYAKOV Semyon A.**, Acting Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Luhansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	**DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS AS A FACTOR AFFECTING NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY**
В данной статье рассматриваются вопросы интеграции в уголовно-процессуальное законодательство современных способов и методов осуществления прокурорского надзора, предварительного и судебного следствия. Исследуется передовой опыт других стран мира по производству следственных действий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предлагается унификация уголовного судопроизводства в условиях появления современных международных договоров по вопросам киберпреступности и информационных технологий. Подчеркивается особая роль искусственного интеллекта (далее – ИИ) в цифровизации уголовного судопроизводства.	This article examines the integration of modern methods and techniques for conducting preliminary, prosecutorial supervision and judicial investigations into criminal procedure legislation. It examines the best practices of other countries in conducting investigative actions using information and telecommunications technologies. It proposes the unification of criminal proceedings in the context of the emergence of modern international treaties on cybercrime and information technology. The special role of artificial intelligence in the digitalization of criminal proceedings is emphasized.
Ключевые слова: искусственный интеллект, национальная безопасность, киберпреступность, цифровизация, экстремизм	**Keywords:** artificial intelligence, national security, cybercrime, digitalization, extremism
ПУШТОРСКАЯ Екатерина Владимировна, заместитель начальника Межрайонной инспекции ФНС России № 11 по Ленинградской области	**PUSHTORSKAIA Ekaterina V.**, Deputy Head of the Interdistrict Inspection of the Federal Tax Service of Russia No. 11 in the Leningrad Region
НАЛОГОВАЯ АМНИСТИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СХЕМ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ	**TAX AMNESTY IN THE APPLICATION OF BUSINESS FRAGMENTATION SCHEMES IN THE CRIMINAL PROCEDURE ASPECT**
Статья посвящена вопросам уголовной ответственности при применении норм об амнистии за налоговые правонарушения, связанные с применением схем дробления бизнеса. На основании анализа научной литературы, налогового, уголовного и уголовно- процессуального законодательства сделан вывод о возможности избежать и уголовного преследования, и возмещения причиненного преступлением ущерба при невыполнении условий налоговой амнистии. Внесены предложения по приостановлению на 3 года течения срока давности уголовного преследования за предусмотренные ст. 198 и 199 УК РФ и выявленные по результатам налоговых проверок случаи уклонения от уплаты налогов путем дробления бизнеса в период реализации положений о налоговой амнистии.	The article is devoted to the issues of criminal liability in the application of amnesty rules for tax offenses related to the use of business fragmentation schemes. Based on the analysis of scientific literature, tax, criminal and criminal procedure legislation, it is concluded that it is possible to avoid both criminal prosecution and compensation for damage caused by a crime if the conditions of the tax amnesty are not met. Proposals have been made to suspend for 3 years the running of the statute of limitations of criminal prosecution for the provided art. 198 and 199 of the Criminal Code of the Russian Federation and cases of tax evasion identified by the results of tax audits by splitting up businesses during the implementation of the provisions on tax amnesty.
Ключевые слова: налоговая амнистия, налоговые преступления, срок давности	**Keywords:** tax amnesty, tax crimes, statute of limitations
РЕЗЦОВ Андрей Викторович, прокурор отдела управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу.	**REZTSOV Andrey V.**, Prosecutor, Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for the North-Western Federal District.

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВА ПРИНЯТИЯ	THE CONCEPT OF JUDICIAL REFORM: RETROSPECTIVE OF THE ADOPTION
В статье анализируются положения Концепции судебной реформы в РСФСР, приведенные в разделе о кризисе юстиции. Содержащиеся в документе данные уголовно-правовой статистики о количестве зарегистрированных и нераскрытых преступлений сравниваются с аналогичными показателями, зафиксированными в США и европейских государствах, а также в России по итогам реализации мероприятий судебной реформы в 2008 году и позднее в 2024 году. Оценивается наличие причинно-следственных зависимостей между динамикой статистических показателей и осуществленными изменениями в законодательстве, рассматриваются вопросы сущности кризиса юстиции, определения предпосылок реформирования уголовно-процессуального законодательства и критериев оценки произведенных изменений.	The article analyzes the provisions of the Concept of Judicial Reform in the RSFSR, which are presented in the section on the crisis of justice. The document contains criminal statistics on the number of registered and unsolved crimes, which are compared with similar figures recorded in the United States and European countries, as well as in Russia following the implementation of judicial reform measures in 2008 and later in 2024. The article assesses the existence of causal relationships between the dynamics of statistical indicators and the changes made in legislation, examines the essence of the justice crisis, and defines the prerequisites for reforming criminal procedure legislation and the criteria for evaluating the changes made.
Ключевые слова: концепция судебной реформы в РСФСР, кризис юстиции, правовая статистка, зарегистрированные преступления, нераскрытые преступления, коэффициент преступности, коэффициент судимости, причинно-следственная зависимость	**Keywords:** judicial reform concept in the RSFSR, justice crisis, legal statistics, registered crimes, unsolved crimes, crime rate, conviction rate, cause-and-effect relationship
СЕРОВА Елена Борисовна, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**SEROVA Elena B.**, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
ПРОКУРОР В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ	**PROSECUTOR IN THE JURY COURT**
В статье рассматриваются основные вопросы участия прокурора в рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателем. Обращается внимание на важность и содержание подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству, анализируется роль прокурора в предварительном слушании. Особое внимание уделено участию в процессе доказывания и выступлении в прениях.	The article discusses the main issues of the prosecutor's participation in the trial of a criminal case by a jury. It highlights the importance and content of the public prosecutor's preparation for the trial, and analyzes the prosecutor's role in the preliminary hearing. Special attention is given to the prosecutor's participation in the evidence process and their presentation in the closing argument.
Ключевые слова: прокурор, суд с участием присяжных заседателей, доказывание, государственное обвинение, прения сторон	**Keywords:** prosecutor, jury trial, proof, state prosecution, plea bargaining
СИДОРЕНКО Елена Васильевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия	**SIDORENKO Elena V.,** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law at the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint-Petersburg, Russia
ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ДИВЕРСИОННОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ	**ISSUES OF PROVING A SUBVERSIVE COMMUNITY AND A TERRORIST COMMUNITY AND THE PROBLEMS OF THEIR DELINEATION**

Наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации уголовной ответственности за организацию террористического сообщества (ст.205.4 УК РФ) и за организацию диверсионного сообщества (ст.381.3 УК РФ) требует разграничения этих преступлений в ходе расследования. В статье рассматриваются вопросы доказывания направленности преступного умысла и поставленных преступных целей перед руководителями и членами преступных сообществ.	The presence in the Criminal Code of the Russian Federation of criminal liability for the organization of a terrorist community (Article 205.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) and for the organization of a sabotage community (Article 381.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) requires the delineation of these crimes during the investigation. The article discusses the issues of proving the direction of criminal intent and the set criminal goals for the leaders and members of criminal communities.
Ключевые слова: террористическое сообщество, диверсионное сообщество, преступный умысел, преступные цели	**Keywords:** terrorist community, sabotage community, criminal intent, criminal goals
СТОЛБОВСКИХ Денис Игоревич, адвокат Тюменской областной коллегии адвокатов (Муравленковский филиал)	**STOLBOVSKIKH Denis I.** Lawyer of the Tyumen Regional Bar Association (Muravlenkovsky Branch)
ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ	**THE PROBLEMS OF COLLECTING AND PRESENTING ADDITIONAL EVIDENCE IN COURT BY PROFESSIONAL PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCESS**
Статья посвящена проблемам собирания, представления профессиональными участниками уголовного процесса дополнительных доказательств в суде. Особое внимание уделено вопросам наличия у сторон и суда восполнять недостатки, допущенные в ходе предварительного расследования, а также соблюдения принципа равноправия лиц, вовлеченных в уголовный процесс.	The article is devoted to the problems of collecting and presenting additional evidence in court by professional participants in the criminal process. Special attention is paid to the issues of whether the parties and the court have to make up for the shortcomings made during the preliminary investigation, as well as respect for the principle of equality of persons involved in the criminal process.
Ключевые слова: уголовное дело, доказывание, сторона обвинения, сторона защиты, доказательство, судебное разбирательство, защитник, возвращение уголовного дела, суд	**Keywords:** criminal case, proof, prosecution, defense, evidence, trial, defender, return of the criminal case, court
СТРАХОВА Светлана Вячеславовна, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**STRAKHOVA Svetlana V.,** Head of the department for Criminal Procedure, Criminalistic and Participation of Public Prosecutor in Criminal Proceedings of the Crimean Institute of Law (the branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРОМ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОЗНАНИЯ, ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	**ON THE ISSUE OF THE GROUNDS FOR REMANDING A CRIMINAL CASE BY THE PROSECUTOR FOR SUPPLEMENTARY INQUIRY AND SUPPLEMENTARY INVESTIGATION**
Рассмотрены проблемные вопросы, связанные с отсутствием в действующем уголовно-процессуальном законодательстве оснований возвращения прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, обвинительным актом, следователю, дознавателю для производ-	The article examines problematic issues arising from the lack of specified grounds in current criminal procedure legislation for prosecutors to remand criminal cases, submitted with charging documents or indictment, back to investigators or inquiry officers for supplementary investigation or inquiry, as well as the

ства дополнительного следствия, дополнительного дознания, а также отсутствием определения понятия неполноты проведенного следствия, дознания. Сделаны выводы о необходимости конкретизации указанных оснований, которые должны быть одинаковыми для прокурора, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, а также закрепления определения понятия неполноты проведенного предварительного следствия, дознания в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.	lack of a definition of the concept incompleteness of the conducted investigation, inquiry. Conclusions are drawn regarding the necessity of specifying mentioned grounds, which should be standardized for the prosecutor, the head of investigative body, the chief of inquiry body, and enshrining of a definition of the concept of incompleteness of the conducted investigation, inquiry in the criminal procedure legislation of the Russian Federation.
Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурором, дополнительное следствие, дополнительное дознание, неполнота проведенного предварительного расследования	**Keywords:** remanding of criminal cases by prosecutors, supplementary investigation, supplementary inquiry, incompleteness of the conducted preliminary investigation
СУХОДОЛОВ Арсений Сергеевич, судья судебной коллегии по уголовным делам Херсонского областного суда	**SUKHODOLOV Arseniy S.,** Kherson Regional Court, judge of the Judicial Board for criminal cases
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ЗА РУБЕЖОМ (НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА ШВЕЦИЯ)	**CRIMINAL PROSECUTION IN PRIVATE INVESTIGATIONS ABROAD (ON THE EXAMPLE OF THE KINGDOM OF SWEDEN)**
В статье исследован институт частного обвинения в Королевстве Швеция. Проанализированы источники, определяющие порядок уголовного судопроизводства по таким делам. Выявлены особенности правового регулирования уголовного преследования по делам частного обвинения в шведском законодательстве, и положительные черты, которые могут представлять интерес для отечественного уголовного процесса.	The article examines the institution of private prosecution in the Kingdom of Sweden. It analyzes the sources that determine the procedure for criminal proceedings in such cases. The article identifies the features of legal regulation of criminal prosecution in private prosecution cases in Swedish legislation, as well as the positive aspects that may be of interest for the national criminal process.
Ключевые слова: частное обвинение, вызывное заявление, потерпевший, Королевство Швеция, уголовное преследование	**Keywords:** private prosecution, summons, victim, Kingdom of Sweden, criminal prosecution
ФЕДЯКОВА Ольга Евгеньевна, старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**FEDYAKOVA Olga E.,** Senior Lecturer, Department of General Humanities and Socioeconomic Disciplines, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ И СПОСОБЫ ВЕРИФИКАЦИИ	**ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ADMISSIBILITY CRITERIA AND VERIFICATION METHODS**
В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с использованием электронных доказательств в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации. Анализируются правовые пробелы, связанные с отсутствием законодательного определения электронных доказательств, критериев допустимости и процедур проверки. В статье анализируются критерии допустимости и предлагаются меры по совершен-	This article examines current issues related to the use of electronic evidence in criminal proceedings in the Russian Federation. It analyzes legal gaps related to the lack of a legislative definition of electronic evidence, admissibility criteria, and verification procedures. The article analyzes admissibility criteria and proposes measures to improve the rules for working with digital information in criminal proceedings. Particular attention is paid to the

ствованию правил работы с цифровой информацией в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется необходимости разработки четких процедур получения, регистрации, изучения и хранения электронных доказательств для повышения эффективности электронных доказательств и защиты прав граждан в цифровой среде.	need to develop clear procedures for obtaining, recording, examining, and storing electronic evidence to improve the effectiveness of electronic evidence and protect citizens' rights in the digital environment.
Ключевые слова: электронные доказательства, цифровая информация, методы проверки, уголовное судопроизводство, правовое регулирование	**Keywords:** electronic evidence, digital information, verification methods, criminal proceedings, legal regulation
ХОЛОПОВ Алексей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.	**KHOLOPOV Alexey V.,** PhD in Law, Associate Professor, Head of the Forensic Laboratory at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
ПРАВОСУДИЕ В СТИЛЕ «СУДЬИ ДРЕДД» КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПЕРСПЕКТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	**JUDGE DREDD-STYLE JUSTICE AS A POSSIBLE PROMISING OUTCOME OF THE DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS**
Статья посвящена процессу цифровизации с точки зрения таких её характеристик, как тотальность и прозрачность, ставших свойствами цифровой среды, соответственно описывающими степень распространения и проникновения цифровых технологий, а также открытость и доступность всевозможных цифровых данных о личной или общественной сферах жизнедеятельности. Автор высказывает мнение, что в перспективе возможно создание системы искусственного интеллекта, специализированной в области уголовного судопроизводства, с высоким уровнем автоматизации, а также вычислительными и информационно-аналитическими ресурсами, которые позволяют проводить практически мгновенное расследование и судебное рассмотрение преступлений, а также исполнение наказаний.	This article examines the digitalization process in terms of its characteristics, such as totality and transparency, which have become properties of the digital environment, respectively describing the degree of distribution and penetration of digital technologies, as well as the openness and accessibility of all kinds of digital data on personal and public spheres of life. The author suggests that it is possible to create an artificial intelligence system specialized in criminal proceedings, with a high level of automation, as well as computational and information-analytical resources, enabling the near-instantaneous investigation and trial of crimes, as well as the enforcement of sentences.
Ключевые слова: цифровизация; тотальность цифровизации; цифровая прозрачность; уголовное судопроизводство; правосудие; искусственный интеллект; большие данные	**Keywords:** digitalization; comprehensive digitalization; digital transparency; criminal proceedings; justice; artificial intelligence; big data
ШАДРИНА Екатерина Геннадьевна, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.	**SHADRINA Ekaterina G.,** associate professor, department of criminal procedure, Russian state pedagogical univ. A.I. Herzen, candidate of legal sciences, associate professor.
ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ	**SPECIFIC FEATURES OF PROVIDING CHARGES IN A JURY TRIAL: PROBLEM ISSUES AND WAYS TO RESOLVING THEM**
В статье исследуются процессуальные и тактические особенности процесса доказывания государственным обвинителем обвинения в суде с участием присяжных заседателей. На основе изучения судебной практики отмены приговоро-	This article examines the procedural and tactical aspects of proving charges by a public prosecutor in a jury trial. Based on a study of judicial practice in overturning sentences, problems arising in supporting charges are

ров, выявлены проблемы, возникающие при поддержании обвинения, предложены рекомендации по их устранению. В заключении, автор приходит к выводу о необходимости специальной регламентации деятельности прокурора в суде с участием присяжных заседателей с учетом особенностей данной формы уголовного судопроизводства и ограниченного предмета доказывания на уровне приказа Генеральной прокуратуры России.	identified and recommendations for their resolution are offered. In conclusion, the author concludes that special regulations are needed for prosecutors in jury trials, taking into account the specifics of this form of criminal proceedings and the limited scope of proof, as established by the order of the Prosecutor General's Office of Russia.
Ключевые слова: государственный обвинитель, обвинение, предмет доказывания, присяжные заседатели	**Keywords:** public prosecutor, prosecution, scope of proof, jurors
ЦЕДРИК Сергей Викторович, заместитель директора Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация	**TSEDRIK Sergey V.,** Deputy Director of Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation
ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ФАКТОВ ОКАЗАНИЯ ОПАСНЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВАМ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА	**FEATURES OF PRIMARY INVESTIGATIVE ACTIONS IN IDENTIFYING FACTS OF PROVIDING HAZARDOUS SERVICES BY AIR TRANSPORT**
В данной статье приводятся некоторые особенности первичных следственных действий, специфика фиксации фактов оказания опасных для жизни и здоровья граждан услуг с использованием воздушного транспорта. Даны определенные рекомендации по производству на месте отдельных следственных действий, которые могут повлиять на объективность вывода о наличии либо отсутствии события и состава преступления, а так же обеспечить полноту процесса доказывания незаконной деятельности.	This article outlines some of the specifics of initial investigative actions and the specifics of documenting incidents involving the provision of services dangerous to the life and health of citizens using air transport. Specific recommendations are provided for conducting specific investigative actions at the scene that may influence the objectivity of the conclusion regarding the presence or absence of an event and the elements of a crime, as well as ensure the completeness of the process of proving illegal activity.
Ключевые слова: услуги, безопасность, воздушный транспорт, уголовно-процессуальное законодательство, доказательства	**Keywords:** services, security, air transport, criminal procedure legislation, evidence
АБДУЛЛАЕВ Вугар Азерович, студент 1 курса ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», г. Хабаровск	**ABDULLAEV Vugar A.,** 1st year student Lebedev Russian State University of Justice, Khabarovsk
Научный руководитель доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», к.ю.н., доцент **МАРТЫНОВА О. А.,** г. Хабаровск	**Scientific supervisor** Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor Lebedev Russian State University of Justice **MARTYNOVA O. A.,** Khabarovsk
СИСТЕМА ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	**WITNESS PROTECTION SYSTEM IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: PROBLEMS OF EFFICIENCY AND WAYS TO IMPROVE IT**
В статье автор анализирует правовой статус свидетеля в уголовном процессе России, рассматривает права, обязанности и ответственность лиц, обладающих таким статусом. Кроме того, затрагиваются проблемы института государственной	In the article, the author analyzes the legal status of a witness in the Russian criminal process, examines the rights, duties and responsibilities of persons with such a status. In addition, the problems of the institution of State

защиты свидетелей в качестве ключевой составляющей обеспечения гарантии безопасности, защиты жизни, здоровья и имущества.	witness protection as a key component of ensuring security, protection of life, health and property are touched upon.
Ключевые слова: свидетель, институт защиты свидетелей, уголовное судопроизводство, меры безопасности, процессуальные права, свидетельские показания	**Keywords:** witness, witness protection institute, criminal proceedings, security measures, procedural rights, witness testimo
АНИСКОВИЧ Полина Сергеевна, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия	**ANISKOVICH Polina S.,** St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
БАРЫШНИКОВА Таисия Александровна, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия	**BARYSHNIKOVA Taisiya A.,** St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции **СЫЧЕВ Д. А.**	**Scientific adviser** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Justice Counsellor **SYCHEV D. A.**
СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: МЕЖДУ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЬЮ И РЕАЛИЯМИ РОЗЫСКНОЙ МОДЕЛИ	**COMPETITIVENESS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDING: BETWEEN THE ROMANTIC GOAL AND THE REALITIES OF THE INVESTIGATIVE MODEL**
Статья посвящена анализу принципа состязательности уголовного судопроизводства Российской Федерации. Авторы рассматривают проблему процесса собирания доказательств стороной защиты на предварительном расследовании, приводят в пример зарубежный опыт, а также предлагают пути решения.	The article is devoted to the analysis of the principle of adversarial criminal proceedings in the Russian Federation. The authors consider the problem of the process of collecting evidence by the defense side during the preliminary investigation, provide examples of foreign experience, and offer solutions.
Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательства, сторона защиты, сторона обвинения, состязательность	**Keywords:** criminal proceedings, proof, evidence, defense, prosecution, and adversarial proceedings
АРТЕМЬЕВА Элина Николаевна, студент 5 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ARTEMEVA Elina N**., 5th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **БАРКАЛОВА Е. В.**	Scientific supervisor Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **BARKALOVA E. V.**
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЯ «СЕРИЙНОЕ УБИЙСТВО»	**ON THE CRIMINAL PROCEDURE MEANING OF THE CONCEPT OF «SERIAL HOMICIDE»**
В статье рассматриваются вопросы значения такого термина, как «серийное убийство» применимо к сфере уголовного процесса, в частности, к отдельным процессуальным институтам. Вы-	The article discusses the meaning of the term "serial murder" in relation to the field of criminal proceedings, particularly in relation to certain procedural institutions. The author

сказывается точка зрения относительно необходимости законодательного закрепления данной категории.	expresses a view on the need for legislative consolidation of this category.
Ключевые слова: серийное убийство, возбуждение уголовного дела, соединение уголовных дел	**Keywords:** serial murder, initiation of a criminal case, connection of criminal cases
ГРИГОРЬЕВ Иван Александрович, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия	**GRIGORIEV Ivan A.,** St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Научный руководитель научный сотрудник криминалистической лаборатории Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **НЕПЕИН Г. Г.**	**Scientific adviser** Research associate of the criminalistics laboratory of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **NEPEIN Gr. Gr.**
ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ АВИАКАТАСТРОФ С УЧАСТИЕМ ГРУППЫ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ	**FEATURES OF TACTICS FOR INSPECTING THE SCENE OF AIR CRASHES WITH THE PARTICIPATION OF AN INVESTIGATION AND OPERATIONAL GROUP**
В данной статье рассматриваются особенности тактики осмотра места происшествия авиакатастроф с участием группы следователей. Автором выделяются несколько вариантов организации работы в следственной группе на месте происшествия, участие следователей-криминалистов, а также выбор наиболее оптимального способа протоколирования места происшествия.	This article examines the specific tactics of air crash scene investigations involving a team of investigators. The author outlines several options for organizing the investigative team's work at the scene, the participation of forensic investigators, and the selection of the most optimal method for recording the scene.
Ключевые слова: тактика осмотра места происшествия авиакатастроф, группа следователей, следователь-криминалист, протокол осмотра места происшествия	**Keywords:** Air crash scene inspection tactics, investigator group, forensic investigator, crime scene inspection protocol
ДАКОВ Николай Степанович, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия	**DAKOV Nikolay S.,** St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
МИХАЙЛОВ Алексей Дмитриевич, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия	**MIHAYLOV Aleksey D.,** St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **БАРКАЛОВА Е. В.**	**Scientific adviser** Associate Professor of the department of criminal procedure and criminalistics at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of Legal sciences, associate professor **BARKALOVA E. V.**
К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ	**ON THE ISSUE OF LEGISLATIVE REGULATION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH UNCERTAIN PROCEDURAL STATUS**
Статья посвящена проблеме отсутствия законодательной регламентации правового положения лиц с неопределённым процессуальным статусом в уголовном процессе. Анализируются их фактический статус, права и обязанности во взаимосвязи с правовым статусом иных участников	The article is devoted to the problem of the lack of legislative regulation of the legal status of persons with undefined procedural status in criminal proceedings. The article analyzes their actual status, rights and obligations in relation to the legal status of other participants

уголовного процесса. Предлагаются возможные пути ликвидирования правового пробела через правовое регулирование и формирующуюся судебную практику. Подчеркивается значимость чёткого определения процессуального статуса для обеспечения законности и защиты прав участников уголовного судопроизводства	in the criminal process. Possible ways of closing the legal gap through legal regulation and emerging judicial practice are proposed. The importance of a clear definition of procedural status for ensuring legality and protecting the rights of participants in criminal proceedings is emphasized.
Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, пробелы законодательства, неопределенный процессуальный статус	**Keywords:** criminal procedure, criminal proceedings, legislative gaps, undefined procedural status
ЖИЛЯЕВ Данил Дмитриевич, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия	**ZHILYAEV Danil D.,** St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **КУЛИК Н. В.**	**Scientific adviser** Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **KULIK N. V.**
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ АНИМАЦИИ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ	**CURRENT ISSUES OF USING FORENSIC ANIMATIONS TO SUPPORT PROSECUTION IN A JURY TRIAL**
В статье рассматривается проблема наглядного предъявления присяжным заседателям доказательств по уголовному делу. В качестве решения такой проблемы предлагается метод визуализации события преступления посредством криминалистической анимации. В заключение рассматриваются эффективные возможности использования такого метода государственными обвинителями.	The article discusses the problem of visually presenting evidence to jurors in a criminal case. As a solution to this problem, a method of visualizing the crime event through forensic animation is proposed. In conclusion, the effective possibilities of using this method by public prosecutors are considered.
Ключевые слова: уголовный процесс, присяжные заседатели, визуализация доказательств, криминалистическая анимация	**Keywords**: criminal proceedings, juries, visualization of evidence, forensic animation
КОЧЕВИНОВ Семён Юрьевич Студент 5 курса Санкт-Петербургского юридического института Университета прокуратуры (филиала) Российской Федерации	**KOCHEVINOV Semyon Yu.** 5th year student of the St. Petersburg Law Institute of the University of the Prosecutor's Office (branch) of the Russian Federation
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **БАРКАЛОВА Е. В.**	**Scientific supervisor** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **BARKALOVA E. V.**
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	**SOME THEORETICAL ISSUES OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS**
В предложенной статье рассматривается ряд теоретических вопрос касательно доказывания в уголовном судопроизводстве. Автор касается существа доказывания, как процесса, рассматривает его цели, а также проблему истины как цели доказывании в уголовном судопроизводства. В	The proposed article discusses a number of theoretical issues regarding proof in criminal proceedings. The author addresses the essence of proof as a process, examines its goals, and addresses the issue of truth as the goal of proof in criminal proceedings. The article concludes

конце статьи обосновывается актуальность дальнейшего изучения тема статьи.	with a discussion of the relevance of further research on the topic.
Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, истина, познание, доказательства	**Keywords:** criminal proceedings, proof, truth, knowledge, evidence
НИКИТИНА Виталия Сергеевна, студентка 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**NIKITINA Vitaliya S.,** 3rd year students St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **СЫЧЕВ Д. А.**	**Scientific adviser** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **SYCHEV D. A.**
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ	**THE EVIDENTIARY VALUE OF A GUILTY PLEA UNDER RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW**
Статья посвящена исследованию роли признания вины в качестве одного из доказательств в уголовном процессе. Проанализирован недостаток законодательных формулировок, который, по мнению автора, требует изменения. Рассмотрено соотношение категорий признания вины, согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением и явки с повинной.	The article is devoted to the study of the role of confession of guilt as one of the evidences in criminal proceedings. The lack of legislative wording, which, according to the author, requires change, is analysed. The ratio of the categories of confession of guilt, the consent of the accused with the charge against him and the guilty plea is considered.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, признание вины, доказывание, подозреваемый, обвиняемый	**Keywords:** criminal proceedings, confession of guilt, evidence, suspect, accused
ОСМОНОВ Курманбек Динмухамедович, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации**.**	**OSMONOV Kurmanbek D.,** 5th year student of the St. Petersburg Law Institute of the University of the Prosecutor's Office (branch) of the Russian Federation.
СЕЗИМ Максат, студентка 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.	**SEZIM Maxat,** 5th year student of the St. Petersburg Law Institute of the University of the Prosecutor's Office (branch) of the Russian Federation.
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **БАРКАЛОВА Е. В.**	**Scientific supervisor** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **BARKALOVA E. V.**
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	**FEATURES OF INVESTIGATIVE ACTIONS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC**
Статья посвящена сравнительно-правовому анализу особенностей производства следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации и Кыргызской Республики. Особое внимание уделено реформе уголовного процесса в Кыргызской Республике, включающей отказ от стадии возбуждения уголовного дела, введение института следственного судьи, использование	This article provides a comparative legal analysis of the specifics of investigative actions in criminal proceedings in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. Particular attention is paid to the reform of criminal procedure in the Kyrgyz Republic, which includes the elimination of the initiation stage of criminal proceedings, the introduction of the insti-

специальных следственных действий и обязательное применение технических средств фиксации вместо понятых. Показаны ключевые различия между российским и кыргызским законодательством, а также влияние цифровизации на процесс собирания и закрепления доказательств.	tution of an investigative judge, the use of special investigative actions, and the mandatory use of technical recording equipment in lieu of witnesses. Key differences between Russian and Kyrgyz legislation are highlighted, as well as the impact of digitalization on the process of collecting and securing evidence.
Ключевые слова: следственные действия, уголовное дело, следственный судья, уголовное судопроизводство, понятой	**Keywords:** investigative actions, criminal case, investigating judge, criminal proceedings, witness
РАДЖАБОВА Тамила Рауфовна, студентка Северо-Кавказского института (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России)	**RADZHABOVA Tamila R.**, student of the North Caucasus Institute (f) VSUJ (RPA Ministry of Justice of Russia)
Научный руководитель старший преподаватель кафедры «Уголовного права и процесса» Северо-Кавказского института (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России) **КУХТЯЕВА Е. А.**	**Scientific adviser** Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Institute (VSUJ) (Russian State University of Justice, Ministry of Justice of Russia) **KUKHTYAEVA E. A.**
К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ НАРУШЕНИЯХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА, ВЫСТУПАЮЩИХ ОСНОВАНИЯМИ ДЛЯ ОТМЕН ПРИГОВОРА, ПОСТАНОВЛЕННОГО НА ОСНОВЕ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	**ON THE QUESTION OF SIGNIFICANT VIOLATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE LAW THAT SERVES AS GROUNDS FOR CANCELLING A SENTENCE RENDERED BASED ON A JURY VERDICT**
В статье анализируются и проводится судебная практика существенных процессуальных нарушений, которые могут привести к отмене приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных заседателей. Особе внимание уделяется вопросам гарантий прав участникам процесса, механизма выявления нарушений, а также критерий их существенности.	This article analyzes and reviews case law on significant procedural violations that can lead to the overturning of sentences rendered based on jury verdicts. Particular attention is given to issues of guaranteeing the rights of trial participants, the mechanism for identifying violations, and the criterion for their materiality.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, существенные нарушения, присяжные заседатели, приговор	**Keywords:** criminal proceedings, significant violations, jurors, verdict
СЕНЬКИНА Дарья Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия	**SENKINA Daria A.,** St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ, кандидат юридических наук **КУШНИРЕНКО С. П.**	**Scientific adviser** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic at St. Petersburg State University, Candidate of Legal Sciences **KUSHNIRENKO S. P.**
СЛОЖНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ НАЛИЧИЯ ПРЯМОГО УМЫСЛА ЛИЦА ПО ДЕЛАМ О ПРЕДНАМЕРЕННЫХ БАНКРОТСТВАХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	**DIFFICULTIES IN PROVING THE PRESENCE OF DIRECT INTENT OF A PERSON IN CASES OF INTENTIONAL BANKRUPTCY OF LEGAL ENTITIES**
Статья посвящена актуальной проблеме доказывания наличия прямого умысла лица по делам о преднамеренных банкротствах юридических лиц. В статье проанализированы различные подходы к определению формы умысла, выявлены практические проблемы доказывания и предложены возможные пути их разрешения. На основе анализа судебной и следственной практики сде-	The article is devoted to the urgent problem of proving the presence of direct intent of a person in cases of intentional bankruptcy of legal entities. The article analyzes various approaches to determining the form of intent, identifies practical problems in proving intent, and proposes possible ways to resolve them. Based on an analysis of court and investigative practice, conclusions are drawn about the need

ланы выводы о необходимости разработки методических рекомендаций для выявления наличия или отсутствия прямого умысла лица на совершение преднамеренного банкротства юридического лица.	to develop methodological recommendations for identifying the presence or absence of direct intent of a person to commit intentional bankruptcy of a legal entity.
Ключевые слова: преднамеренное банкротство юридического лица, прямой умысел	**Keywords:** intentional bankruptcy of legal entity, direct intent
СТЕПИНА Мария Алексеевна, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия	**STEPINA Maria A.,** St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **БАРКАЛОВА Е. В.**	**Scientific adviser** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and forensic science of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **BARKALOVA E. V.**
ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ СПОСОБА УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ	**THE ROLE OF THE FORENSIC MEDICAL EXAMINATION IN DECIDING WHETHER TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS ON MURDER COMMITTED WITH EXTREME CRUELTY**
Статья посвящена определению роли судебно-медицинской экспертизы при решении вопроса о возбуждении уголовного дела об убийстве с особо жестокостью. Затронуты теоретические аспекты определения понятия особой жестокости, а также особенности использования результатов судебно-медицинской экспертизы при расследовании рассматриваемого вида преступлений.	The article is devoted to determining the role of forensic medical examination in deciding the issue of initiating a criminal case on murder with special cruelty. The theoretical aspects of defining the concept of special cruelty are touched upon, as well as the features of using the results of forensic medical examination in the investigation of this type of crime.
Ключевые слова: особая жестокость, экспертиза, убийство, заключение эксперта, преступление	**Keywords:** special cruelty, examination, murder, expert opinion
ФРАНЧАК Ксения Витальевна, студентка 5 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.	**FRANCHAK Ksenia V.,** 5th year student of the St. Petersburg Law Institute of the University of the Prosecutor's Office (branch) of the Russian Federation.
Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **КУЛИК Н. В.**	**Scientific supervisor** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor KULIK N. V.
К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ПРОКУРОРОМ ОСНОВАНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 237 УПК РФ	**ON THE QUESTION OF THE PROSECUTOR'S ASSESSMENT OF THE GROUNDS PROVIDED FOR IN ARTICLE 237 OF THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье анализируются основания возвращения прокурору уголовного дела судом в порядке ст. 237 УПК РФ в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-	The article analyzes the grounds for the court to return a criminal case to the prosecutor in accordance with Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in light of Resolution No. 39 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.12.2024 "On the practice of applying by

процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору».	courts the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the grounds and procedure for returning a criminal case to the prosecutor."
Ключевые слова: уголовное дело, прокурор, основания возвращения дела прокурору, суд	**Keywords:** criminal case, prosecutor, grounds for returning the case to the prosecutor, court
ШЕЛКОВНИКОВ Борис Олегович аспирант федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта".	**SHELKOVNIKOV Boris O.** postgraduate student of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Immanuel Kant Baltic Federal University".
Научный руководитель доктор юридических наук, профессор **ВОЛЧЕЦКАЯ Т. С.**	**Scientific supervisor** Doctor of Law, Professor **VOLCHETSKAYA T. S.**
ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	**PROBLEMS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND WAYS TO SOLVE THEM**
Статья посвящена рассмотрению проблем осуществления прокурором своей надзорной функции в досудебном производстве. Приводятся дополнительные аргументы в пользу наделения прокурора полномочием по возбуждению уголовного дела.	This article examines the challenges of prosecutors exercising their supervisory functions in pre-trial proceedings. Additional arguments are presented in favor of empowering prosecutors to initiate criminal proceedings**.**
Ключевые слова: прокурор, досудебное производство, надзор, процессуальные функции	**Keywords:** prosecutor, pre-trial proceedings, supervision, procedural functions
ШКРЯБИН Никита Михайлович, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SHKRYABIN Nikita M.**, 3d year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Научный руководитель доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент **БАРКАЛОВА Е. В.**	**Scientific director** Associate Professor of the Department, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **BARKALOVA E. V.**
НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**NOVELTIES OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS A PREREQUISITE FOR THE INTRODUCTION OF ELECTRONIC CRIMINAL CASES IN THE RUSSIAN FEDERATION**
В научной статье рассматриваются введение в УПК РФ статей 474.1 и 474.2 как предпосылка для создания электронного уголовного дела. Анализируются существующие проблемы в указанных нормах. Предлагаются способы решения этих проблем	The scientific article discusses the introduction of Articles 474.1 and 474.2 to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a prerequisite for the creation of an electronic criminal case. The existing problems in these standards are analyzed. Ways to solve these problems are proposed
Ключевые слова: Электронное уголовное дело, электронные документы, злоупотребление полномочиями, цифровизация уголовного судопроизводства, электронный документооборот	**Keywords:** Electronic criminal case, electronic documents, abuse of authority, digitalization of criminal proceedings, electronic document management

Научное издание

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:

ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

IV Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 5 декабря 2025 года

М А Т Е Р И А Л Ы

Компьютерная правка и верстка *Ж. Т. Дерюжкиной*

Подписано к использованию 13.04.2026.
Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 12 экз. Заказ 7/26.
1 электрон. опт. диск (CD-R). 1,91 Мб.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru тел.: 272-27-59